ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР

ДРЕВНОСТИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1982

ББК 63.4(2)
Д73

Научные редакторы:
Л. Д. Поболь, доктор исторических наук,
А. 3. Таутавшюс, кандидат исторических наук

Рецензенты:
А. Г. Мигрофанов, М. А. Ткачев, В. Ф. Исаенко,
кандидаты исторических наук

Д73 **Древности** Белоруссии и Литвы: [Сб. статей] / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН ЛитССР; [Науч. ред. Л. Д. Поболь, А. 3. Таутавичюс].— Мн.: Наука и техника, 1982.— 175 с.

В пер.: 1 р. 10 к.

Рассматриваются вопросы древней истории Белоруссии и Литвы. Статьи первого раздела посвящены эпохе камня и бронзы, второго — железному веку, третьего — периоду феодализма. Изложены итоги археологических раскопок последних лег, обобщаются предшествующие исследования.

Д $\frac{10602-033}{М316-82}$ 13—82 0507000000

ББК 63.4(2)
902.6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей молодых археологов Белоруссии и Литвы воссоздает отдельные неизвестные страницы исторического процесса на разных территориях Восточной Европы. Статьи в основном базируются на материалах археологических изысканий, осуществленных молодыми археологами в последние годы, а также в определенной степени обобщают итоги работ предшественников.

В подготовке сборника участвовали научные сотрудники Института истории АН БССР В. С. Вергей, М. Ф. Гурин, О. Н. Левко, М. И. Лошенков, художник Ш. И. Бектинеев.

В. С. ВЕРГЕИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БССР

Белорусские археологи получили от своих дореволюционных предшественников научное наследство, заключающееся преимущественно в коллекциях предметов эпохи бронзы и курганного периода, в определенном комплексе идей и методов исследования. Множество работ посвящено публикациям раскопок, описанию и классификации вещей. Однако до широких исторических обобщений дореволюционная археология подняться не смогла. Отсутствие научных учреждений, способных спланировать и возглавить работу по изучению древнейших периодов человеческого общества на территории Белоруссии, отрицательно сказьвалось на развитии археологической науки. Коренные изменения в изучении древней истории произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новые пути и возможности для развития археологии в республике. Начался качественно новый, советский этап археологических исследований в Белоруссии. Это было время становления белорусской советской археологической науки, осознания ею новых задач, подготовки научных кадров. Консолидация сил археологов-марксистов и начало их творческой работы на новом этапе связаны с возникновением научных учреждений, созданных Советской властью. Еще в разгар гражданской войны Временное правительство Литовско-Белорусской республики издало 25 марта 1919 г. указ о создании Археологической комиссии при Народном комиссариате просвещения. Комиссия должна была возглавить всю работу по сбору и систематизации сведений об исторических памятниках, их охране и популяризации, организации исследовательских экспедиций и издании научных трудов[1]. Военные действия, начавшиеся на территории республики, помещали Археологической комиссии осуществить поставленные перед ней задачи. После изгнания интервентов и окончания гражданской войны Со-

ветская Белоруссия приступила к реализации планов социалистического переустройства экономики, культуры и науки. Разработкой планов и программы деятельности научных, просветительных, учебных учреждений в Белоруссии занялся Академический центр Наркомпроса БССР, созданный в 1921 г. В его состав вошла Научно-терминологическая комиссия, которая наряду с созданием белорусской терминологии во всех отраслях науки ведала вопросами регистрации, охраны и изучения археологических памятников[2].

В 1922 г. на базе Научно-терминологической комиссии был создан Институт белорусской культуры — центральное научно-исследовательское учреждение БССР. На него была возложена задача организации планомерного изучения белорусского языка, литературы, истории, этнографии, социально-экономического развития и других проблем. В 1923 г. в Инбелкульте была учреждена Историко-социологическая секция, которая в первую очередь занялась составлением библиографии по истории и археологии Белоруссии, а также подбором кадров для ведения научно-исследовательской работы[3]. В уставе Инбелкульта 1924 г. подчеркивалось, что право на ведение археологических раскопок в пределах БССР зависит исключительно от ИБК..

В октябре 1925 г. в Институте белорусской культуры была организована Историко-археологическая комиссия, а в ноябре в ее составе учреждается временная подкомиссия по изучению древнего Минска[4]. Археологическую комиссию возглавил М. В. Довнар-Запольский, к работе в ней были привлечены А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский, И. А. Сербов, П. В. Харламлович. В области археологии комиссия занялась составлением археологической карты БССР по материалам, собранным с помощью анкет и извлеченных из литературных источников, разработкой перспективного плана археологических экспедиций, составлением специальной терминологии на белорусском языке. Значительным достижением Историко-археологической комиссии в первый год ее существования следует считать подготовку и созыв съезда по вопросам археологии и археографии Белоруссии, который состоялся в Минске в январе 1926 г. Съезд подвел итоги археологического изучения БССР и определил задачи на будущее. В 1925 г. была создана Комиссия по охране памятников старины[5]. Будучи органом административно-руководящим и одновре-

менно научно-исследовательским, комиссия вела большую работу по выявлению, изучению, регистрации и охране на территории БССР памятников археологии, быта, искусства и природы. Она же выполняла функцию научной экспертизы и концентрации древностей. На основании материалов, обработанных комиссией, были составлены списки наиболее выдающихся памятников истории, культуры и природы по округам (в административном делении БССР насчитывалось в то время восемь округов). После согласования полученных данных с окружными исполнительными комитетами памятники, согласно спискам, Совнаркомом БССР были объявлены государственной собственностью, подлежащей охране[6].

В 1927 г. был принят новый устав Инбелкульта, все комиссии и секции сгруппированы в два отдела: природы и хозяйства и гуманитарных наук. Отделы института объединяли 17 кафедр и 23 постоянные комиссии. Историко-археологическая комиссия и Комиссия по охране памятников старины были реорганизованы в Археологическую комиссию отдела гуманитарных наук ИБК, состоящую из трех сотрудников: А. Н. Лявданского на посту научного секретаря комиссии и двух членов — К. М. Поликарповича и С. А. Дубинского[7]. Через год Археологическая комиссия была преобразована в кафедру археологии Инбелкульта. Большая самостоятельность комиссии, укрепление ее материальной базы, создание кабинета для обработки материалов и фотолаборатории дали возможность шире развернуть экспедиционную работу, повысить информационное качество археологических источников. Благодаря планомерности в работе, которая в дореволюционных археологических исследованиях отсутствовала, за десятилетие Советской власти в археологическом изучении Белоруссии были достигнуты значительные результаты. Маршруты экспедиций пролегли по рекам: Сожу и его притокам, Днепру и его притокам (Оршанщина, Могилевщина), Припяти (Туровщина, Мозырщина), Западной Двине (Витебск, Полоцк), Свислочи. Кроме того, были проведены археологические разведки и раскопки под Минском, на Гомельщине, в Смолевичском и Дубровенском районах.

Большим успехом белорусской археологии следует считать открытие и изучение памятников палеолита. До 1926 г. палеолит в Белоруссии был неизвестен. Открыт он благодаря неутомимым поискам К. М. Поликарповича. На Соже, около д. Бердыж Чечерского района, были обнаружены

остатки мамонта и предприняты раскопки. Полученные материалы позволили К. М. Поликарловичу сделать вывод о наличии палеолитической стоянки и о необходимости стационарных раскопок на ней[8]. В изучении Бердыжской стоянки большую помощь белорусским археологам оказали ученые Ленинграда и Москвы. С, Н. Замятнин руководил раскопками 1927 г.[9], Г. Ф. Мирчинк определил геологические условия залегания стоянки [10], В. И. Громов обработал остеологический материал[11]. Факт открытия палеолитической стоянки имел важное значение, так как вследствие отсутствия систематических поисков памятников палеолитического возраста в досоветское время создавалось ошибочное представление о слабой заселенности древней территории республики и об отсутствии здесь условий для существования первобытных групп человечества. Значительное место в деятельности археологических учреждений Инбелкульта заняло изучение памятников мезолита, неолита и эпохи бронзы. Было открыто, обследовано и нанесено на карту несколько сотен стоянок и местонахождений различных вещественных остатков названных эпох (против нескольких десятков известных до революции), собран большой подъемный материал. Однако эти работы носили преимущественно рекогносцировочный характер, они выясняли культурную стратиграфию памятников и не давали достаточного представления о содержании древних культур во всем их многообразии и исторической взаимосвязи[12].

Научные экспедиции по изучению памятников железного века позволили обнаружить большое, количество городищ и селищ на территории республики. Некоторые из них подвергались раскопкам. Наиболее интересными и крупными по масштабам стали раскопки Банцеровского городища под Минском, осуществленные под руководством С. А. Дубинского. Они положили начало изучению культур, привлекающих самое пристальное внимание археологов и в наши дни. Накопленный материал по раннему железному веку Белоруссии позволил А. Н, Лявданскому внести коррективы в классификацию городищ, сделанную им в основном по материалам Смоленщины в 1926 г., отметить их территориальные и хронологические особенности [13]. Исходя из анализа керамического материала, А. Н. Лявданский выделил на территории Белоруссии и Смоленщины четыре локальных варианта городищ: городища со штрихованной керамикой центральной и северной Белоруссии (их он счи-

тал наиболее древними), городища с лепной гладкостенной посудой северо-востока БССР и запада Смоленщины, припятские городища с лепной гладкостенной керамикой, отличающиеся от городищ северо-восточной Белоруссии, и городища Гомельщины с гладкостенной и штрихованной керамикой, приближающиеся по своему типу к припятским. В дальнейшем по мере расширения источниковедческой базы А. Н. Лявданский уточнял и дополнял классификацию городищ.

В советское время положено начало систематическому исследованию древностей западных земель Руси. А. Н. Лявданский, С. А. Дубинский, А. Д. Коваленя открыли и обследовали укрепленные городища древней поры в Витебске, Полоцке, Орше, Турове и т. д. Полученные данные позволили начать научную разработку вопросов по истории древнерусских городов, таких, как происхождение города, развитие городского ремесла, особенностей культовой архитектуры и искусства. Наибольшие успехи были достигнуты белорусскими археологами в изучении и публикации курганных древностей. Значительные раскопки курганов осуществлены возле Заславля, Минска, Орши, на Гомельщше. Часто работы носили комплексный характер, производилась увязка курганных древностей с соответствующим материалом, добытым в результате раскопок поселений.

Археологическая работа в первое десятилетие Советской власти не ограничивалась только полевыми исследованиями, регистрацией и описанием памятников. Параллельно с этим велась и научная обработка полученных материалов и их публикация. Несколько статей, отражающих деятельность Историко-археологической комиссии Инбелкульта по археологическому изучению республики, было напечатано в Историко-археологическом сборнике ИБК, вышедшем в 1927 г. В 1928 г. был издан первый том трудов по археологии Белоруссии, осветивший основные направления в развитии белорусской археологии этого, времени (Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 5.— Працы кафедры археалогіі, т. I. Мн., 1928). Ряд статей и заметок по археологии БССР появился в республиканской периодической печати, в центральных изданиях. Анализируя период становления белорусской археологической науки, следует особенно выделить те важнейшие черты, которые были обусловлены новой эпохой. Так, с первых лет Советской власти археология обрела новые организационные формы и получила

большую материальную помощь со стороны государства. Это позволило организовать планомерное изучение древностей Белоруссии. Талантливая молодежь, влившаяся в науку в середине 20-х годов, рассматривала археологию как средство познания ранней истории человечества, как сферу приложения марксизма к конкретному изучению докапиталистических социально-экономических формаций. Огромной заслугой советских археологов, в частности белорусских, является то, что они превратили археологию в подлинную часть исторической науки. В отличие от дореволюционной археологии, занимавшей подчиненное положение по сравнению с другими отраслями науки и оторванной от общественной жизни, археологические работы изучаемого периода в БССР были тесно связаны с развитием общественных отношений.

Новый взгляд на археологию привел к крупному перелому в выборе раскопочных объектов: наряду с изучением курганов археологи занялись исследованием стоянок, городищ, селищ, раннефеодальных городов, т. е. поселений, позволяющих раскрыть хозяйственно-социальную историю населения Белоруссии в древности. В связи с историческими задачами стала изменяться и совершенствоваться методика разведок и раскопок. Одним из самых важных моментов новой методики полевых работ явился переход к раскопкам поселений большими площадями, позволяющим выяснить не только стратиграфию памятника, но и обнаружить жилища и хозяйственные комплексы. Новая методика способствовала наиболее полной реконструкции истории изучаемого поселения. Менялись объекты археологических исследований, появлялись новые методы работы с добытым м-атериалом. Наряду с традиционным типологическим методом начали применяться методы естественных наук. Комплексные исследования с участием геологов, антропологов, палеонтологов, этнографов повышали роль археологического материала как исторического источника, содействовали не только формальному изучению вещей, но и осуществлению глубоких исторических реконструкций.

Наконец, новым явлением, повышавшим эффективность археологических исследований, явилось массовое краеведческое движение, усилившееся с 1924 г. (создание Центрального бюро краеведения при Инбелкульте). Краеведческие организации проделали большую работу по выявлению, регистрации и охране исторических древностей, что помогало

накоплению археологического материала, способствовало пропаганде археологических знаний среди населения [14].

Итак, в первое десятилетие Советской власти заложены основные принципы археологической науки в БССР. Это период утверждения новой методологии и новых методов исследования, определивших прогресс накопления археологических источников и их научно-познавательные возможности.

---

1 Школа и культура Советской Белоруссии.— Мн., 1919, № 2—3, с. 22.

2 Вестник Наркомпроса ССРБ, 1921, № 1, с. 18.

3 Архив АН БССР, ф. 67, д. 25, арх. № 6, л. 7.

4 Там же, л. 87.

5 Бюлецень ІБК (1926—1927).—Мн., 1927.

6 Сборник законов, 1926, № 28.

7 Дубінскі С. А. Дзейнасць арганізацый.— Працы, т. І. Мн., 1928, с. 269.

8 Даўгяла З. І. Знаходка палеалітычнай стаянкі ў Беларусі— Гістарычна-археалагічны зборнік, № 1. Мн., 1927, с. 359.

9 Замятнін С. М. Раскопкі Бердыскай палеалітычнай стаянкі ў 1927 г.—Працы, т. 2. Мн., 1930, с. 479—490.

10 Мірчынк Г. Ф. Геалагічныя ўмовы знаходжання палеалітычнай стаянкі каля в. Бердыж на р. Сажы.— Працы, т. 2, с. 1—6.

11 Громаў В. І. Фауна Бердыскай палеалітычнай стаянкі.— Працы, т. 2, с. 7—30.

12 Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа.— Працы, т. 1, с. 123—252; Он же. Доследы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР, заходняй Смаленшчыне і Клінцоўшчыне ў 1928—1929 гг.—Працы, т. 2, с. 503—505.

13 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерні.— Працы, т. 2, с. 269—338.

14 Вяргей В. С. Дзейнасць краязнаўчых арганізацый у 20-я гады па археалагічнаму вывучэнню БССР.—Весці АН БССР, 1979, № 1, с. 98—104.

ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ

А. БУТРИМАС

КРЕМНЕВЫЕ СТАМЕСКИ В МАТЕРИАЛЕ НЕОЛИТА ЛИТВЫ

В археологической литературе широко отражаются долотовидные изделия, характерные для мезолита: долота, овальные топорики, тесла. В Литве они встречаются и в более позднем периоде. Наряду с ними в конце мезолита появились (и особенно распространились в позднем неолите) мало отличающиеся по назначению от долота, используемые только для более мелких работ часто совсем миниатюрные изделия — стамески. Археологическая литература почти не упоминала эти кремневые изделия, и в Литве только в исследованиях последних лет на них было обращено внимание. В жизни человека позднего неолита эти орудия играли большую роль: число их часто превосходило половину всех кремневых изделий, найденных на стоянках.

Стамески изготавливались на небольших нуклеусах, отщепах, пластинах и на почти совсем натуральных валунах кремня. Лезвия их, прямые или вогнутые, оформлены мелкими двусторонними сколами. Уникальные миниатюрные стамески имели пришлифованную рабочую часть. Лезвия стамесок разной ширины, чтобы было удобнее обрабатывать и шкуры, и древесину, разные по величине и сорту. На противоположной стороне лезвия стамесок видны негативы отшепов, возникшие в результате контрудара. Исследования Ленинградской трассологической лаборатории показали, что стамески использовались для обработки шкур и дерева, изготовления разнообразных изделий из дерева *.

Чтобы определить типы стамесок и приблизительно установить период их существования и распространения, проанализируем материал десяти стоянок разных литовских областей, различающихся по хронологии (рис. 1).

Как отмечалось, эти изделия не характерны для мезолита и встречаются только в конце этого периода. Напри-

* Трассологические исследования выполнила научная сотрудница Ленинградского отделения института археологии АН СССР Н. К. Скакун.

мер, стамески найдены на стоянке позднего мезолита Ламиеджяй 1. Стоянка находится в пригородной зоне Каунаса, в центральной части Литвы. Основной культурный слой характерен для стоянок мезолита в Литве. Это нижний слой коричневого цвета, в котором найдены поздние наконечники стрел свидерского типа, скребки, резчики, овальные топорики и другие изделия, характерные для неманской мезолитической культуры. Стоянка находится у р. Неман, как и другая мезолитическая стоянка Паштува, на побережье которой много кремня. Местный кремень серого цвета использовался для изготовления изделий. На обеих стоянках найдены стамески, сделанные из этого кремня.

Стамесок из поселений раннего неолита мы пока не имеем. Тремя поселениями представлен развитой неолит: Яра 2 на северо-востоке Литвы, относящееся к северному варианту

	Стоянки		на пластинах	на отщепах и натуральных валунах	на нуклеусах	на осколках шлифованных изделий	Всего	% стамесок от всех изделий	в этом числе: однолезвийные (?)		
									выпуклым лезвием	прямым лезвием	двумя прямыми лезвиями
Мезолит	Паштува	Средняя Литва	1	1			2	0,5%		2	
	Ламеджай		1	2	1		4	0,4%		3	1
Развитой неолит	Яра 2	Северная Литва	3	4			7	5%		6	1
	Ширмес калнас 1	Западная Литва	15	11	2		28	8%	3%	24	1
	Швянтойи 23		5	16			21	10%	2	19	
Поздний неолит	Дактаришке 1		10	12	18		40	15%	2	37	1
	Швянтойи 40		24	16	3		43	51%	4	37	2
	Нида		470	380	50	25	925	59%	60	765	80
	Яра 1	Восточная Литва	3	2			5	5%	1	3	1
	Линупис	Восточная Литва	2	2			4	3%		3	1

Рис. 1. Хронология, распределение по типам и процентное соотношение стамесок ко всем кремневым, изделиям

нарвской культуры [2], Швянгойи 23[3], находящееся у моря, на западе Литвы, относящееся к западному варианту нарвской культуры, и Ширмес Калнас 1 на западе Литвы.

Культурный слой поселения Яра 2 коричневого цвета. По керамическому и кремневому инвентарю поселение датировано второй и третьей четвертями III тысячелетия. Все орудия, в том числе и стамески, изготовлены из кремня низкого качества.

Дата поселения Швянтойи 23—4190±80 лет. Культурный слой — сапропель черного цвета, толщиной 10—15 см, залегает под торфом. Для изготовления кремневых изделий использовался и привозной кремень высокого качества. Но основная масса изделий, в том числе и стамески, изготавливалась из валунов местного низкокачественного кремня.

Поселение Ширмес Калнас 1 исследуется с 1978 г. Памятник находится на восточном склоне холма осушенного оз. Биржулио. В культурном слое найдены мелкие черепки керамики и кремневые изделия, в числе которых и стамески (8% всех кремневых изделий) (рис. 2). В окрестностях оз. Биржулис кремень очень плохого качества, поэтому большинство изделий, в том числе и стамески, изготовлено из привозного сырья — кремня черного или серого цвета. Однако часть стамесок изготовлена на низкокачественных пластинах и отщепах.

Поздний неолит представлен пятью поселениями Литвы. Они принадлежат культуре шнуровой керамики. В западной Литве известны поселения Дактаришке 1, Швянтойи 40 и Нида. Северо-восточная Литва представлена поселением Яра 1, юго-восточная — Линупис. Культурный слой Швянтойи 40 разрушен. Культурная принадлежность стоянок определена по комплексу находок[4]. Стамески изготовлены из местного валунного кремня.

Неолитическое поселение Нида исследовалось в 1974—1978 гг. Культурный слой исследованной площади сохранился неравномерно и на территории стоянки найден на разных уровнях. Основная масса изделий—шнуровая керамика, каменные и кремневые орудия. Изделия изготавливались из привозного кремня серого и черного цвета, а также из местного валунного кремня. Стамески составляют большую часть всех кремневых изделий. Сырьем для них служил привозной и местный валунный кремень и кварц. Стамески встречаются всех типов. В этом поселении их найдено больше, чем в других.

В культурном слое поселения Дактаришке 1 найден материал и нарвской и шнуровой керамики. Стамески здесь изготавливались из привозного сырья.

В поселении Яра 1 нижний культурный слой глубиной 25—40 см представлен песком темно-желтого цвета[5]. В этом

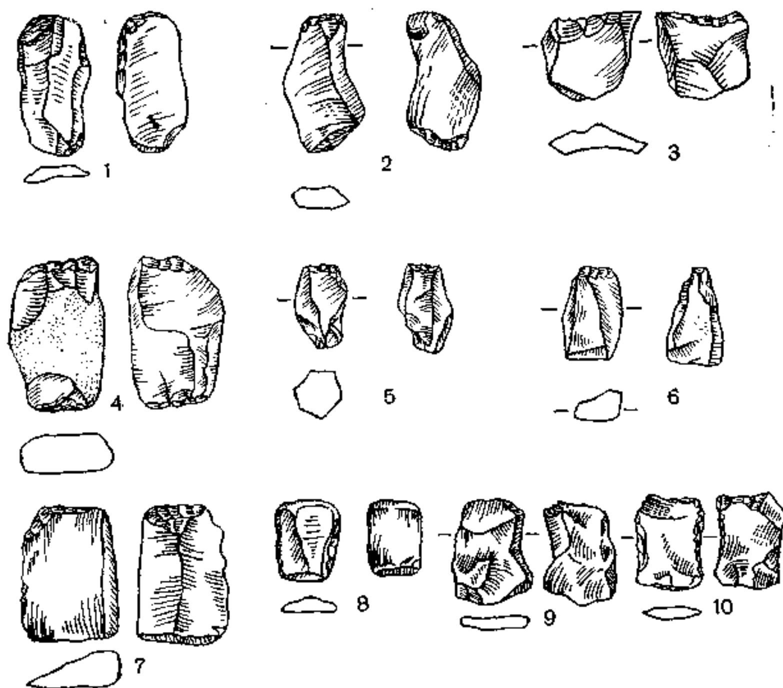

Рис. 2. Основные типы стамесок

слое вместе со шнуровой керамикой найдены кремневые изделия: треугольные, ромбические, трапециевидные наконечники стрел, стамески. На поселении Яра 1, как и на поселении Яра 2, все изделия, в том числе и стамески, изготавливались из низкокачественного сырья.

Совсем другую картину мы видим на поселении Линупис. Оно находится на территории юго-восточной Литвы на р. Варена, где много высококачественного сырья[6]. Весь инвентарь поселения типичен для культуры шнуровой керамики: фрагменты шнуровой керамики, треугольные и трапе-

циевидные наконечники стрел. Все изделия, в том числе и стамески, изготовлены из высококачественного кремня.

Стамески, найденные на десяти стоянках, нескольких типов. По форме заготовок их можно выделить в четыре группы:

1. Стамески на пластинах. Стамески этого типа бывают правильных четырехугольных очертаний, но иногда их формы напоминают миниатюрные топорики. Длина лезвий от 5 до 14 мм. Стамески на пластинах найдены на всех вышеназванных поселениях (рис. 1). Типичные образцы этой группы представлены на рис. 2: 1,2.

2. Стамески на отщепах. Большинство отщепов изготовлено из местного валунного кремня. Форма стамесок зависит от формы отщепов. Лезвия стамесок часто оформлены с двух сторон. Такие стамески не симметричны в сечении разнообразных форм. Часто, особенно когда они изготавливаются на больших отщепах, имеют два и более рабочих краев (рис. 2: 3,4).

3. Стамески на нуклеусах. Как правило, они массивные, более правильных форм. Противоположные лезвиям стороны хорошо выделены. Форма и величина стамесок зависят от формы и величины нуклеусов. На поселении Нида для изготовления стамесок использовались нуклеусы. Стамески, изготовленные на нуклеусах, составляют 5% всех стамесок. Такие же орудия найдены в поселении Ширмес Калнас 1, Дактаришке 1, Швянтойи 40 (рис. 2: 5, 6). В поселениях восточной и южной Литвы стамески, изготовленные на нуклеусах, не найдены.

4. Стамески на осколках шлифованных изделий. Стамески этого типа по форме напоминают миниатюрные топорики. Величина их разная, зависит от размеров сырья. Лезвия стамесок этого типа часто бывают пришлифованы с сбеих сторон или оформлены мелкими двусторонними сколами. Подобные орудия найдены только в поселении Нида— 25 экземпляров, или 2,7% всех найденных стамесок этого поселения (рис, 2: 7, 8).

По числу лезвий (рабочих краев) стамески могут быть разделены на стамески с одним лезвием, двумя и более. Так как привозного кремня было мало, старые кремневые изделия использовались вторично. При износе одного лезвия стамески лезвия делались на противоположной стороне изделия или в другом месте. Бывшие лезвия стамесок еще сильнее снашивались в дальнейшем от контрудара при ра-

боте. Стамески с двумя лезвиями найдены на всех стоянках, кроме Швянтойи 23 и Паштува. На стоянке Нида найдены стамески с тремя-четырьмя лезвиями (рис. 2: 4, 2, 10).

По форме лезвий стамески можно разделить на две группы:

1. Стамески с прямыми лезвиями. Найдены на всех исследованных нами стоянках, а на поселениях Яра 2 и Линупис — только этой группы. Как правило, прямые лезвия стамески оформлены двусторонними сколами, но иногда бывают пришлифованными.

2. Стамески с вогнутыми лезвиями. Найдены в инвентаре шести из десяти вышеназванных неолитических поселений: Ширмес Калнас 1, Швянтойи 23, Бутинге, Швянтойи 40, Нида, Яра 1. На поселении Нида обнаружено 60 стамесок этой группы.

Стамески можно разделить на две более мелкие группы по размеру лезвий:

а) стамески с небольшими лезвиями на краю изделия. Размеры их шире пластины или отщепа, на которых изготовлены стамески (рис. 2:9);

б) стамески с широкими вогнутыми лезвиями, занимающими весь край изделия. Изготавливались они на более массивных отщепах, нуклеусах или отщепах валунов. Лезвия их обычно оформлены сколами с одной стороны (рис. 2:10).

Как видим, по группам стамески не очень разнообразны. Уже в позднем неолите на стоянке Лампеджяй найдены стамески, изготовленные на пластине, отщепе, нуклеусе, одна из них с двумя лезвиями. Эти основные типы стамесок выделены и на неолитических поселениях, только в Ниде мы находим еще одну группу стамесок, изготовленных на осколках шлифованных изделий, со шлифованными лезвиями.

Аналогии кремневым стамескам в литературе найти очень трудно, так как прежде им не придавали значения. Только в редких случаях, зная инвентарь стоянок Литвы, можно догадаться, что упоминаются эти самые стамески. Больше всего, по всей вероятности, их найдено в памятниках Поморской (Жуцевской) культуры. И. Костшевский в 1931 г. в докладе о находках в поселении Жуцево (ПНР) отметил: «Чаще всех типов изделий находим пластины формы нуклеуса»[7]. И. Журек в 1954 г. в более обширном исследовании о поселении Жупево заметил, что «ilucznyki» составляют большую часть кремневых изделий. В Жуцево их найдены тысячи[8]. Как видно из рисунков и описания, такие

стамески, сделанные на пластинах, были найдены и в культуре Злота. Там они описаны как пластины со следами работы и выделены в группу «иных изделий». В типологии кремневых изделий Д. Я. Телегина[9], в основу которой положен материал Украины, стамески тоже выделены в группу редко встречающихся «иных типов орудий». На территории Литвы в неолите найдены стамески на поселениях, расположенных далеко от выхода кремня [10]. На поселениях нарвской культуры на территории Латвии и Эстонии для обработки дерева использовались долота маленьких размеров из сланца[11].

Таким образом, значительная часть кремневых изделий на стоянках мезолита и неолита Литвы — стамески. Распространены они неравномерно. Неравномерность распределения выражается в хронологическом, территориальном и культурном различиях.

1. Небольшое количество стамесок (5—10%) находим на поселениях развитого неолита. В период раннего и развитого неолита западная, северная и восточная Литва входили в территорию нарвской культуры. Основную массу изделий составляли костяные и роговые орудия и кремневые изделия, стамесок найдено мало.

2. На поселениях позднего неолита со шнуровой керамикой (Нида, Швянтойи 40, Дактаришке 1) стамески составляют 15—59% всех кремневых изделий.

Памятники позднего неолита Литвы относятся к жуцевской культуре. На поселениях Нида, Швянтойи 40 и Жуцево (ПНР) стамески составляют половину всех кремневых изделий.

Большое количество стамесок, найденных в памятниках аарвской и особенно жуцевской культуры, указывает на то, что жители исследованных поселений уделяли большое внимание обработке дерева.

---

[1] J a b l o n s k y t ė - R i m a n t i e n ė R. Vėlyvojo mezolito stovykla Lampėdžiuose—LTSR MADA, 2(15), 1963, p. 39—51.

[2] G i r i n i n k a s A. Siaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai [2 Jaros II vidurinio neolito (III tūkstantmetis pr. m. e.) gyvenvietė].— LTSR MADA, 3(64), 1978, p. 63—72.

[3] R i m a n t i e n ė R. Šventoji 1. Narvos kultūros gyvenvietės.— Vilnius, 1979; R i m a n t i e n ė R. Šventosios 23-iosips stovyklos tyrinėjimi 1970—1971 m.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais.—Vilnius, 1972, p. 5—11.

[4] Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. L—Vilnius, 1974, p. 25, 63.

[5] G i r i n i n k a s A. Siaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklaj [Jaros

! neolito (III tūkstantmetis pr. m. e.) gyvenvietė].—LTSR MADA, 4(61). Vilnius, 1977, p. 77—91.

6 Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. I, p. 49—50.

7 Kostrzevvski J. Ober die jungsteinzeitliche Besiedlung der Polnischen Ostseekunste.— In: Congressus secundus archaeologorum balticorum Rigae, 19—23. VIII. 1930. Riga, 1931, p. 55—64.

3 Zurek J. Osada z mlodszej epoki kamiennej w Rzucewie.— In: Fontes archaeologici Posnanienses, vol. IV (1953). Poznan, 1954, p. 18.

9 Телегин Д. Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи.— В кн.: Орудия каменного века. Киев, 1978, с. 35—57.

10 Ковнурко Т. М. Некоторые сведения о кремневых выходах на северо-западе СССР.—МИА, вып. 172, Л., 1973, с. 40.

11 Ванкина Л. В., Загорскис Ф. А., Лозе И. А. Неолитические племена Латвии.—МИА, вып. 172. Л., 1973, с. 210—217; Янитс Л. Ю. Неолитические памятники Эстонии и их хронология.— МИА, вып. 172, Л., 1973, с. 202—209.

А. ГИРИНИНКАС

РАЗЛИЧИЯ НАРВСКОЙ КЕРАМИКИ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЛИТВЕ

Широкие исследования памятников каменного века, производимые в восточной и западной частях Литвы, дали много новых данных о нарвской культуре[1]. Замечено, что инвентарь, а особенно керамика, нарвской культуры из поселений восточной и западной Литвы различаются.

В западной части Литвы из памятников развитого неолита нарвской культуры в основном выделяются поселения Швянтойи 3 и 23 (часть г. Паланги)[2]. Инвентарю Швянтойи очень близок материал из поселений Сарнате (Латвийская ССР), часть которого также датируется развитым неолитом[3]. К нарвской культуре относятся поселения Яра I[4], Яра 2[5] (Аникщяйский р-н), Пакретуоне 1 и Жемайтишкю (Швенченский р-н), которые отмечены серединой и второй половиной III тысячелетия до н. э. При сравнении керамики из поселений восточной и западной части Литвы особое внимание обращалось на состав теста сосудов, величину, форму, орнаментальные мотивы и их композицию.

Состав теста горшков нарвской культуры характеризуется обилием толченой ракушки, ила, растительных примесей. Керамика легкая, достаточно хорошо науглерожена.

В восточной Литве на поселениях развитого неолита в составе теста много органической примеси — измельченной растительной и ракушек. Среди прочих на поселении Яра 2 найдено десять черепков от двух сосудов, которые не отличались ни орнаментом, ни формой от остальных горшков, относящихся к тому же культурному слою. Но в составе тьста этих черепков наряду с органическими примесями замечено и небольшое количество толченого гранита (дресвы).

В западной Литве (Швянтойи 1 и 2) и в Латвии (Сарнате) органические примеси встречаются только в раннем неолите. В развитом — в поселениях Швянтойи 3, а особенно Швянтойи 23 — в составе теста горшков доминируют минеральные примеси. На поселениях среднего неолита в Швянтойи появляются плоскодонные сосуды, в составе теста которых содержатся только минеральные примеси, а у остродонных сосудов — и органические, и минеральные примеси[6]. В керамике восточной Литвы, относящейся к развитому неолиту, такой разницы не обнаружено. Можно предполагать, что на поселениях восточной части Литвы остро- и плоскодонные сосуды без минеральных примесей употреблялись более длительное время.

В северо-западной и южной Белоруссии в памятниках раннего неолита в керамике из нижних культурных слоев минеральных примесей не замечено[7]. Обычай добавлять в тесто сосудов минеральные примеси был прежде всего распространен в западной части нарвской культуры.

Форма керамики—один из важнейших признаков ее идентификации. В памятниках восточной Литвы, которые относятся к нарвской культуре развитого неолита, по. профилям горшков выделяются три основные формы: *«I», «С»,* «S». В каждой из этих форм сосудов в свою очередь выделяется несколько вариантов. У горшков формы *«1»* (прямостенных, которые на поселениях восточной Литвы составляют 2,5% числа всех сосудов) стенки прямые или слабо профилированные. По форме они напоминают вытянутые кожаные мешки с овальными донышками. Толщина стенок достигает 0,6—0,8 см. В зависимости от конфигурации венчиков сосуды I-образной формы можно распределить на три варианта: горшки с а) диагональными скошенными внутрь, б) круглыми, в) незначительно приплюснутыми краями венчиков (рис. 1, а).

В вышеупомянутых поселениях среднего неолита горшки С-формы составляют 48%. Это широкие, но низкие, с щиро-

кими отверстиями, остродонные сосуды. Края их венчиков всегда скошены внутрь. По середине туловища стенки тоньше (0,6—0,8 см), а к венчику и днищу утолщаются (0,8—1,0 см). По форме края венчиков сосуды формы «Оможно распределить на отогнутые наружу и внутрь (рис. 1,6). По-

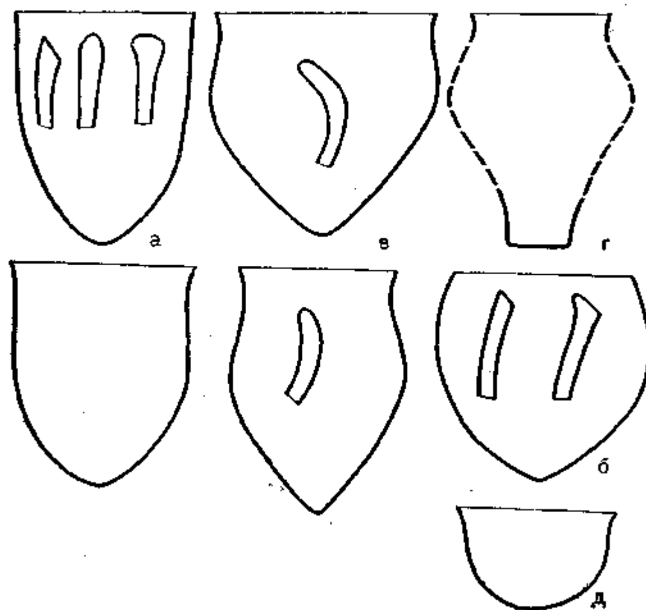

Рис. 1. Нарвская керамика развитого неолита в восточной и западной Литве: а — горшки I-образной формы, б — горшки С-образной формы, в — горшки S-образной формы, г — плоскодонные S-образные горшки, д — маленькие миски

верхность горшков I- и С-образной формы штрихована как с внутренней, так и с наружной стороны.

Разнообразием отличаются сосуды S-образной формы, которых на стоянках восточной Литвы 44,5%. Они более высокие, чем горшки I- и С-образной формы, стенки их толще (0,9—1,1 см). В горшках этой формы выделяются три варианта: а) широкоотверстные с острыми днищами, у которых более четко выявлено горлышко. Венчики могут быть отогнуты наружу, и в них можно усмотреть прямое подра-

жание скошенным краям венчиков (рис. 1,в); б) высокие с узкими отверстиями остродонные горшки с резко профилированными стенками. Края венчиков этих сосудов, как правило, круглые; в) плоскодонные и широкоотверстные горшки с резко профилированными стенками и выпуклыми туловищами. Диаметр днищ не превышает 6—8 см. Края венчиков этих горшков только закругленные (рис. 1).

Остальные 5% составляют небольшие миски с овальными днищами, диаметр которых не более 10—15 см. Эти миски по своей форме близки горшкам С-образной формы (рис. 1,д).

На стоянках среднего неолита в западной Литве и на стоянке Сарнате встречаются те же самые формы сосудов, только число их вариантов меньше. У большинства горшков, найденных на стоянках Швянтойи 3, 23 и Сарнате, высота соответствует диаметру отверстия. Количество плоскодонных горшков меньше, чем в восточной Литве. На стоянках Швянтойи 3 и 23 плоских днищ найдено несколько, тогда как в восточной Литве их много. Диаметр устья горлышка обычно 30—40 см и меньше. Сосуды со стоянок Швянтойи также подразделяются по профилям стенок и горлышкам. Выделяются три основные группы: а) на стоянке Швянтойи 3 (середина III тысячелетия до н. э.) большую часть составляют горшки I-образной формы, а на стоянке Швянтойи 23 (конец III тысячелетия до н. э.) они почти не отмечаются; б) большинство сосудов Швянтойи 23 и 3 имеют S-образную форму; в) С- и S-образной формы обнаружены в одинаковом количестве[8]. На стоянках Сарнате больше всего горшков I- и S-образных форм с овальными днищами [9]. На стоянках среднего неолита западной Литвы и Латвии подавляющая часть керамики представлена овальными продолговатыми мисками.

Сравнивая формы сосудов из поселений нарвской культуры среднего неолита Швянтойи 3, 23 и Сарнате с формами горшков из поселений восточной Литвы, видим, что горшки из западной Литвы более однородны. Они низкие, остродонные, с широкими отверстиями. Дополняют их овальные миски. В восточной Литве помимо низких, с широкими отверстиями горшков в большом количестве встречаются высокие. В западных поселениях нарвской культуры большую часть инвентаря составляют горшки, края венчиков которых круглые, сосудов же со скошенными внутрь венчиками наполовину меньше, чем на поселениях восточной Литвы (для сравнения взяты края венчиков горшков всех форм).

Кроме того, на поселениях развитого неолита восточной Литвы встречаются горшки плоскодонные S- и I-образной формы со скошенными внутрь венчиками, которые отсутствуют на западных стоянках.

Яркие различия выявляются при сравнении орнаментальных мотивов и их композиций, обнаруженных в вышеупомянутых поселениях. Элементы орнаментики одинаковы и традиционны. Размещение узоров на горшках и их разнообразие указывают не только на хронологические, но и на территориальные различия.

На керамике из средненеолитических поселений восточной Литвы орнаментальные мотивы соответствуют основным I-, *C-, S-* образным формам горшков.

Меньше всего орнаментированы сосуды I-образной формы. На них преобладают зерновидные и круглые ямочные вдавления. Часто встречаются горизонтальные ряды, которые опоясывают горловины. Сосуды I-образной формы орнаментированы только в верхней части.

Венчиков горшков С-образной формы больше всего найдено на поселениях развитого неолита восточной Литвы. На венчиках сосудов этой формы всегда отмечены зерновидные, четырехугольные ямки и вдавления от перевитого шнура (гусеницы), причем последние мотивы украшают венчики, располагаясь горизонтальными рядами. Шнуровые треугольные и гребенчатые вдавления в орнаментике горшков С-образной формы очень редки, а круглых ямочных вдавлений совсем не отмечено. Ряды вдавлений перевитого шнура преимущественно встречаются на краях венчиков горшков, а четырехугольные ямки на внешней стороне немного ниже венчика. В редких случаях четырехугольные вдавления находятся на внутренней стороне горшков немного ниже венчика. Промежутки между горизонтальными рядами ямок зерновидной формы иногда заполняются композициями из правильных, иногда и изогнутых, линий треугольников (шагающей гребенки) и ромбов, также составленных из ямок, эти композиции чаще всего располагаются между первым и вторым горизонтальными поясами. На поверхности горшков С-образной формы ниже венчика встречаются глубокие насечки ромбовидной формы.

В то же время на поверхности горшков S-образной формы вдавления перевернутого шнура и четырехугольные ямки отсутствуют, а преобладают орнаменты из круглых ямок. Часто встречаются различные штампы: вдавления узелков тре-

угольной и зерновидной формы. Иногда попадаются шнуровые и гребенчатые вдавления.

Поражает разнообразие краев венчиков плоскодонных .горшков S-образной формы. Кроме волнистых венчиков, которые украшены щтампами, треугольными ямками, есть края венчиков, украшенные горизонтальными отпечатками шнура или вдавлениями из диагональных линий. Характерны пальцевые вдавления по краю горлышка. Чаще всего на горлышках сосудов S-образной формы отмечены композиции, составленные из диагональных и горизонтальных линий треугольных, крупных ямочек, гребенчатых и зерновидных вдавлений, которые покрывают всю поверхность и край горшка. Внутренняя сторона стенок чаще всего украшена вдавлениями из круглых ямок. Текстильные отпечатки на поверхности горшков редки.

На горшках S-образной формы с отогнутыми наружу венчиками и с резко профилированными стенками существуют многообразные композиции, составленные из рядов круглых и треугольных ямок или из полукруглых сдвоенных диагональных рядов.

Замечено, что при орнаментации горшков излюбленной была симметрия, которая чаще всего встречается в композициях геометрических мотивов. Сосуды на поселениях среднего неолита нарвской культуры орнаментированы более скудно; например, на поселении Швянтойи 3 орнаментированных горшков (не черепки!) найдено 12%, а на Швянтойи 23 — только 3,4%[10]. В это же время на поселениях среднего неолита восточной Литвы орнаментированные горшки составляют 93,2%. Большинство горшков на поселении Швянтойи орнаментировано разными ямочными композициями. Горшки I-образной формы украшены пальцевыми вдавлениями или диагональными линиями из ямок.

Горшки С-образной формы орнаментированы круглыми, клинообразными ямками или зарубковыми вдавлениями, композиции которых состоят из горизонтальных и диагональных рядов. Венчики сосудов украшены, как правило, вдавлениями от перевитого шнура. На горшках S-образной формы сочетаются горизонтальные и диагональные ряды, состоящие из насечек, круглых ямок и вдавлений от перевитого шнура. Миски орнаментированы рядами круглых ямок или зерновидных вдавлений, которые иногда образуют треугольники либо диагональные пояса.

Таким образом, можно констатировать резкие различия

между орнаментальными мотивами нарвской керамики развитого неолита восточной Литвы по сравнению с соответствующими мотивами западной Литвы: а) всей керамике нарвской культуры свойственно то, что орнаменты расположены только на поверхности верхней части горшков. В керамике западной Литвы этого придерживаются строго, в то же время в восточной Литве, особенно в орнаментике S-образных горшков, орнаментируются и внутренние стенки. В керамике среднего неолита западной Литвы редко встречаются сложные орнаментальные мотивы, тогда как в керамике восточной Литвы — это частое явление. Разнообразие орнаментики в керамике восточной Литвы проявляется, в частности, и в том, что в общей композиции одного сосуда могут сочетаться три мотива (например, ряды из четырехугольных ямок, перевитого шнура и насечек). На поселениях же развитого неолита западной Литвы такие композиции встречаются редко; б) орнаментальные мотивы на горшках I-образной формы почти идентичны как в восточной, так и в западной Литве. Чаще всего на верхней части сосудов имеются горизонтальные, реже диагональные ряды из круглых ямок или вдавлений зерновидной формы; в) на поселениях восточной Литвы внутренние стенки горшков С- и S-образной формы украшаются рядами из крупных ямок и штампов. На поселениях среднего неолита Швянтойи и Сарнате внутренние стенки не орнаментируются, за исключением края сосудов, украшаемого диагональными насечками или колотыми ямками. На поселениях среднего неолита восточной Литвы внутренняя поверхность венчиков часто украшается короткими горизонтальными и диагональными отпечатками перевитого щнура (гусеница), четырехугольными и круглыми вдавлениями; г) для горшков *S*- и С-образных форм из поселений восточной Литвы характерны диагональные полосы пояса, составленные из круглых или полукруглых ямок и ямок формы «кошачьей лапки», которые покрывают внешнюю поверхность от дна до венчика. На небольших горшках С-образной формы обнаружены сплошные гребенчатые вдавления, которые расположены так близко друг к другу, что кажутся штампованными. На горшках из поселений нарвской культуры развитого неолита западной Литвы таких мотивов не обнаружено.

Одной из важнейших причин, которая предопределила различия в керамике нарвской культуры в восточной и западной Литве, было неодинаковое влияние соседних куль-

тур. В среднем неолите территорию нарвской культуры западной и восточной Литвы с юга окружала неолитическая неманская культура, с северо-востока проникла культура ямочно-гребенчатой керамики. Большое влияние на керамику нарвской культуры восточной Литвы имел стиль II ямочно-гребенчатой керамики. В результате воздействия этой культуры в восточной Латвии образовалась гибридная керамика типа Пиестиня[11]. Видимо, в это же время между неолитической неманской и днепро-донецкой (гребенчато-накольчатой) культурами существовали контакты[12], в результате которых мотивы накольчатой керамики при посредничестве неманской культуры достигли территории восточной Литвы. Свидетельством этих связей, по-видимому, следует считать орнамент из диагональных и горизонтальных рядов, образованных наколотыми и треугольными ямками. Кроме того, в днепро-донецкой культуре встречаются 5-образные горшки с небольшими плоскими днищами (поселение Никольское, Украинская ССР) [13].

Особое внимание следует уделить неолитической неманской культуре. В среднем неолите в этой культуре преобладают S-образные узкие и высокие горшки с резко профилированными стенками, в тесте которых много измельченных растительных примесей, толченых раковин и дресвы. Горшки украшены вдавлениями «кошачьей лапкой», треугольными, двухзубчатыми, зерновидными вдавлениями, которые расположены горизонтальными и диагональными рядами[14]. Эти (хотя и не все) признаки сосудов неманской культуры можно связать с нарвскими остродонными и резкопрофилированными S-образной формы горшками из восточной Литвы.

Замечено, что керамика неманской культуры орнаментирована преимущественно в верхней части сосуда, т. е. так же, как и на горшках нарвской культуры. В то же время поверхность сосудов ямочно-гребенчатой и днепро-донецкой культуры часто полностью покрыта узором. Горшки S-образной формы на поселениях восточной Литвы в отличие от керамики западной Литвы также орнаментированы от венчика до дна.

Сравнивая формы горшков, найденных на поселениях нарвской культуры восточной и западной Литвы, отмечаем, что на западных поселениях количество горшков I- и C-образной формы, появившихся в раннем неолите, в среднем неолите резко уменьшается. Они уступают место горшкам S-образной формы, а в восточной Литве на поселениях сред-

него неолита еще много сосудов *С*- и I-образной формы. Из этого следует, что в восточной Литве влияние культуры ямочно-гребенчатой керамики в среднем неолите продолжалось, а преобладание S-образных горшков на поселениях западной Литвы — результат влияния культуры шнуровой керамики.

---

[1] Rimantienė R. Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės.— Vilnius, 1979; Гирининкас А. Раскопки неолитических стоянок Яра I и II.— АО—1976. М., 1977, с. 424—425; Он же. Раскопки у оз. Кретуонас.— АО—1977, М., 1978, с. 433—434.

[2] Rimantienė R. Šventosios 23-iosios stovyklos tyrinėjimai 1970—1971 m.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais.—Vilnius 1972, p. 5—11; Rimantienė R. Šventosios 3-oji stovykla.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 metais. Vilnius, 1974, p. 5—9.

[3] Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате.— Рига, 1970, с. 114.

[4] Girininkas A. Siaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai [I. Jaros I neolito (III tūkstantmetis pr. m. e.) gyvenvietė].— LTSR MADA, 4(61)t. Vilnius, 1977, p. 77—91.

[5] Girininkas A. Siaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai [2. Jaros II vidurinio neolito (III tūkstantmetis pr. m. e.) gyvenvietė].— LTSR MADA, 3(64)t., 1978, p. 63—72.

[6] Rimantienė R. Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietes.— Vilnius, 1979, c. 130—141.

[7] Чернявский М.-М. Новое неолитическое поселение на Кривинском торфянике.— Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967) (далее — Доклады...). Мн., 1967, с. 377; Исаенко В. Ф. Неолитическая эпоха в западной части Припятского Полесья.— Доклады..., с. 362—363.

[8] Rimantienė'R. Šventoji, p. 130—141.

[9] Ванкина Л. В. Торфяниковая..., с. 114.

[10] Римантене Р. К. Хронология неолита Литвы.— Краткие сообщения, 153. М., 1978, с. 32.

[11] Ванкина Л. В., Загорскис Ф. А., Лозе И. А. Неолитические племена Латвии.—МИА, вып. 172. Л., 1973, с. 213.

[12] Чернявский М. М. Некоторые итоги изучения неолитических поселений Белорусского Понеманья.— Кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 95.

[13] Телегин Д. Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии.—МИА, вып. 172. Л., 1973, с. 173—177.

[14] Римантене Р. К. Неолит Литвы и Калининградской области.— МИА, вып. 172. Л., 1973, с. 221.

Э. М. ЗАЙКОВСКИЙ

РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАБИНОВИЧИ 1

Неолитическое поселение Бабиновичи 1 расположено у д. Бабиновичи Лиозненского района Витебской области, на мысу коренного правого берега р. Верхиты, в месте истока ее из оз. Бабиновичского. Высота этого места над меженным уровнем озера 10—12 м. Предметы каменного века выявлены здесь краеведами в 20-е годы[1], раскопки проводились И. М. Тихоненковым в 1967—1968 гг., вскрыто 112 кв. м. Летом 1978 г. автор продолжил раскопки стоянки[2]. Были заложены два раскопа: один (раскоп 3) —на запад от раскопов И. М. Тихоненкова (44 кв. м), а второй (раскоп 4) —на восток (8 кв. м). Раскопы были разбиты на квадраты 2X2 м, культурный слой снимался пластами по 0,2 м. Всего вскрыто до материка три горизонта.

Стратиграфия памятника: 1. Почвенный слой, состоявший из песка светло-серого цвета,— 0—0,04 м; 2. Светло-желтый песок---0,04—0,2 м; 3. Слой темно-серого цвета — 0,2—0,4 м; 4. Красновато-желтый супесчаный слой — 0,4—0,6 м; 5. Ниже идет материк — мелкозернистый песок светло-серого цвета. В юго-восточном углу кв. 1 (раскоп 4) в материке выявлена западина глубиной 0,15 м, заполненная массой углистого цвета.

Во всех слоях встречена керамика и железные шлаки феодальной эпохи. Находок неолитической эпохи в первом пласте мало, количество их возрастает во втором и третьем горизонтах, где, впрочем, встречается гончарная керамика, что свидетельствует о перемешанности культурного слоя. Кремневый инвентарь (277 изделий) изготавливался из привозного сырья (валдайского, сожского, неманского). Обнаружено 203 кремневых осколка и отщепа. Нуклеусы (10 экз.) делятся на уплощенные и неправильно-призматические, есть усеченно-конические и аморфные; среди нуклеусов попадаются в основном одноплощадочные.

Орудия труда изготовлялись из отщепов, частично из пластин. Наконечники стрел (2 экз.) значительно отличаются между собой по форме. Один из них (рис. 1, 1) длиной 3,5 см, шириной 1,7 см, высотой 0,4 см листовидный, с ретушированным со спинки коротким черешком, острие ретуши не имеет. Второй наконечник (рис. 1,2), у которого длина

2,3 см, ширина 1,2 см, высота 0,4 см, имеет довольно крутую ретушь на брюшке острия, черешок выделен с одной стороны брюшка крутой ретушью, формирующей боковую выемку, слабо выделенная нижняя выемка тщательно обработана. Ножевидные пластинки (21 экз.), как правило, узкие, чаще небольшой длины (до 3—5 см), некоторые из них имеют по краю мелкую ретушь. Ножи обычно изготовлены из пластинок (рис. 1, 10,11), длина колеблется от 3 до 3,4 см, ширина 1—1,1 см, высота 0,5—0,7 см. Мелкой ретушью обрабатывается только край. Один из ножей имеет скошенное лезвие (рис. 1,10).

Самой многочисленной категорией орудий на стоянке являются скребки (33 экз.) (табл.). Они имеют как овальную (рис. 1,6), так и округлую или неправильную форму. Концевые скребки сформированы на конце ножевидных пластин (рис. 1,5,7,8). Рабочий край их округлый и обработан крутой и тщательной ретушью. Боковые скребки изготовлены из обломков пластин (рис. 1,9), из целых пластин и от-

Таблица

Горизонты	Количество кремневых изделий	Осколки и отщепы	Нуклеусы	Наконечники стрел	Ножевидные пластины	Ножи	Скребки	Скребла	Трапеции	Топоры	Итого
Горизонт I	всего	28	2		7		6		1		44
	в % к кол-ву орудий в горизонте	63,6	4,5		16,0		13,6		2,3		
Горизонт II	всего	80	3	2	7	2	20	1		1	116
	в % к кол-ву орудий в горизонте	68,9	2,6	1,7	6,1	1,7	17,2	0,9		0,9	
Горизонт III	всего	95	5		7	1	7	1		1	117
	в % к кол-ву орудий в горизонте	81,1	4,2		5,9	0,9	5,9	0,9		0,9	
Общее количество	всего	203	10	2	21	3	33	2	1	2	277
	в % к кол-ву всех орудий	73,6	3,6	0,7	7,55	1,1	11,8	0,7	0,35	0,7	

Примечание. Нумерация горизонтов дана сверху вниз.

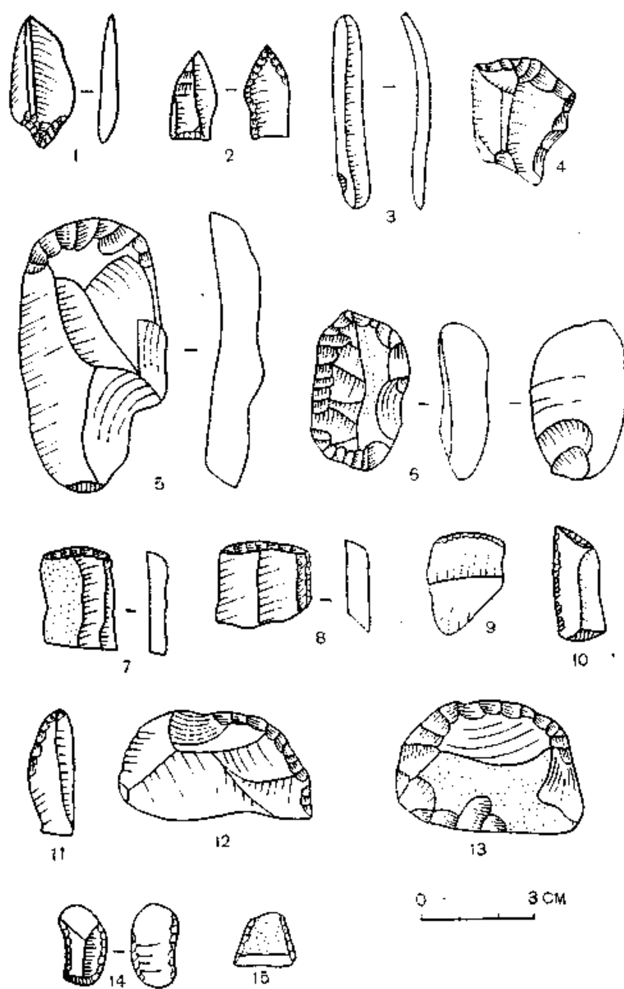

Рис. 1. Кремневые орудия с поселения Бабиновичи 1

щепов. Длина их колеблется от 2,2 до 7,5 см, ширина — 1,2—3,3 см, высота —0,3—1 см. Скребла (рис. 1,12,13) изготовлены из крупных отщепов с высокой спинкой, рабочий край закруглен, размеры 5,1—6,3х3,1—3,5х0,7—1,5 см, Из вкладышей наиболее характерная трапеция (рис. 1,15), ее размеры 0,8—1,6х1,4Х0,4 см. Поверхность со спинки покрыта

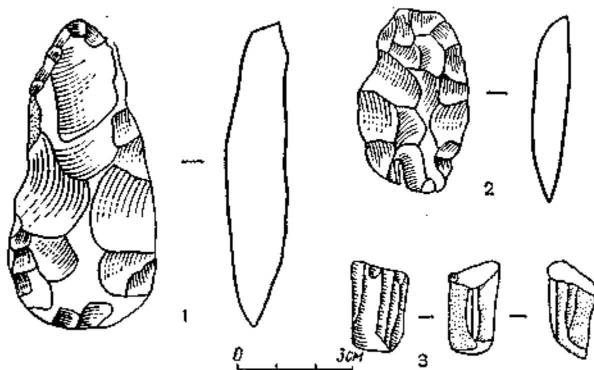

Рис. 2. Кремневые топоры и нуклеус с поселения Бабиновичи 1

коркой, один из краев сколот под углом. Рубящие орудия представлены двумя кремневыми топорами. Самый крупный из них (рис. 2,1) размером 8,2Х3,7Х1,4 см суживается к обушку, поверхность его обработана крупными сколами. Только возле лезвия имеются следы подшлифовки. Второй топорик (рис. 2, 2) размером 4,9Х2,9Х1 см также обработан с обеих сторон, по форме неправильноовальный.

Неолитическая керамика, как правило, желто-серого или светло-коричневого цвета. Всего ее обнаружено 198 фрагментов. По составу теста она делится на две группы: 1) с примесью в глине песка или дресвы; 2) с органической примесью. Следует отметить, что керамика обеих групп встречается во всех пластах, что еще раз говорит о сильной перемешанности культурного слоя.

Керамики с примесью в тесте дресвы (иногда крупнозернистого песка), найдено 58 фрагментов (в том числе 6 обломков венчиков). Края венчиков чаще всего слегка отогнуты наружу (рис. 3, 1,2; рис. 4,4), иногда немного наклонены внутрь (рис. 3, 10). Изнутри на стенках заметны подгоризонтальные расчесы широкозубой гребенкой.

Неорнаментированных обломков сосудов выявлено 12. Преобладающим видом орнамента был гребенчатый (отпечатки гребенчатого штампа встречены на 44 фрагментах, причем на 11 из них в сочетании с ямками и тычками). Узоры образуют косопоставленные линии, иногда пересекающиеся между собой. Нередко орнамент заходит на срез венчика и даже на его край изнутри. У места пересечения гребенчатых отпечатков часто наносились тычковые наколы заостренной палочкой (рис. 3, 3; рис. 4, 6). В верхней части венчиков иногда встречаются округлые ямки (рис. 3, 1, 2). Орнамент из одних ямок обнаружен на двух фрагментах (рис. 3, 10),

Вторую группу составляет пористая керамика с органи-

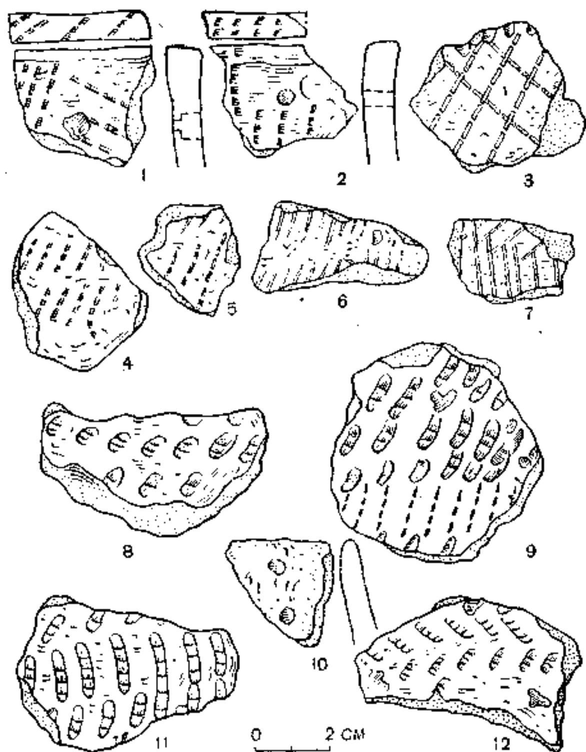

Рис. 3. Керамика из верхних горизонтов поселения Бабиновичи 1 (1—3, 5, 7, 10 —с минеральной, остальные— с органическими примесями в тесте)

тоже заметны следы расчесов, иногда слабой штриховки, но они более стертые из-за особенностей фактуры керамики. Венчики у данной группы керамики обычно слегка наклонены внутрь (рис. 4, 2, 7, 8), хотя встречаются и отогнутые наружу. Интересен довольно крупный тонкостенный фрагмент мисочки (рис. 4, 1). Имеется 26 обломков без орнамента. Гребенчатый орнамент встречен на 54 фрагментах,

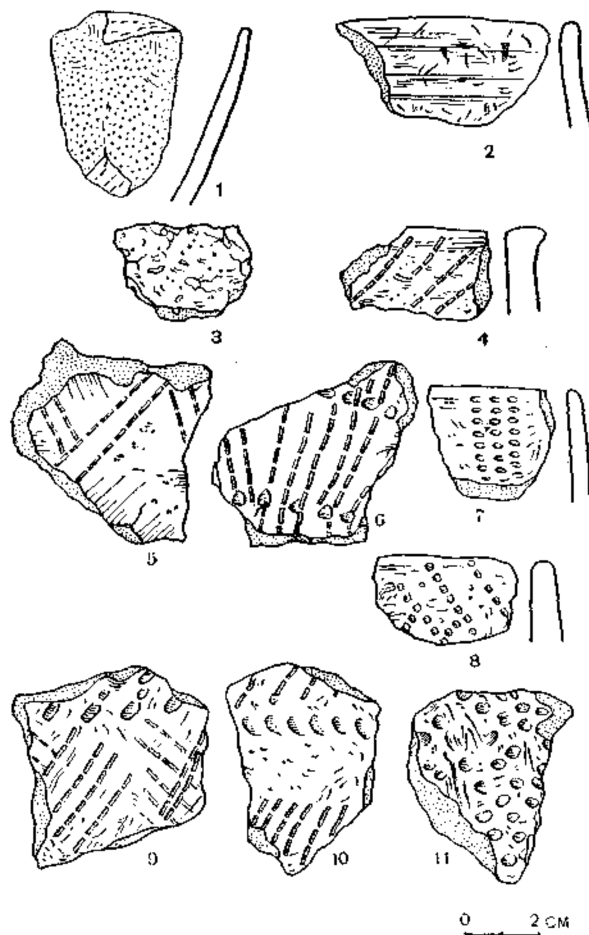

Рис. 4. Керамика из нижнего горизонта поселения Бабиновичи 1 (3—6 с минеральной, остальные — с органическими примесями в тесте)

причем на 8 —в сочетании с тычками, на 9 — с гусеничными отпечатками. Ямки и наколы нанесены на 13 обломках. Иногда ямки очень мелкие, едва заметны на поверхности (рис. 4, 8). Мелкие наколы образуют в некоторых случаях вертикально расположенные пояса (рис. 4, 7). На одном из венчиков отмечены подгоризонтальные линии, слабые отпечатки от какого-то шнура или веревочки (рис. 4, 2). Характерным только для второй группы керамики является орнамент в виде «гусеничных» узоров (рис. 3, 8, 11, 12) — 52 фрагмента.

Сравнивая обе группы керамики, нельзя не заметить, что между ними в орнаментации много общего, особенно если сравнивать неорнаментированную и гребенчатую керамику. Но в то же время имеются и существенные отличия: только для керамики второй группы характерны орнамент в виде отпечатков «гусеницы», подгоризонтальные линии, мелкие ямки и наколь Формы сосудов, как отмечалось, тоже различаются. .

В связи с этим большой интерес представляет вопрос о культурной принадлежности и хронологии поселения. Керамика с минеральной примесью в тесте имеет значительные аналогии в материалах памятников раннего этапа верхнеднепровской и верхневолжской культур [3]. Например, общее в орнаментике с верхнеднепровской: ряды ямок, мелкие наклонные отпечатки гребенки с ямками или косыми наколами среди них, пояса гребенчатых отпечатков, более глубоких с одного конца и мелких с другого [4]. Большинство вышеперечисленных черт характерно для керамики верхневолжской культуры, с которой, кроме того, у бабюновичской имеется сходство в составе теста. Листовидный наконечник стрелы из Бабинович имеет соответствия в находках раннего этапа верхнеднепровской культуры. Второму наконечнику есть аналогии в кремневом инвентаре верхневолжской культуры. Аналогия с верхневолжской и ранним этапом верхнеднепровской культуры, а также высокое расположение памятника относительно уровня озера позволяют отнести наиболее ранний этап существования поселения Бабиновичи 1 к атлантическому периоду, а точнее ко времени не позднее конца IV тысячелетия до н. э. Керамика второй группы по составу теста схожа с валдайской и нарвской культурами. Сходство с ними имеется и в орнаментике, например с валдайской — в распространении «гусеничных» отпечатков, мелких ямок, поясов наклонных оттисков гребенки. Известные ана-

логии прослеживаются и Б кремневом инвентаре — суживающиеся к обушку топоры, сходные типы- скребков и ножей [5]. Соответствия материалам из Бабинович 1 есть в керамике среднего этапа нарвской культуры[6]. Следовательно, керамика с органической примесью в тесте относится к первой половине III тысячелетия до н. э.

---

[1] Сяргеенка Я. Гарадзішча пры паселішчы Бабінавічы.— Наш край, 1926, № 8—9 (11—12), с. 57.

[2] Зайковский Э. М. Исследование памятников Подвинья.— АО — 1978. М., 1979, с. 434.

[3] Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3, с. 50.

[4] Тюрина И. М. Неолит Верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3, с. 40—51.

[5] Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура.— СА, 1958, № 3, с. 31—45.

[6] Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР.— МИА, № 144. Л., 1967, с. 53—59.

В. П. КСЕНЗОВ

РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКА И КОРОЛЕВА СЛОБОДА НА р. БЕРЕЗИНЕ

Эпоха мезолита в бассейне р. Березины изучена слабо. Единственное мезолитическое поселение, нанесенное на карту памятников каменного века Березины[1], обнаружено в 1929 г. И. Р. Колодкиным[2]. Территория его была разрушена, стационарные исследования не проводились. Кремневый инвентарь, собранный на поселении, характеризуется микролитичностью[3] и, видимо, относится к поздней поре мезолита. В 1977 г. у д. Михайловка Светлогорского района нами обнаружено новое мезолитическое поселение. Расположено оно на участке второй надпойменной террасы правого берега р. Березины, превышающем ее меженный уровень на 14 м. В 1974 г. на поселении заложен раскоп площадью 200 кв. м. Культурный слой оказался в значительной мере разрушен распашкой поля и вторичным заселением этой территории населением эпохи бронзы. Сохранившиеся культурные остатки, представленные кремневыми изделиями, залегали под пахотным слоем, на глубине 0,25—0,35 м в слое светло-желтого мелкозернистого песка. Коллекция, добы-

тая в процессе раскопок и путем сбора подъемного материала, включает 615 изделий из кремня. Сырьем для них служил темно-серый и полосатый меловой кремень. Отдельные орудия изготовлены из мелкокрапчатого сожского и валунного кремня. Из десяти нуклеусов семь сильно сработаны, что затрудняет их характеристику. Два нуклеуса призматические, двухплощадочные (рис. 1, 22), один относится к плоским. Изделия имеют высоту от 3,5 до 5 см. Основную часть коллекции составляют отщепы — 459 ед. Пластин 55. Большинство их длиной 2,5—4 см. 24% пластин ретуширов-аны по краям отдельными участками, ретушированных отщепов менее 1%.

Изделий со вторичной обработкой найдено на поселении 73, что составляет 9,4% от общего количества находок. 58,9% всех орудий изготовлено на пластинах, 38,3% на отщепах, остальные на осколках кремня, сколах оживления, сработанных нуклеусах. Наиболее многочисленны скребки— 18 экз. (24,6% всех орудий). Два скребка концевые, изготовлены на пластинах, один из них двойной (рис. 1,3). Рабочий край орудий оформлен скребковой ретушью. Остальные скребки изготовлены на отщепах. Они имеют полукруглой формы рабочий край, ретушью иногда обработаны края заготовки (рис. 1, 5—8). Скробач изготовлен также на отщепе, его дугообразный, высокой формы рабочий край обработан нерегулярной крупнофасеточной ретушью.

Резцы (5 экз.) двух типов: боковые (3 экз.) и срединные (2 экз.). Лезвия боковых резцов оформлены посредством вертикальных резцовых сколов и выпуклым или вогнутым концом, обработанным крупнофасеточной или притупливающей ретушью (рис. 1, 11 —13). Из двух срединных один резец близок к палеолитическим (рис. 1, 9). Изготовлен он на правильной, хорошо ограненной пластине, на противоположных концах которой оформлены сколами два резцовых лезвия, неоднократно подправлявшиеся. Орудия покрыты глубокой патиной молочного цвета. Наконечник стрелы один. Он черешковый, изготовлен на асимметричной пластине. Черешок орудия обработан полукрутой ретушью с брюшка (рис. 1, 1). Перо ретушировано тщательной ретушью по одному краю со спинки и частично по второму краю с брюшка. К наконечникам близка пластинка с обломанным острием, у которой противолежащей ретушью выделен черешок (рис. 1,2). Однако изогнутый профиль пластинки не позволяет уверенно судить о ее использовании в качестве нако-

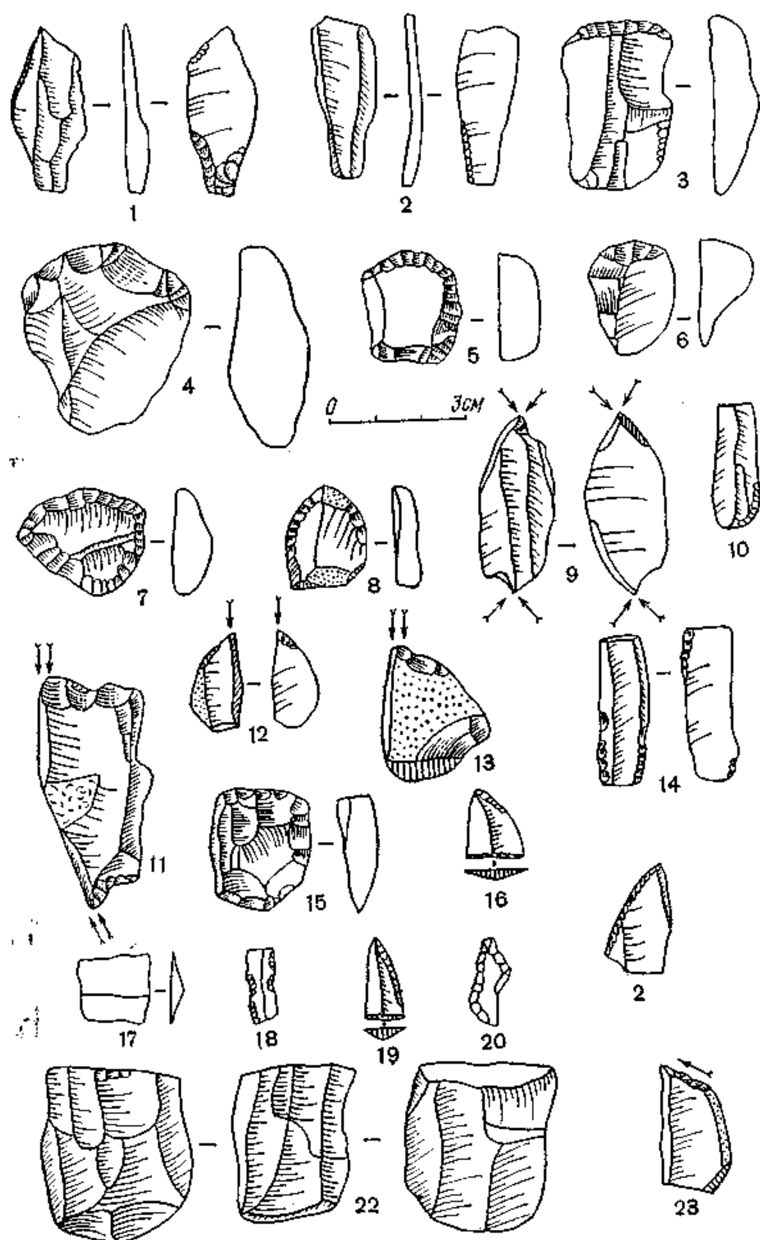

Рис. 1. Кремневые изделия с поселения Михайловка

нечника, вполне возможно, основной функцией была режущая.

Группу орудий (4 экз.), близкую к наконечникам стрел, составляют ножевидные пластинки с ретушированными крутой ретушью краем и основанием, именуемые в литературе ланцетовидными остриями[4]. Пользуясь классификацией Р. К. Римантене[5], нами выделен один тип изделий — ланцетовидные острия треугольной формы с выпуклой спинкой и прямым ретушированным основанием (рис. 1, 16, 19, 21). Размеры их невелики — от 1,5 до 2,3 см в длину при ширине 0,8—1,5 см. Необычно для верхнеднепровских поселений и острие, по технике изготовления отдаленно напоминающее острие яниславицкого типа (рис. 1, 23). Оформлено оно на пластине, верхушка которой сбита и подправлена в середине ретушью. Основание изделия следов обработки не имеет. Немногочисленны вкладышевые орудия. Сечений пластин три (рис. 1, 17), края одного имеют следы сработанности в виде мелких выщербинок. В эту группу изделий вошли ножевидные пластинки (6 экз.) (рис. 1, 10, 14), ретушированные по краям с одной или двух сторон приостряющей ретушью. У четырех пластинок отсечены верхушки и базальные части. Изделия с ретушированными выемками представлены девятью экземплярами (рис. 1, 18), пять сделаны из отщепов, четыре из пластин. На поселении собраны два сверла-провертки (рис. 1, 20), два дояотовидных орудия, нуклевидные обломки, аморфные куски кремня, сколы оживления. Долотовидные орудия изготовлены из сработанных нуклеусов (рис. 1, 15). Рабочая часть оформлена путем подтески, которая снимает неровности и приостряет лезвие с тыльной стороны. Лезвие и обушок одного орудия интенсивно использовались.

Близким к инвентарю описанного выше поселения является вещевой материал поселения у д. Королева Слобода Светлогорского района, открытого автором в 1977 г. Поселение расположено на второй надпойменной террасе правого берега р. Березины. Уровень залегания над рекой 10 м. В 1978 г.. на памятнике разбит раскоп площадью 60 кв. м. Культурные остатки выявлены на глубине 0,2—0,4 м в слое мелкозернистого песка темно-желтого цвета с включением большого количества мелких-валунчиков и зерен гравия. В центральной части раскопа расчищен округлый в плане очаг диаметром 0,6 м и глубиной 0,3 м. Вокруг очага концентрировались все находки кремня, обнаруженные в рас-

копе. Всего на поселении собрана коллекция, включающая 425 кремневых предметов. Изделия со вторичной обработкой (35 экз.) изготовлены из мелового кремня темно-серого цвета в крапинку. Из трех резцов, изготовленных на отщепах, два боковые, один из них двойной. Его резцовые углы образованы узкими резцовыми сколами, нанесенными по краям заготовки, и вогнутым концом, обработанным притупливающей ретушью (рис. 2, 1). Подобным образом оформлено лезвие второго орудия, только верхняя грань его выпуклая (рис. 2, 2). Третий резец срединный, рабочее лезвие образовано на остроугольном отщепе двумя короткими сколами (рис. 2, 3).

Скребков найдено семь. Размеры орудий достигают в длину 3—4,5 см, в ширину 2—3 см. Концевые скребки (4 экз.) изготовлены из пластин, имеют выпуклый (3 экз.) или выемчатый (1 экз.) рабочий край, обработанный крутой скребковой ретушью (рис. 2, 4, 6). Орудия с полуокруглым рабочим краем (3 экз.), оформлены на отщепах. Их лезвия обработаны невысокой полукрутой ретушью (рис. 2, 5). Ланцетовидное острие одно, изготовлено на пластине. Оно< треугольной формы, имеет выпуклую спинку и ретушированное основание (рис. 2, 10). Спинка обработана полукрутой ретушью в центральной части и ближе к острию. Ретуширован мелкой ретушью у острия и второй край изделия. Основание острия прямое, обработано тщательной крутой ретушью. К остриям относится орудие из тонкого отщепа вытянутой формы. Его конец обработан по краям с обеих сторон полукрутой ретушью (рис. 2, 9). Своеобразно орудие из сечения пластины, близкое к ланцетовидным остриям (рис. 2, 11). Один край обработан мелкофасеточной ретушью, второй оформлен резцовым сколом. Основание орудия прямое, подработано несколькими фасетками ретуши. Вполне возможно, что орудие относится к резцам. Найдена в одном экземпляре пластинка с притупленной спинкой (рис. 2, 8). Край притуплен мелкой крутой ретушью. Основание пластинки обломано. Изделий с ретушированными выемками было девять. Одно изготовлено из обломанной пластины, остальные на отщепах. Выемки оформлены крутой мелкой ретушью, диаметр их не превышает 1 см (рис. 2, 7). Три орудия имеют по две и более выемок. Рубящих орудий в коллекции два, одно из них — топорик с перехватом (рис. 2, 12). Изготовлен он из плитки кремня. Лезвие топорика образовано с одной стороны плоским сколом, нанесенным по-

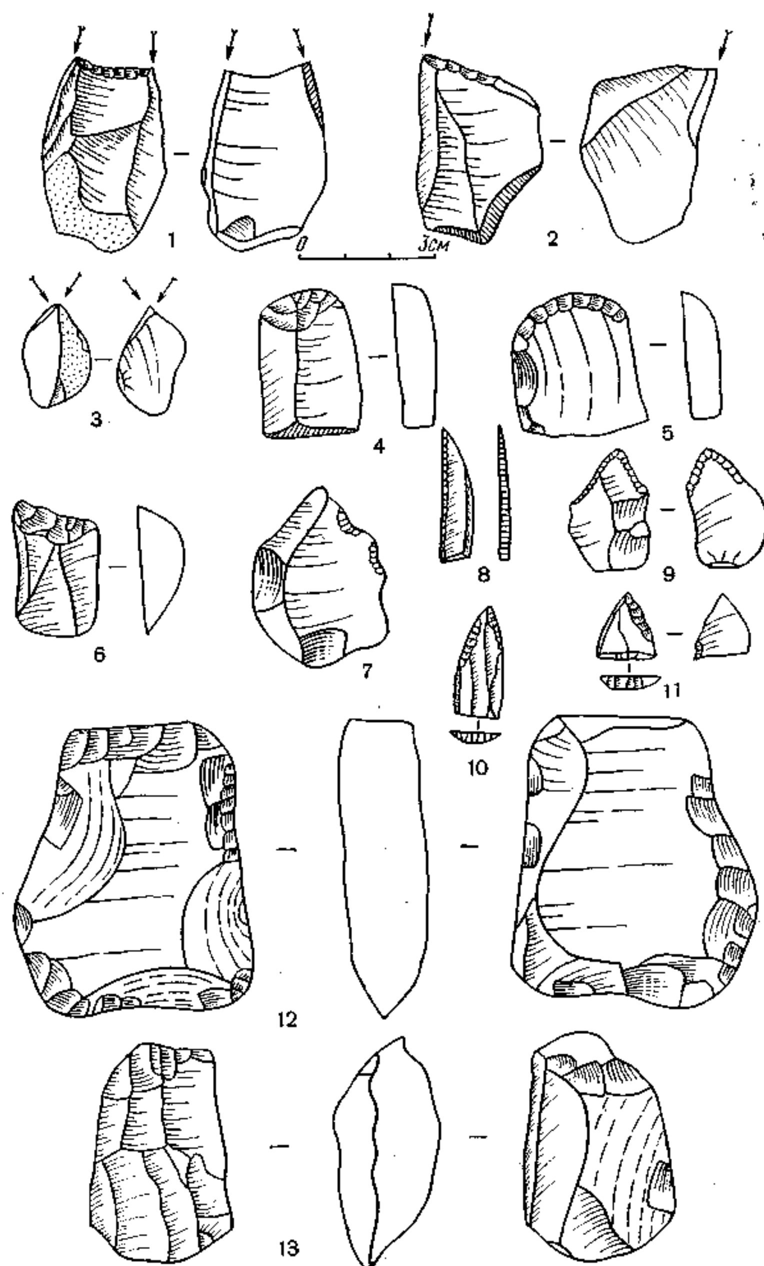

Рис. 2. Кремневые изделия с поселения Королева Слобода

перек заготовки и подправленным несколькими фасетками ретуши, с другой — двумя небольшими сколами. Размеры орудия 6,3Х5,5 см. Заготовкой второго орудия служил одноплощадо-чный нуклеус. Лезвие с обеих сторон оформлено крупными сколами, направленными вдоль заготовки. На одну сторону орудия нанесены поперечные сколы, которыми уплощалась заготовка (рис. 2, 13).

О технике расщепления можно судить по нуклеусам (19 экз.), среди которых большинство одноплощадочных. Ударные площадки оформлялись посредством одного скола. Преобладающее большинство их горизонтально или скошено к тыльной стороне нуклеуса. Типологически выделяются нуклеусы двух видов: призматические (2 экз.) и клиновидные (3 экз.). Остальные нуклеусы имеют аморфные очертания. Заготовки с них снимались с разных сторон, некоторые нуклеусы предельно сработаны. Довольно многочисленны нуклевидные куски кремня (24 экз.), не использованные из-за низкого качества сырья. Как правило, они несут негативы нескольких сколов, нанесенных без предварительной подготовки площадки. Отщепов 242 экземпляра. Среди них преобладают изделия, имеющие 3—5 см в поперечнике. Пластин немного — 28 штук. Большинство их обломано, имеют параллельные, правильно ограненные края. Вошли в коллекцию куски кремня аморфной формы (58 экз.), сколы оживления (13 экз.), ретушеры (4 экз.).

Судя по составу кремневого инвентаря поселений Михайловка и Королева Слобода, преобладанию в нем изделий из пластин, наличию только боковых и срединных резцов, скребков мадленских форм, топорика *с* перехватом, немногочисленности микролитов при полном отсутствии трапеций, перед нами раннемезолитический комплекс. О раннем возрасте поселений свидетельствует и их залегание на второй надпойменной террасе. Отсутствие в инвентаре поселения Королева Слобода пластин-вкладышей с ретушью по краю и скребков неправильной формы позволяет предположить его более ранний возраст по сравнению с поселением Михайловка, где достаточно полно представлены эти формы орудий (рис. 1, 4, 7, 10, 14). Вполне вероятно, что памятник имеет позднедриасовый возраст. Оба поселения входят в круг памятников, генетически связанных со свидерской культурой, что подтверждается наличием на поселениях призматических нуклеусов с горизонтальными или слабо скошенными ударными площадками, наконечника стрелы с выде-

ленным черешком и плоской ретушью с брюшка, топорика с перехватом, боковых и срединных резцов. Ближайшие аналогии имеются в коллекциях памятников свидерской культуры (стоянка у оз. Свитязь, Крумплево), расположенных в северо-западной Белоруссии[6].

---

[1] И с а е н к о В. Ф. Археологическая карта Белоруссии, вып I —- Мн, 1968, с. 10.

[2] П а л і к а р п о в і ч К. М. Доследы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930—1931 гг.—Працы, т. 3. Мн., 1932, с. 227—230.

[3] И с а е н к о В. Ф., Тихоненко М. И. Об ареалах археологических культур каменного и бронзового веков на территории Белорусского Поднепровья.— Вопросы истории и археологии. Мн., 1966, с. 306—312.

[4] Г у р и н а Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии.—МИА, № 131, М.—Л., с. 156.

[5] Р и м а н т е н е Р. К. Основные черты мезолита Литвы.— КСИА АН СССР, М., 1977, № 49, с. 66—69.

[6] Г у р и н а Н. Н. Новые данные о каменном..., с. 146—148.

О. Л. ЛИПНИЦКАЯ

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИХ МАСТЕРСКИХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ И СОПРЕДЕЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

На первых порах человек для изготовления орудий использовал кремень, найденный на поверхности. Позднее он стал извлекать его из земли. В конце каменного века, начале эпохи бронзы, наибольшее развитие получила самая совершенная форма добычи каменного сырья с помощью открытых выработок в ямах, шахт и штолен. Повсеместно добыча кремня была связана с его первичной обработкой. Изготовление полуфабрикатов в местах добычи сырья диктовалось необходимостью избавиться от лишнего веса при транспортировке продукции.

Многие русские археологи интересовались процессом производства орудий труда и в некоторой степени вопросами обработки каменного сырья и его добычи. Среди них можно назвать А. А. Штукенберга, Н. Ф. Высоцкого, В. А. Городцова, В. Е. Данилевича, Н. Ф. Беляшевского и др.

Одним из первых упоминаний об исследовании мастерской на территории Белоруссии следует считать, по-видимому, публикацию В, Е. Данилевича. В ур. Залозье около

д. Кистени бывшего Рогачевского уезда Могилевской губернии была обследована дюна. Вывод, к которому пришел В. Е. Данилевич на основании изучения находок, следующий: «Находка относится к так называемой неолитической эпохе, присутствие ядрищ позволяет нам заключить, что здесь была не только стоянка, но и мастерская кремневых орудий; наше мнение подтверждается и теми обстоятельствами, что тут на берегу наблюдается много кремня: таким образом доисторический человек имел нужный ему кремень под рукой»[1].

В 1898 г. Н. Ф. Беляшевский при обследовании берегов Западного Буга обнаружил несколько кремневых местонахождений у с. Збунин, д. Белая Гора, д, Заказанка бывшего Брест-Литовского уезда. Анализируя их материал, он писал: «...найденные на стоянках ядрища, испорченные или недоконченные отделкой орудия, осколки, оставшиеся от выделки,- инструменты для обработки в форме отбойников, затем кострище с обожженными камнями указывают на то, что стоянки были вместе с тем и мастерскими для изготовления орудий и посуды»[2].

В 1929 г. Смоленским обществом краеведения была организована экспедиция, поставившая задачу систематически обследовать течение Днепра, начиная с его истоков. В состав экспедиции входили белорусские археологи В. Р. Тарасенко и Г. В. Парфенов. Ими было обследовано 51 местонахождение каменного века в долине Днепра от его истоков у д. Аксютино и до Смоленка[3].

Так, значительное количество отщепов и орудий крупного размера из кремня темно-серого цвета найдено между д. Ильюшино и Днеирово, у д. Ватажка в ур. Каменная Гора на правом берегу Днепра. Самая крупная из макролитических стоянок Верхнего Днепра — мастерская, расположенная на правом берегу между безымянным ручьем и д. Вышегоры, которая дала несколько сот макролитических орудий, ножевидных пластин крупных размеров, резцов, нуклеусов, огромное количество кремневых отщепов со следами обработки.

Другое крупное местонахождение с подобными находками было обнаружено на левом берегу Днепра у д. Глыбино. Кроме того, известно еще 20 местонахождений кремневых изделий по обоим берегам Днепра, в том числе и ниже впадения в него р. Вязьмы. Сопоставляя материалы разведки с макролитами Верхней Волги, В. Р. Тарасенко не отри-

дает наличия мастерских по первичной обработке орудий макролитического облика, однако существование мастерских такого типа как на территории бассейна Верхней Волги, так и Верхнего Днепра при почти полном отсутствии соответствующих им поселений он считал труднообъяснимым.

На основании многолетних исследований Верхнего Поволжья Н. Н. Гурина установила, что большинство открытых памятников Верхней Волги, совпадающих с выходами кремня и содержащих макролитические орудия, следует считать местами добычи и первичной обработки кремня и датировать различными периодами неолита. Установлена связь обнаруженных мастерских со стоянками, размещавшимися в основном на побережье прилегающих озер, опровергнута теория о существовании «бескерамического неолита» с формами «пик» и «транше». Эти формы не присутствуют в памятниках Верхнего Поволжья.

В 1969 г. экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной[4] на левом берегу Верхнего Днепра в Сычевском районе Смоленской области близ д. Аносово была открыта мастерская. В ней использовался кремень черного цвета высокого качества из месторождения, обнаруженного неподалеку в пойме Днепра. Огромное количество расщепленного кремня, обилие нуклеусов, их частей, краевых сколов с площадок, пластин наряду с незначительным процентом готовых орудий и в известной мере незавершенностью их форм указывают на то, что это мастерская по первичному расщеплению кремня. Исследователь датирует памятник финальной порой позднего палеолита, не исключая возможность отнесения его к самому раннему мезолиту. Кроме д. Аносово вверх по течению Днепра располагается Аносово 4 и 4-а с близким по характеру материалом. Особенностью этой мастерской является то, что значительное количество орудий и отщепов изготовлено из сиреневатого и сиреневато-желтоватого кремня, выходы которого в виде крупных желваков обнаружены на надпойменной террасе и в пойме Днепра. По возрасту Аносово 4, 4-а и 1, очевидно, одновременны. В результате разведки найдены остатки еще нескольких мастерских.

В Смоленской области на берегу старого русла р. Вопец (правый приток Днепра) у д. Ломейково при изучении неолитического поселения открыты остатки поздненеолитической кремневой мастерской[5]. На стоянке у кострища обнаружено большое скопление отщепов и осколков кремня,

а рядом -- фрагменты керамики, обломок наконечника стрелы, кремневый топор и тесло.

На территории Белоруссии на правом берегу Днепра в 0,5 км севернее городища у пос. Яново Быховского района Могилевской области в 1967 г. Л. Д. Поболей при шурфовке было вскрыто скопление расщепленного кремня. В 1972—1973 гг. В. Ф. Копытин в ходе раскопок обнаружил здесь два места обработки кремня в виде компактных скоплений, расположенных в небольших углублениях. Кремневое сырье стоянки и мастерских Яново выделяется высокой пластичностью кремня. Обилие нуклеусов и отходов производства позволило ему сделать предположение о принадлежности к типу стоянок-мастерских ряда стоянок правого берега Днепра: Барколабово, Дальнее Лядо и Боровка. Меловой желвачный кремень темно-серого цвета прослежен здесь в достаточном количестве в месторождениях, расположенных вблизи от стоянок. Выходы кремня отмечены в пойме Днепра возле д. Стайки, южнее д. Барколабово. На стоянке Боровка расщепленный кремень концентрируется в виде небольших скоплений на площади 50X70 м. Не исключено и использование кремня из меловых отложений, залегающих рядом, например на стоянке Дальнее Лядо. По материалам Барколабово и Дальнее Лядо можно проследить последовательность процесса расщепления кремня, начиная от нуклеусов с одним-двумя сколами и кончая полностью сработанными экземплярами.

Посожье является районом распространения коренных меловых отложений, которые полностью могли удовлетворить древнего человека в кремне. К. М. Поликарпович не раз указывал на места коренных выходов мелового кремня в первичном залегании и россыпи галечного кремня. Кремень, найденный на стоянках Посожья, серый, светлых и темных оттенков с вкраплениями окремнелсго мела. На основании изучения материалов ряда стоянок К. М. Поликарпович делает вывод, что специализированных мастерских по изготовлению кремневых орудий на Соже не было, производство орудий осуществлялось на каждой отдельной стоянке. Этого же мнения в настоящее время придерживаются и исследователи каменного века Посожья В. Ф. Копытин и Е. Г. Калечиц. Автор данной статьи в течение двух сезонов исследовала мезолитическую стоянку Криничную на Соже. Материал памятника также подтверждает эту точку зрения: обнаружено скопление кремня, в котором на

одном квадратном метре собраны 51 ножевидная пластинка, 62 отщепа, 57 осколков. Можно предположить, что стоянка была «рабочим местом» древнего мастера.

«Рабочее место» мастера в западине воронковидной формы изучено В. Ф. Копытиным на мезолитической стоянке Журавель на Соже[7]. В пользу мастерской свидетельствует скопление отходов производства и нуклеусов. В течение нескольких полевых сезонов В. Ф. Копытин исследовал стоянку Горки на бер.егу Сожа. Непосредственная близость к выходам сырья, топография памятника, состав коллекций и соотношение основных типов и групп орудий привели к заключению, что Горки являются стоянкой-мастерской.

Крупнейшим источником кремня является Западная Белоруссия[8]. Здесь верхнемеловые породы, содержащие кремень, скрыты под чехлом четвертичных отложений. Близ поверхности мел с кремнем встречается в виде крупных линз—ледниковых отторженцев. В Росси, Красносельском, д. Карповцы в толще отторженцев открыты неолитические шахты. В Красносельском мастерские изредка встречены непосредственно в полузасыпанных шахтах, наверху, рядом с устьем и недалеко от места добычи. Так, на левом берегу р. Россь западнее Красносельского неподалеку от действующего мелового карьера с находящимися там шахтами по добыче кремня были обнаружены крупные отщепы, конкреции, нуклеусы и заготовки орудий. Сопоставление этих материалов с материалами шахт показало, что это мастерская-поселок, связанная с обработкой кремня, добытого в шахтах[9]. В 1967 г. неподалеку от шахт была открыта еще одна мастерская с большим количеством орудий (преимущественно скребков). Хронологически более поздняя по сравнению с шахтами, она свидетельствует о том, что люди приходили сюда в поисках кремня, используя кремень, добытый ранее. В 1971 г. в окрестностях шахт М. В. Веретило и М. М. Чернявский обследовали одну из мастерских по обработке кремня. Здесь находилось огромное количество отщепов, скребки, заготовки топориков. В 1973 г. возле д. Карповцы они обнаружили новые шахты и рядом с ними остатки крупной кремнеобрабатывающей мастерской.

На правом берегу Немана около д. Котра обнаружено местонахождение кремня Неман 5[10]. Большинство отщепов получено в результате сколов с нуклеусов. Весь состав материала указывает на то, что данный памятник является мастерской по первичной обработке найденных поблизости

конкреций, в силу чего все нуклеусы и сколы с них, а также многие отщепы частично сохранили корку, законченное орудие одно. По характеру нуклеусов и пластин стоянка отнесена к неолиту.

Многочисленные следы кремневых мастерских встречаются в местах, где в морене залегают меловые отторженцы, содержащие конкреции высококачественного кремня. Особенно это характерно для среднего течения р. Зельвянка, района Гродно и берегов р. Дитва (у д. Даржи Гродненской области).

Несколько крупных поселений и мастерских, на которых найдены тысячи кремней с обработкой и сотни кремневых орудий, выявлены в Полесье[11].

В Подвинье почти отсутствуют выходы кремневого сырья, за исключением оз. Охват и верховьев Западной Двины.

Изучение мастерских на территории Белоруссии является задачей будущих археологических изысканий. Пока исследована часть мастерских, сопровождающих шахты, и некоторое количество мастерских-стоянок. Очевидно, можно ожидать неолитические мастерские в Белорусском Полесье, где есть выходы коренного мела и его россыпи, в Посожье, где открыта серия мезолитических стоянок-мастерских возле выходов коренного мела с кремнем, и, наконец, в Понеманье с его уникальными неолитическими шахтами по добыче кремня.

---

[1] Данилевич В. Е. Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии; исследования летом 1893 г.—Киевская старина. Киев, т. XIX, 1895, с. 17.

[2] Беляшевский Н. Ф. Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах р. Западный Буг в среднем его течении.—т Тр. XI АС в Киеве, т. 1. М., 1901, с. 673—714.

[3] Тарасенко В. Р. Неолитические стоянки верховьев Днепра.— В сб.: Древности Белоруссии. Мн., 1967, с. 107—135.

[4] Гурина Н. Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье Днепра— МИА, № 185. Л., 1972, с. 244—251.

[5] Тюрина И. М. Изучение неолитических памятников в Смоленской области. АО— 1966. М., 1967, с. 30—31.

[6] Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии. Реф. канд. дис.— Л., 1977.

[7] Отчет В. Ф. Копытина по изучению памятников каменного века на территории Могилевской области в 1973 году.— Архив Могилевского краеведческого музея.

[8] Ковнурко Г. М. Применение петрографического метода при изучении межплеменных связей в неолите на северо-западе Европейской части СССР.— В кн.: Методы естественных и технических наук в археологии. М., 1963, с. 48—49.

[9] Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты.— М., 1976, с. 9.
[10] Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии.—МИА, № 131, 1965. М,—Л., с. 184—185.
[11] Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья,—Мн., 1976, с. 27, 32.

А. ЛУХТАН

КЕЛЬТЫ МЕЛАРСКОГО ТИПА В ЛИТВЕ

Предметы, свидетельствующие об экономических связях жителей удаленных территорий в I тысячелетии до н. э., в археологическом материале Литвы немногочисленны. Поэтому каждая новая находка подобного рода представляет значительный интерес. К таковым относится большинство металлических изделий, среди которых прежде всего выделяются кельты меларского или акозинско-меларского типа.

Изучению кельтов меларского типа посвящены отдельные статьи[1] и разделы ряда монографий [2]. Интерес к изучению этих изделий подогревался не только их своеобразием, но и необычайно широким ареалом от Дании, Норвегии и Швеции на западе до Волго-Камья на востоке[3].

В то же время в Литве до последних лет кельты меларского типа были почти неизвестны. Единственной достоверной находкой являлся кельт, входивший в состав клада из Вашкай (Пасвальский р-н). Большинство исследователей относит этот кельт к типично шведским образцам, происходящим из долины оз. Меларен[4]. Кроме кельта, в состав клада входили бронзовый вислообушный проушный топор галичского типа и миниатюрный бронзовый шведский кинжал. Все изделия находились в глиняном сосуде. Разнородность входящих в состав клада предметов усомнила некоторых археологов в его достоверности[5]. Следует упомянуть и депаспортизированный кельт меларского типа, находящийся в экспозиции музея истории и этнографии Литовской ССР в Вильнюсе[6].

О широком же бытовании среди местного населения и местном производстве свидетельствуют глиняные литейные формы. Первая литейная форма для изготовления кельтов, близких к меларскому типу, была обнаружена П. Тарасенко в 1933г. при раскопках городища Возгеляй (Зарасайский р-н), однако находка осталась неопубликованной[7]. Обнаруженный в Возгеляй фрагмент формы представлял верхнюю часть втулки с тремя характерными горизонтальными валиками,

из которых нижний переходил в направленные к лезвию «усы». Ушко находилось ниже валиков и не было с ними связано. Необходимо отметить, что в форме были не канавки-углубления, а именно валики, и, таким образом, отлитый в этой форме кельт имел бы углубленные канавки. До последнего времени эта находка была единственной, и лишь в

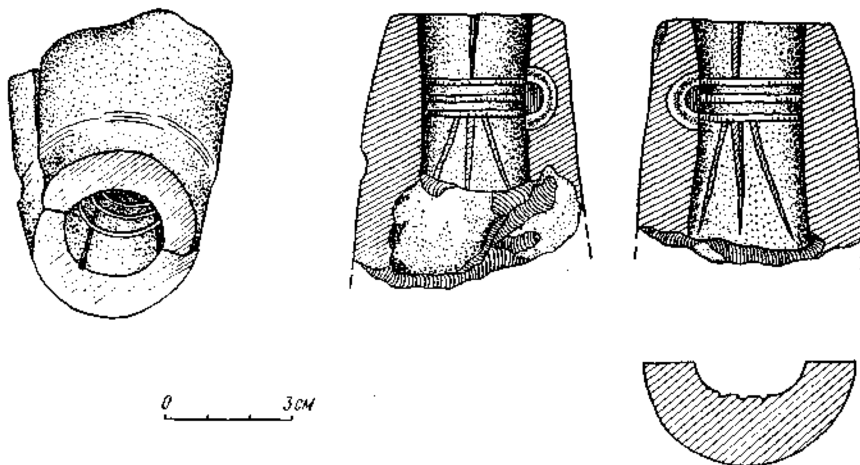

Рис. 1. Фрагменты створчатой литейной формы. Наркунай, Утенский р-н

1976—1978 гг. при проведении обширных раскопок на многослойном городище Наркунай (Утенский р-н)[8] в нижнем горизонте культурного слоя было обнаружено значительное количество различных литейных форм, среди которых особый интерес представляют литейные формы, служившие для изготовления культов меларского типа (акозинско-меларского типа). В процессе раскопок на городище Наркунай найдено 25 фрагментов глиняных двустворчатых литейных форм (рис. 1). Они изготовлялись из глины со значительной примесью песка, что, по-видимому, позволяло формам выдерживать высокую температуру. Глиняная масса, обычно сильно пережженная, чаще черного или серого цвета. Некоторые формы сохранились почти полностью, что позволяет с достаточной достоверностью представить отливавшееся в них изделие. Кельты, изготовлявшиеся в Наркунай, имели вытянутое втульчатое тулово с округлым сечением. Нижняя часть тулова шестигранна. Лезвие, длина которого всегда

больше диаметра тулова, слегка округлое, и лишь в одном случае закругление лезвия довольно значительное. Кельты имели небольшое боковое округлое ушко, расположенное на удалении 1,4--2,8 см от края втулки. На уровне ушка находились три горизонтальных валика. По широкой плоскости большинства кельтов проходило продольное вертикальное ребро-валик, а от нижнего горизонтального валика отходили направленные к краям лезвия «усы». Длина кельтов колебалась от 8,5 до 9,5 см (судя по двум формам), диаметр втулки 2,5—3,1 см (по девяти формам), ширина у лезвия 3,4 см (у одной формы). Описанные кельты близки к классическому шведскому типу меларских кельтов по К. Ф. Мейнандеру[9] или же к типу II, I А г акозинско-меларских кельтов по классификации А. Х. Халикова [10]. Некоторые кельты, изготовлявшиеся в Наркунай, имели на верхней части втулки выше горизонтальных валиков характерный рельефный зигзагообразный орнамент. Кельты с аналогичным орнаментом встречаются в Финляндии[11], на Борнхольме [12], в Эстонии [13], Белоруссии[14], на раннеананьинских могильниках Поволжья [15]. По утверждению А. М. Тальгрена, зигзагообразный орнамент свидетельствует о влиянии восточнорусских бронзовых изделий[16]. С этим мнением можно полностью согласиться, так как рельефный зигзагообразный орнамент широко распространен на ананьинских кельтах[17].

Анализируя обнаруженные в Литве литейные формы, следует отметить, что изготовлявшиеся в них кельты имели ряд схожих черт как со шведскими кельтами, так и с кельтами, распространенными на территории ананьинской культуры. Безусловно, мы сталкиваемся не с классическими акозинско-меларскими кельтами, а с близким подражанием им — продукцией местных бронзолитейщиков, которые внесли в изделия некоторые собственные усовершенствования и изменения. Местное изготовление подобных кельтов отмечено на ряде городищ Латвии [18], а в последнее время встречено и на бывщих западнобалтских территориях в Польше [19].

Немаловажным является вопрос хронологии кельтов меларско-акозинского типа и их местных подражаний. Все исследователи, занимавшиеся их изучением, пытались уточнить хронологию этих изделий, однако в конечном результате хронологические рамки оказались весьма расплывчатыми — IV—VI периоды бронзы[20]. Значительно более узкие хронологические рамки бытования этих изделий (в основном VIII—VII вв. до н. э.)[21] получены при изучении комплексов-

погребений в Волго-Камье. В. С. Петрушев в отличие от утверждения скандинавских археологов о шведском происхождении кельтов[22] отмечает, что ранние кельты акозинско-меларского типа более характерны для Марийского Поволжья, где они наиболее многочисленны, и оттуда через Прибалтику проникли в Скандинавию. В дальнейшем как в Скандинавии, так и в Поволжье новые формы кельтов развивались самостоятельно[23]. По-видимому, на путях движения кельтов на запад розникали местные центры их производства, каковыми является городище Наркунай в Литве или Кивуткалнс в Латвии. Следует отметить, что местные бронзолитейные мастерские ни в чем не уступают скандинавским [24], а зачастую по числу и разнообразию находок даже превосходят их. Большинство памятников Литвы и Латвии (I тысячелетие до н. э.), на которых встречаются следы бронзолитейного производства, концентрируется в районе крупнейшего водного пути Западной Двины.

Таким образом, можно предположить, что в Литве кельты акозинско-меларского типа изготовлялись в основном в VIII—VII вв. до н. э., что полностью совпадает с датировкой на основе изучения стратиграфии культурного слоя на городище Наркушй. Этим же временем кельты меларского типа датируются в Латвии[25]. Маловероятным кажется предположение Л. Окулич об изготовлении в Прибалтике бронзовых кельтов меларского типй в течение длительного време-

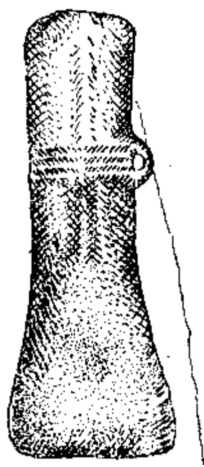

Рис. 2. Кельт из Вашкай

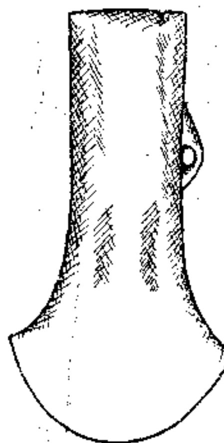

Рис. 3. Кельт из Рамбинаса

ни [26]. Как явствует из археологических материалов, уже в VI периоде бронзы в Литве появляется много новых форм кельтов[27], причем некоторые, как например кельт из местности Рамбинас[28], могли развиваться из акозинско-меларских прототипов.

Появление новых вариантов бронзовых кельтов говорит о высоком уровне местного бронзолитейнего производства, о его древности среди балтского населения. Из многочисленных находок явствует, что в рассматриваемый период существовали контакты с соседними племенами и велась активная меновая торговля, обеспечивающая постоянное поступление цветного металла на территорию Литвы. Обнаруженная на городище Наркунай рронзолитейная мастерская, местные формы изделий и некоторые клады с сырьем и полуфабрикатами свидетельствуют о существовании уже в I тысячелетии до н. э. определенной группы литейщиков-кузнецов, выделившихся из числа рядовых членов общины и занимавшихся в связи со спецификой и трудоемкостью процесса в основном своим ремеслом. Тот факт, что бронзолитейные мастерские обнаружены в Литве не на каждом исследованном городище, заставляет предполагать, что бронзолитейщики обеспечивали своей продукцией не только содержавшую их общину, но и соседние.

Возможно, были и укрепленные ремесленно-торговые центры, как Наркунай в Литве или Кивуткалнс в Латвии, снабжавшие своими изделиями довольно обширные районы. Еще В. Антоневич на основании лишь типологического изучения кельтов подвергал критике мнение скандинавских археологов А. Тальгрена и Б. Нермаиа о существовании в позднем бронзовом веке на территорий СССР колоний шведских бронзолитейщиков и купцов[29]. Правильность этой критики подтверждают и находки бронзолитейной мастерской на городище Наркунай — типично балтском памятнике культуры штрихованной керамики

---

[1] Tallgren A. M. Die sog. Mäläräxte der ostbaltischen Bronzezeit,—Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. XXX, Dorpat, 1938, S. 721—726; Antoniewicz W. Siekiery brązowe typu Mälar z Mińska na Białorusi.—Wiadomości Archeologiczne, t. XXII, z. 3—4. Warszawa, 1955, s. 278—283; Петрушев В. С. Акозинско-меларские кельты марийского Поволжья.—СА, 1975, № 3, с. 28—43.

[2] Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finnland.—Helsinki, 1954,. S. 24—39; Okulicz L. Osadnictwo strefy wschodniobaltyckiej w I tysiącleciu

przed naszą erą.— Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978, s. 94—104; Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа XIII—VI вв. до н. 9.— М.» 1977, с. 123—136.

[3] M e i n a л d e r C. F. Die Bronzezeit..., Abb. 8; П е т р у ш е в В. С. Акозинско-меларские кельты..., рис. 1; Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи..., рис. 48.

[4] Tallgren A. M. Die sog. Malaraxte..., Abb. 2, S. 724; M e i n a n d e r C. F. Die Bronzezeit..., 9.29; P u z i n a s J. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys.—Senovė, t. IV. Kaunas, 1938, p. 202; A n t o n i e w i c z W. Siekiery brązowe..., tabl. XXXV, s. 279—280.

[5] K u l i k a u s k a s P., K u l i k a u s k i e n ė R., T a u t a v i č i u s A. Lietuvos archeologijos bruožai.— Vilnius, 1961, p. 107. .

[6] В монографии Л. Окулич (L. Okulicz. Osadnictwo strefy..., s. 102) указывается, что в настоящее время в Литве известно по крайней мере восемь кельтов меларского типа. Это ошибка, проникшая в книгу Л. Окулич и Археологический атлас Литвы (Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. I.— Vilnius, 1974), где на 23-й карте перепутаны условные обозначения и все кельты с ушком отнесены к меларскому типу. По списку на с. 222 в том же атласе упоминается лишь один единственный меларский кельт из Вашкай.

[7] Каунасский государственный исторический музей, инв. № 1378: 10.

[8] Волкайте-Куликаускене Р., Куликаускас П., Лухтан А. Исследования памятников в местности Наркунай.— АО—1976. М., 1977, с. 423—424; Они же. Раскопки в местности Наркунай.— АО — 1977. М., 1978, с. 432.

[9] M e i n a n d e r C. F. Die Bronzezeit..., Abb. 14.

[10] Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи..., с. 129, рис. 46.

[11] M e i n a n d e r C. F. Die Bronzezeit..., S.30, Tat. 9: b.

[12] Ibid., Abb. 3.

[13] Tallgren A. M. Die sog. Malaraxte..., S.723, Abb. 1.

[14] Ibid. Abb. 3.

[13] Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи..., рис. 42:17.

[16] Tallgren A. M. Die sog. Malaraxte..., S.723—724.

[17] П е т р у ш е в В. С. Акозинско-меларские кельты..., рис. 2; Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи..., рис. 41, 42 : 8,9.

[18] Latvijas PSR arheologija.— Riga, 1974, 89 lap. 26 tab.

[19] W a l u s A. Tarlawski, pow. Węgorzewo.— Informator archeologiczny. Badania 1972 r. Warszawa, 1973, s. 130; O k u l i c z L. Osadnictwo strefy..., s. 269, rys. 121: 2.3,8, 11.

[20] A n t o n i e w i c z W. Siekiery brązowe..., s. 278—279; O k u l i c z L. Osadnictwo strefy..., s. 99, 101—102.

[21] П е т р у ш е в В. С. Акозинско-меларские кельты..., с. 31 и сл.; Х а л и к о в А. Х. Волго-Камье в начале эпохи..., с. 125—136.

[22] Tallgren A. M. The Arctic Bronze Age in Europe.— Eurasia Septentrionalis Antiqua, t. 11. Helsinki, 1937, p. 36; Me i n a n d e r C. F. Die Bronzezeit..., S.25, Abb. 8.

[23] П е т р у ш е в В. С. Акозинско-меларские кельты..., с. 37—42.

[24] J a a n u s s e n H. Nad jeziorem Mälaren.— Z otchłani wieków. Wrocław—Warszawa, 1974, N 2, s. 133—138.

[25] Latvijas PSR arheologija, 83 Ipp.

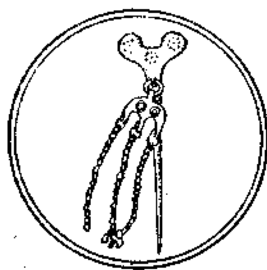
[26] O k u l i c z L. Osadnictwo strefy..., s. 104.

[27] Lietuvos TSR archeologijos atlasas, psl. 211.

[28] G a er t e W. Urgeschichte Ostpreussens.— Königsberg i Pr., 1929, Abb. 64: f.

[23] A n t o n i e w i c z W. Siekiery brązowe..., s. 282.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

И. ВАШКЯВИЧЮТЕ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОЛОВНЫЕ ВЕНКИ ЗЕМГАЛОВ

Балтские племена, населявшие территорию современной Литвы и Латвии во II—XII вв., носили разнообразные металлические украшения, среди которых головные венки употреблялись сравнительно долго[1]. Часть головных венков была сделана из нескольких рядов (2—5) бронзовых спиралей либо из спиралей и цилиндриков, нанизанных на толстую веревку, в промежутки которых вкладывались прямоугольные бронзовые пластинки. Головные венки указанного типа датируются V—XII вв. Самыми излюбленными были венки, сделанные из трех параллельных рядов бронзовых спиралей (реже из двух либо четырех-пяти рядов), соединенных между собой пластинками. Ширина головного венка не была одинакова; она зависела от числа рядов спиралей. Кроме того, отличались между собой и пластинки. Одна часть венков имела более узкие, другая — более широкие, прямоугольные пластинки, а некоторые пластинки в поперечном разрезе напоминали букву Т. Иногда более поздние головные венки (X—XII вв.) вместо отлитой пластинки с отверстиями для нитей, на которые нанизывались спирали, имели тонкую бронзовую бляшку, которая соединяла все ряды спиралей. Существуют и другие разновидности венков. Например, головные венки женщин-жемайтов V—VI вв. часто в области затылка имели еще продолговатую, орнаментированную бронзовую пластинку на ширину венка[2].

На территории Литвы зарегистрировано более 20 мест, где найдены головные венки. Часть из них опубликована, и установлено, что эти украшения больше всего характерны для племени жемайтов, земгалов, латгалов и селов в V—VII вв.[3] Остатки таких головных венков обнаружены и далее на восток — на территории Белоруссии, в Смоленской области в погребениях VII—XII вв. с трупоположением и с трупосожжением[4].

Из металлических головных венков меньше всего были известны венки из северной части Литовской ССР — с террито-

рии древних земгалов. Эти венки сделаны из прямоугольных пластинок, которые соединены двумя или тремя рядами коротких спиралей. В разрушенных могильниках на этой части Литовской ССР найдено около 30 отлитых прямоугольных пластинок с тремя сквозными отверстиями[5]. Есть также и полностью сохранившийся головной венок, найденный в разрушенном погребении в могильнике Лепоряй[6]. До сих пор такие украшения из исследованных погребений на территории Литовской и Латвийской ССР не были известны. Поэтому не совсем была ясна их хронология и манера ношения.

В 1975—1976 гг. во время раскопок Януяйкяйского могильника (Ионишкский р-н) было исследовано 147 погребений V—VII вв. и 320 погребений VIII—XI вв.[7] С такими головными венками умершие похоронены в 15 погребениях V—VII вв. (погребения 384, 385, 386, 408, 414, 419, 425, 427, 428, 432, 436, 439, 440, 456, 459) и одном погребении VIII в. Кроме того, на территории погребений V—VII вв. найдено еще 10 прямоугольных пластинок разной величины, видимо, принадлежащих нескольким головным венкам.

Головные венки, сохранившиеся полностью (погребения 349, 414, 427, 428, 436, 439), сделаны из 10 прямоугольных пластинок величиной до 5,5x4,7 см и толщиной до 0,6 см. Имеются и более крупные пластинки, размеры которых достигают 6,2Х4,9 см. Такие пластинки известны среди случайных находок из могильника Шакарняй. Все они имеют по три отлитых сквозных отверстия для толстой нити. Но чаще всего для соединения пластинок использовались две спирали. Если пластинки головного венка брались широкие, то соединяющие спирали — короткие, а если пластинки чуть уже, то спирали употреблялись соответственно несколько длиннее. Получался головной венок нужной величины. Он был довольно широкий — до 5,5—6,2 см ширины и тяжелый. Пластинки его крупные, но большинство без орнамента. Из более чем 100 пластинок, собранных в могильнике Януяйкяй, лишь несколько были украшены глазчатым или глазчатым и насечковым орнаментом (рис. 1:1, 1, 3). Пластинки, украшенные геометрическим орнаментом, встречаются редко и среди находок из других могильников[8].

Самый нарядный головной венок был найден в погребении 349 (рис. 2:1). Здесь голову женщины украшал венок из девяти пластинок и коротких соединительных спиралей (десятая пластинка лежала отдельно около левого плеча). Все пластинки величиной 5,2Х4,2 см покрыты тонким листом серебра,

на котором вытеснены три ряда вертикально идущих глазок. Похожая пластинка, покрытая серебряным листком и орнаментированная таким же узором, найдена в погребении 384. Таким образом, в могильнике Яуняйкяй в двух погребениях умершие похоронены с головными венками, пластинки которых украшены серебряным листком. Третий головной венок, покрытый серебряным листком, найден в упомянутом могильнике Лепоряй и находится в музее «Аушра» г. Шяуляй.

Во время раскопок между черепом и пластинками головного венка каких-либо следов ткани не обнаружено, из чего следует, что головные венки надевали прямо на волосы, а не на шапочку или платок. Остается добавить, что кроме упомяну-

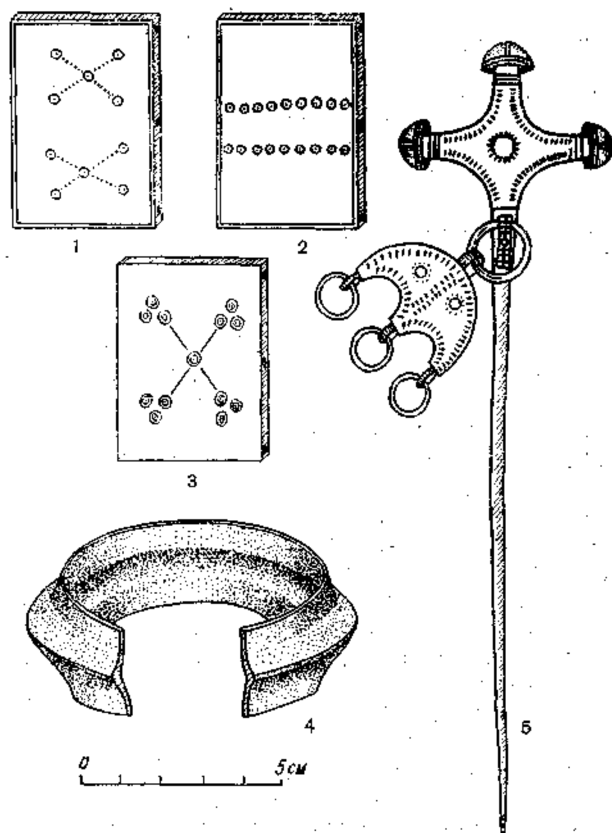

Рис. 1. Древнейшие головные венки земгалов

того выше головного венка еще дополнительно носили как бы второй венок только из одной (погребения 414, 425, 427, 432) или двух (погребения 428, 439, 459) крупных (1,8—2,4 см диаметром и до 40 см длиной) бронзовых спиралей. Внутри спиралей найдены остатки органического материала. Иногда сохраняются остатки шерстяных ниток или деревянный прут. Такой из спирали сделанный второй венок носили в то время на макушке — выше венка из пластинок и спиралей.

Длинные (14—20 см длиной и 2,5 см диаметром) спирали были найдены и на соседней территории жемайтов, в женских погребениях V—VII вв. Они лежали в области затылка, но ниже металлического венка. Найдены они в исследованных могильниках Саугиняй Шяуляйского р-на[9], Шакарняй[10],

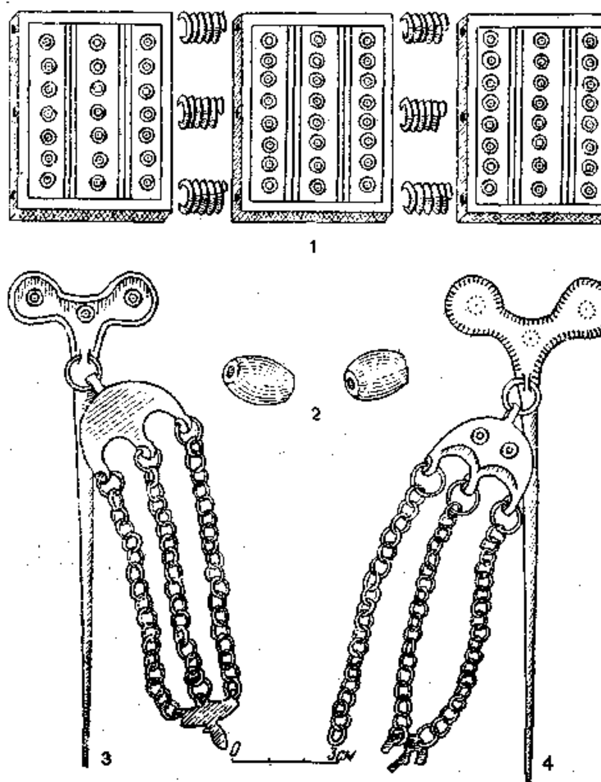

Рис. 2. Головной венок из погребения 349 в Яуняйкяй

Kaштауналяй [11], Паежерис [12] Шилальского р-на. Таким образом, головные уборы жимайтских и земгальских женщин имеют общие черты, а вместе с тем и отличие в ношении.

Яуняйкяйские головные венки найдены с орудиями труда (мотыгами, шипами) и украшениями, характерными для женщин. Чаще всего в погребениях вместе с головными венками находятся ранние бронзовые браслеты с треугольным выступающим ребром (рис. 1:4) (погребения 385, 414, 425, 427, 436, 439, 459), булавки с расширяющимися головками (погребение 414), крестовидные с ромбическим сквозным прорезом в центре головки (погребение 439) (рис. 1:5), крестовидные с головками в виде полушария (погребения 384, 385, 426, 408, 419, 459), с треугольной головкой булавки. Упомянутые украшения показывают, что такие головные венки носили в VI—VII вв., изредка и в VIII в. Головные венки с крупными пластинками больше всего характерны для южной части территории земгалов.

---

1 Puzinas J. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys.— In: Senovė, t. 4. Kaunas, 1938, psl. 246, 253—254; Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai.— In: Iš lietuvių kultūros istorios, t. 2. Vilnius, 1959, p. 45—49; Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai, Vilnius, 1961, p. 193, 316, 454—455; Zarina A. Latgalu vainagi no 6. lidz 13. gadsimtam.— In: Archeologija un etnografija, t. 2. Riga, 1960, p. 79—95; Zarina A. Seno latgalu apgerbs 7—13. gs. Riga, 1970, p. 112—127.

2 Tautavičiene B. Šarkų (Šilalės raj.) senkapis.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 m. Vilnius, 1974, p. 70, pav. 71.

3 Michelbertas M. V m. e. a. Daujėnų apgalvis.— In: Istorija, t. 13, sąs. 2. Vilnius, 1972, p. 121—131; Merkevičius A. Sauginiu (Šjaulių raj.) senkapio tyrinėjimai 1973.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 m. Vilnius, 1974, p. 60—61.

4 Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 121; Успенская А. В. Женское погребение с конем X в. из Березовецкого могильника.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 136, рис. 2; Левашева В. П. Венки женского головного убора из курганов X—XII вв.—В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 91—97.

5 Довайнишкес, Пакруойский р-н, ЮЖ, AR 481: 1; Гибайчай, Шяуляйский р-н, КУIМ, 1102:3; Мелдиняй, Пакруойский р-н—.находки в Розалимской средней школе: см. Michelbertas M. V m. e. a. Danjėnų apgalvis, p. 128; Рудишкяй, Ионишский р-н, IEM, AR 482: 12-14; Шакар-Пасвальский р-н, IEM, AR 48:22-32; Ужупяй-Сидабре, Йонишкский р-н, находка в школе Жеймялис: Sliavas J. Kai kurie Joniškio rajono archeologiniai paminklai.— In: Kraštotyra. Vilnius, 1979, p. 94—95; кроме того, случайные находки в окрестности Ионишкелис, КУШ, 745, из бывшего Шяуляйского округа, КУIМ, 711:5,6.

6 T a r v y d a s B. Leporų iškasenos.— Gimtasai kraštas, 1934, Nr. l, p. 35—36, pav. 1:1; V o l k a i t ė-Ku l i k a u s k i e n ė R. Senovės Lietuvių moterų galvos danga..., p. 47; кроме того, из других разрушенных могильников отдельные пластинки, IEM, AR 432:4; КУШ 950:3.

7 Отчет об исследованиях хранится в архиве Сектора археологии Института истории АН Литовской ССР, д. № 522. Находки хранятся в Историко-этнографическом музее (IEM). T a u t a v i č i e n e B., T a u t a v i č i u s A. Juneikių (Joniškio raj.) kapinyno tyrinėjimai 1975 m.— In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1974 ir 1975 m. Vilnius, 1978, p. 135—141; T a u t a v i č i u s A., T a u t a v i č i e n e B. Juneikių (Joniškio raj.) senkapio tyrinėjimai 1976 m.— In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976—1977 m. Vilnius, 1978, p. 156—164.

8 Например, Мелдиняй — M i c h e l b e r t a s M. V m. e. a. Daujenų apgalvis, p. 128.

9 M e r k e v i č i u s A. Sauginių (Šiaulių raj.) senkapio tyrinėjimai 1973, p. 61, рис. 8:1.

10 T a u t a v i č i e n e B. Šarkų (Šilalės raj.) senkapis, p. 20.

11 V a i t k u n s k i e n ė L. Kaštaunalių (Šilalės raj.) kapinyno tyrinėjimai 1974 ir 1975 m.— In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1974 ir 1975 m., p. 102.

12 Т а у т а в и ч ю с А. Археологические раскопки Института истории АН Литовской ССР.—АО—1966. М., 1967, с. 274.

М. Ф. ГУРИН

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ГОРОДИЩА ЛИПНЯКИ ЛОЕВСКОГО Р-НА

В 1976 г. автором произведены раскопки городища болотного типа у д. Липняки Лоевского р-на Гомельской области с целью сбора материалов для выяснения назначения болотных городищ и характера контактов местного населения с обитателями Чаплинского, Горошковского и других мысовых городищ, а также для решения иных вопросов истории племен, проживавших в бассейне р. Брагинки в раннем железном веке.

В ходе раскопок на территории городища вскрыта площадь 900 кв. м, где найдено помимо предметов из глины и бронзы 10 железных изделий[1]. Наиболее интересной находкой является наконечник копья, обнаруженный в двух фрагментах (втулка и часть пера). После металлографического исследования этих фрагментов в местах изломов было установлено, что они принадлежат одному предмету. Выявлены в ходе раскопок фрагменты двух хозяйственных ножей, ско-

беля (предназначался для обработки древесины), пряжки и пяти других предметов (рис. 1). В связи с тем что городище является многослойным археологическим памятником, весьма затруднено установление датировки железных предметов, результаты металлографического изучения которых приведены в данной статье. Вероятнее всего, хронологически их можно отнести к последним векам до н.э. — первой половине I тысячелетия н. э., а в этническом плане — к предметам милоградской и зарубинецкой культур. Изделия этих археологических культур изучались металлографически советскими исследователями. Клад железных предметов (3 серпа, топор и тесло) из Горошковского городища был подвержен микроструктурному анализу Б. А. Колчиным. Результаты его в общих словах приведены в книге О. Н. Мельниковской[2], где говорится, что местными кузнецами была освоена не только цементация железа, но и «техника изготовления изделий из сочетания железа и стали, употреблявшихся в памятниках лесостепи, скифской культуры юга, в Западной и Центральной Европе в культуре гальштата». Кузнечная продукция мастеров зарубинецкой культуры (в том числе 22 предмета из Чаплина) изучалась Г. А. Вознесенской[3]. Желая расширить знакомство с ранними железными изделиями, нами проведено исследование предметов из Липняков.

Из-за фрагментарности изделий их нельзя детально изучить трпологическим методом, поэтому основное внимание было уделено микроструктурному исследованию для определения качества черного металла и сделанных из него предметов, технологических схем их изготовления, установления уровня кузнечного мастерства по сравнению с аналогичными вещами из соседних территорий. Железные изделия после извлечения из земли консервации не подвергались. Взятие образцов для микроструктурного анализа проводилось с таким расчетом, чтобы подготовить металлографические шлифы на поперечных сечениях предметов. Образцы с использованием сплава Вуда заделывались в цилиндрическую струбцинку, затем шлифовались на шлифбумаге и полировались с помощью алмазной пасты и водной суспензии окиси хрома. Травление проводилось 4%-ным раствором азотной кислоты в этиловом спирте. Для металлографических наблюдений использован микроскоп австрийской фирмы «Райхерт» (модель MeF-2). Микротвердость измерена на приборе японской фирмы «Акаси» (модель MVK-D) при нагрузке 25 г в течение 10 сек, твердость по Виккерсу — на приборе ТП-2 при нагрузке

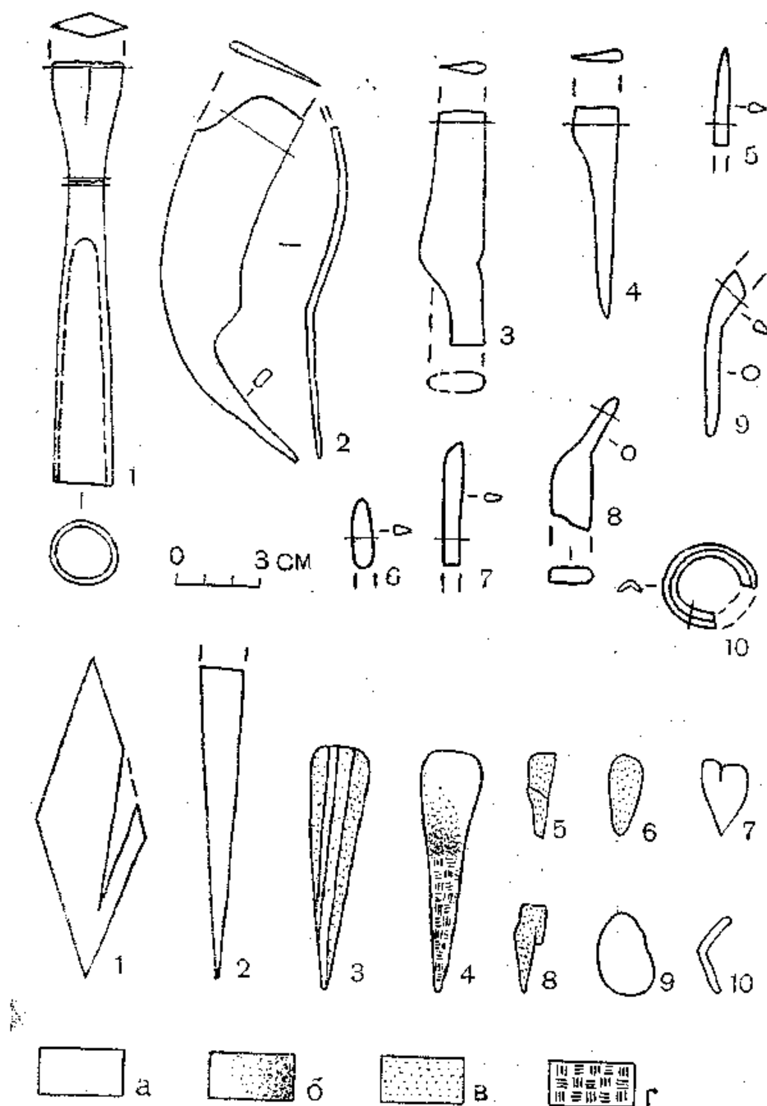

Рис 1. Железные предметы из городища Липняки (с указанием йест взятия образцов для микроструктурного анализа) и технологические схемы их изготовления. Условные обозначения: а — железо, *б* — науглероженное железо, е— сталь, *г* — термообработанная сталь

5 кг в продолжение 10 сек. Номер зернистой структуры установлен согласно ГОСТу 5639—65 в зависимости от количества зерен на 1 мм^2 площади шлифа. Металлографические исследования проводились автором на приборах Научно-исследовательского института порошковой металлургии Белорусского политехнического института.

Результаты металлографического анализа приведены в таблице, а технологические схемы изготовления предметов показаны на рис. 1. Судя по количеству включений шлака и распределению углерода в металле, можно утверждать, что для изготовления исследованных кузнечных изделий использовано кричное железо, в ряде случаев неравномерно науглероженное при восстановлении из руды непосредственно в сыродутной печи (рис. 2, а, б, г, е). Половина предметов сделана из металла ферритной структуры (наконечник копья, скобель,

Таблица

Результаты металлографических наблюдений, измерений микротвердости

№ анализов	Предметы	Вес (г)	Составляющие структуры	Номер зерна	Микротвердость, кг/мм²	Твердость, кг/мм²	Примечания, выводы
1	наконечник копья	129	феррит	4—6	136	152	наконечник сделан из железа
2	скобель	58	»	3	124	132	изготовлен из железа
3	нож	28	» перлит	2—9	128 270	246	малоуглеродистый псевдопакет
4	нож	7	феррит перлит	4	114 222	210	рабочая часть цементирована и закалена
5	острие	1,5	троостит феррит перлит	4—8	438 134 212	432 216	предмет сделан из стали с неравномерным распределением углерода
6	поделка	0,4	феррит перлит	6	104	128	»
7	острие	3,2	феррит перлит	8	123 187	185	»
8	поделка	7	феррит	2—7	111	145	предмет изготовлен из железа
9	стержень	5	»	7	126	120	»
10	пряжка	1,4	»	8	101	112	»

поделка 8, стержень 9, пряжка 10) с незначительной концентрацией углерода. Остальные изготовлены из железа с определенным содержанием углерода, хотя порой с неравномерным его распределением, и имеют вид структур, характерных для сталей. Псевдопакетная технологическая схема применена при подготовке малоуглеродистого металла для изготовления ножа 3. Интересная схема выявлена в ноже 4. Расположение

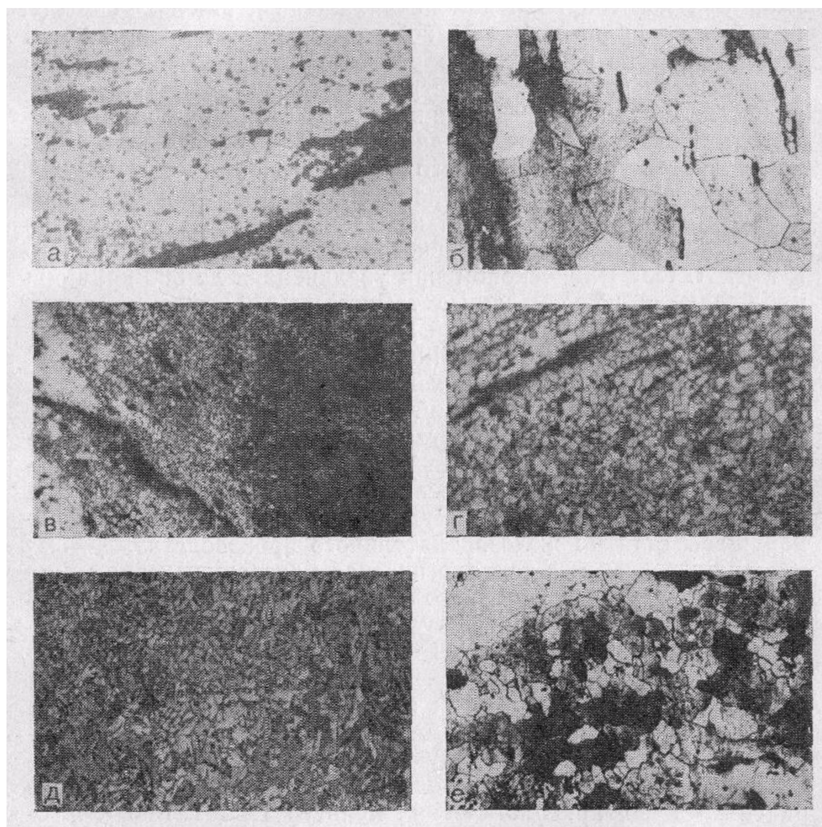

Рис. 2. Микрофотографии структур железных изделий из городища Липняки: а — наконечник копья 1, феррит, включения шлака, Х200; б — скобель 2, феррит, включения шлака, Х200; в — нож 4, феррит, перлит, включения шлака, переходная зона. Х100; *г* — острие 5, феррит, включения шлака, Х100; д — острие 7, феррит, перлит, Х100; е — поделка 8, феррит, Х100; все травлены 4%-ным раствором азотной кислоты в этиловом спирте

термообработанной зоны на режущей части лезвия, постепенное снижение концентрации углерода по направлению к спинке и отсутствие сварного шва, т. е. следов соединения металла разного состава, наводят на мысль о локальной цементации этого ножа с последующей закалкой его рабочей части (рис. 2, в). Следует отметить, что структура закалки обнаружена только в этом ноже. Кроме ножа 3 кузнечная сварка применена при изготовлении наконечника копья, причем сварной шов в пере, видимо, был низкого качества, поэтому металл в его зоне сильно разрушен коррозией. Сложная технология во второстепенных изделиях (острия, стержень, пряжка) не выявлена, так как ее применение при изготовлении этих предметов не вызывалось необходимостью. Надо указать на неоднородную зернистость кричного металла. Например, в наконечнике копья, в ноже 3, в острие 5, в поделке 8 величина зерен колеблется в пределах 4—6 номеров. Шлаковые включения по классификации Е. Пясковского[4] можно в основном отнести к типу А. Под микроскопом при увеличениях до 500 крат они наблюдаются как сплошные темно-серые однофазные включения. Включения соединений азота (нитриды) в металле исследованных предметов из Липняков не обнаружены.

Говорить о местном производстве анализируемых вещей на данном этапе исследований нельзя, так как следы металлургии железа и предметы кузнечного инструментария на городище не выявлены. Скорее всего, металл или готовые изделия поступали сюда из соседних и близлежащих городищ (Чаплин, Рудня Бурицкая, Рудня Удалевская и др.), где обнаружены остатки железоделательного производства. К тому же типологическая и технологическая близость некоторых изделий говорит в пользу такого предположения. Например, наконечник копья по форме втулки имеет аналогии среди материалов из Горошковского городища. Кузнецам этого поселения была также известна технология цементации [5], которая применялась и мастерами на городище в Чаплине. Там при изготовлении некоторых предметов использовался и псевдопакетный металл. Аналогичную технологию широко использовали сарматские[6] и черняховские кузнецы[7], а также мастера синхронных археологических культур Прибалтики[8]. Особенно широко применялось псевдопакетирование во II—IV вв. на территории Литвы[9].

Исследования показали, что все предметы изготовлены приемами свободной горячей ковки. При изготовлении втулки наконечника копья, пряжки применены дополнительные куз-

нечные приспособления. Более высокая технология выявлена в хозяйственных ножах. К второстепенным изделиям (острия, стержень) сложная технология не применена. Есть основания полагать, что рукояти в ноже 3 и в поделке 8 сделаны из какого-то сплава, ныне хрупкого, который может быть определен лишь химическим анализом. В целом в изученных предметах из городища Липняки наблюдается довольно высокий для своего времени уровень мастерства, соответствующий экономическому потенциалу племен рубежа нашей эры этого региона Восточной Европы.

---

[1] Гурин М. Ф. Раскопки городища у д. Липняки.—АО—1976. М., 1977, с. 402—403.

[2] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.—М., 1967, с. 143.

[3] Вознесенская Г. А. Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.— АИА АН СССР, Р-2, д. № 2093, с. 42. Канд. дне. М., 1971.

[4] Piaskowski J. Klasyfikacja struktury wtrąceń żużla i jej zastosowanie dla określania pochodzenia dawnych przedmiotów żelaznych.— KHKM, R. XVII, 1969, Nr I, s. 65.

[5] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии,.., с. 143.

[6] Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д. К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов.— СА, 1974, № 1, с. 183.

[7] Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры.—МИА, № 187. М., 1972, с. 17.

[8] Anteins A. Melnais metais Latvija.— Riga, 1976, c. 187.

[9] Stankus J. Geležies dirbinių gamybos Lietuvoje II—IV amžiais technologija.—LTSR MADA, t. 4(41), 1972, p. 99.

А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА У д. ХОЛОПЕНИЧИ

В раннем железном веке в Белорусском Полесье под влиянием ряда географических факторов сложился своеобразный тип укрепленных поселений. Относительно ровная поверхность полесских пространств, огромные массивы заболоченных земель, низкие берега рек и отсутствие естественных укрепленных мест привели к тому, что городища возникают, как правило, на едва заметных естественных всхолмлениях, а часто и просто на ровной местности среди и около болот так, что подступы к ним невозможны с большинства направлений. К настоящему времени в Белорусском Полесье насчитывается несколько сот памятников этого типа, но их археологическое

изучение только начинается. В 1978 г. были проведены раскопки на одном из таких укрепленных поселений, расположенном около д. Холопеничи Глусского района Могилевской области. Первые сведения об этом памятнике относятся к 1924 г.[1], однако его осмотр был произведен только в начале 30-х годов А. Рынейским. Он снял план и дал подробное описание этого городища[2]. Впоследствии памятник обследовался неоднократно[3]. Городище находится в 1 км юго-западнее деревни на небольшой возвышенности, которую с трех сторон окружали болота. В настоящее время заболоченные пространства осушены и доступ к городищу свободен со всех сторон. Площадка данного поселения имеет в плане почти круглую форму. Ее диаметр 74 м. Городище обнесено кольцевым валом, высота которого не превышает 0,8 м над уровнем площадки. Ров не прослеживается. Вход располагается с юго-восточной стороны, о чем свидетельствует некоторое пони-

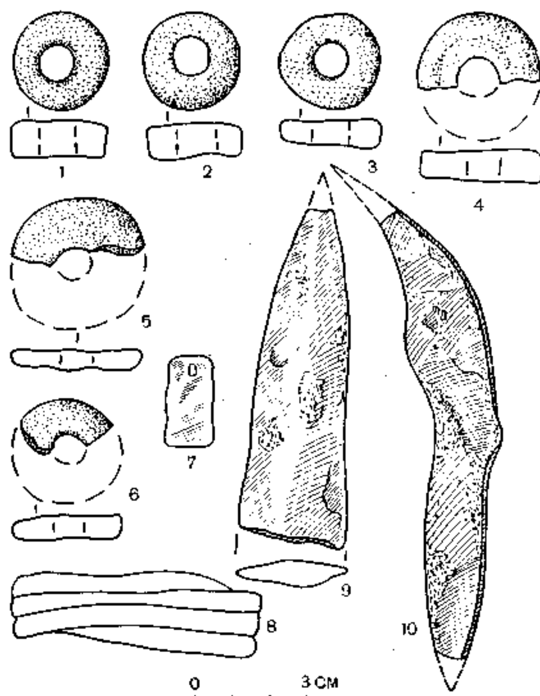

Рис. 1. Находки с городища у д. Холопеничи

жение на гребне вала. Культурный слой имеет небольшую мощность, причем в различных местах городища она не одинакова. Так, например, у вала она достигает 0,7 м, ближе к центру площадки напластования культурного слоя не превышают 0,3 м.

В результате раскопок городища и разреза вала можно сделать предположение: поселение возникло, очевидно, не ранее конца IV в. до н. э., основано было носителями милоградской культуры. В первый период существования городище не имело никаких земляных укреплений. Основу защиты построек и жителей составляла, по-видимому, оборонительная стена, окружавшая поселение. Земляной вал появляется позднее, после того как первоначальное укрепление было уничтожено пожаром. Его высота чуть больше метра при ширине основания 7,5 м. По гребню вала проходило какое-то деревянное сооружение. Что это было — стена, частокол или что-нибудь другое — установить не удалось. При зачистке поверхности на уровне гребня вала выявились крайне расплывчатые пятна черной земли, насыщенной мелкими углями и золой. К рубежу новой эры милоградское население сменяется носителями зарубинецкой культуры. Этот этап в развитии оборонительных сооружений поселения характеризуется новыми работами по укреплению площадки городища. Существующий вал усиливается новой подсыпкой, в результате чего его высота достигает 1,6 м. Возможно, по гребню нового вала так же, как и предшествовавшего, шла деревянная стена, однако в результате многолетней распашки городища ее следов проследить не удалось.

Помимо изучения оборонительных сооружений на городище был разбит раскоп площадью 220 кв. м. В-процессе раскопок на уровне второго пласта (0,2—0,4 м) в ряде квадратов обнаружены скопления камней, которые залегали полосой вдоль вала с некоторым уклоном к центру площадки. Размеры камней различны: от 6 до 30 см в поперечнике. Большая часть крупных булыжников имела следы обжига. Назначение этой россыпи не совсем ясно, тем более , что в результате длительной распашки городища много камней было выкопано. Следует отметить, что скопление камней и каменных вымосток — черта, присущая более северным культурам, в частности днепродвинской и штрихованной керамики. Они отмечены А. Г. Митрофановым на городищах Кимия, Лабенщина, селище Ревячка, К. П. Шутом — на городище Кубличи[4]. Не исключена возможность того, что камни применялись на Хо-

лопеничском городище в оборонительных целях так же, как это предполагает А. Г. Митрофанов в отношении каменных скоплений на среднебелорусских памятниках[5]. В ходе раскопок не удалось выявить жилых сооружений, но о том, что они существовали, говорит ряд косвенных данных. После выборки культурного слоя в материке выявлено большое количество столбовых ям, относящихся к различным периодам в существовании поселка, а также несколько хозяйственных ям, предназначенных для хранения продуктов, которые обычно располагались вблизи домов.

Среди находок, обнаруженных в культурном слое, самую многочисленную категорию составляют фрагменты лепных сосудов, относящихся к двум археологическим культурам: милоградской и зарубинецкой. 15% черепков покрыты штриховкой, но ввиду того, что ни баночные, ни острореберные формы горшков, характерные для культуры штрихованной керамики, на городище не обнаружены, нет оснований связывать штрихованные обломки сосудов с вышеназванной культурой. Помимо керамики напластования культурного слоя содержали большое количество костей животных, свидетельствующих о занятии местного населения скотоводством и охотой. Индивидуальные находки из раскопок городища единичны, почти все они залегали в культурном слое на уровне второго пласта. Среди изделий из металла при раскопках обнаружен железный жатвенный нож (рис. 1, 10). Известно, что жатвенные ножи бытовали длительное время. Они появились в середине I тыс. до н. э., а исчезли лишь спустя тысячелетие [8]. Помимо жатвенного ножа, железные изделия представлены обломком наконечника копья (рис. 1, 9), по которому, к сожалению, невозможно реконструировать форму копья и определить время его бытования. О том, что жители городища занимались прядением, говорят находки пряслиц (рис. 1, 1—6). Всего их обнаружено шесть штук, из них три целых и три фрагмента. Пряслица сделаны из хорошо отмученной обожженной глины, но их обработка выполнена небрежно. Большинство их имеет неровную поверхность, уклон либо к центру, либо к краю. У одного из пряслиц отверстие просверлено не по центру, а у другого оно неправильной круглой формы. Среди находок есть и изделия из бронзы. Они представлены двумя украшениями: браслетом (рис. 1, 8) и подвеской (рис. 1, 7). От браслета уцелело два крупных фрагмента и ряд мелких. Он был изготовлен из отдельных бронзовых пластинок шириной 0,5;—0,6 см, соединенных вместе. Характер крепления полос не

ясен, возможно, это была сварка. Работа по изготовлению браслета не отличалась особым мастерством. Об этом свидетельствует внутренняя сторона украшения, где видно, как полосы пересекают друг друга при замысле частичного соприкосновения в местах крепления. Нужно отметить, что среди древностей раннего железного века Белоруссии и смежных территорий аналогичные поделки неизвестны. Бронзовая подвеска, обнаруженная недалеко от браслета, имеет форму, близкую к трапециевидной. Длина ее 2,5 см. Такие подвески известны среди древностей зарубинецкой культуры [7]. Раскопки городища у д. Холопеничи показали, что поселение служило местом обитания носителей милоградской и зарубинецкой культур, позволили выделить ряд этапов в развитии фортификационных сооружений этого памятника и дали новый материал для характеристики материальной культуры населения Полесья в раннем железном веке.

---

[1] Опросный лист Наркомпроса БССР, 1923, оп. I, д. 69, с. 115.
[2] Р ы н е й с к і А. Археалагічная разведка на р. Пціч.— Працы, т. 3, с. 197.
[3] М е л ь н и к о в с к а я О. Н. Отчет о работах Гомельского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИИМК СССР в 1957 г.— АИИ АН БССР, д. 26, с. 13—14; С е д о в В. В. Отчет о полевых археологических работах на территории Белорусской ССР в 1961 г.—АИИ АН БССР, д. 115, с. 15; П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1974, с. 263—265; Е г о р е й ч е н к о А. А. Обследование памятников в бассейне Лани и Птичи.—АО— 1977. М., 1978, с. 413.
[4] М и т р о ф а н о в А. Г. Железный век средней Белоруссии.— Мн., 1978, рис. 4 (3), рис. 7 (1,3—5); Он же. Отчет о полевых работах в 1975 г.— АИИ АН БССР, д. 519, рис. 1; Ш у т К. П. Городище Кубличи Ушачского р-на.— В сб.: Древности Белоруссии. Мн., 1969, с. 265.
[5] М и т р о ф а н о в А. Г. Железный век средней Белоруссии, с. 19.
[6] К р а с н о в Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.—МИА, № 174. М,, 1971, с. 68.
[7] П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, рис. 14 (8).

В. *КАЗАКЯВИЧЮС*

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Топор в I тысячелетии н. э. был в жизни обитателей Литвы незаменимым орудием при подготовке земли для подсечного земледелия, с его помощью строили хозяйственные и жилые помещения, изготавливали хозяйственный инвентарь. В первых веках нашей эры в Литве распространяется обычай класть в могилы мужчин железные топоры. В могильни-

ках Литвы обнаружено свыше 1000 узколезвийных и втульчатых топоров[1]. С середины I тысячелетия н. э. в Литве начинают появляться мужские погребения с богатым оружием. Вместе с обычным оружием того времени — копьем — чаще в могилы начинают класть боевые ножи, щиты с железной оковкой и умбоном, появляются привозные двухлезвийные и местные однолезвийные мечи, а также боевые топоры.

Археологическая литература о топорах обширна, но посвящена в основном топорам конца I — начала II тысячелетия н. э. Из последних работ советских археологов интересны исследование А. Н. Кирпичникова [2], работы Р. Волкайте-Куликаускене[3] и статья латышского археолога М. Атгазиса[4]. М. Атгазис свое исследование посвятил латгальским рабочим и боевым топорам IX—XII вв. Статью о восточнолитовских боевых топорах I тысячелетия н. э. написал А. Таутавичюс [5]. Он уточнил хронологию боевых топоров со щекавицами — выступами по обеим сторонам проуха.

Из 530 узколезвийных проушных топоров I тысячелетия н. э. к боевым можно отнести только 21 топор. Узколезвийные проушные боевые топоры литовцев исследователи разделяют на две группы: I — узколезвийные орнаментированные топоры (рис. 1:1) и II — топоры со щекавицами — выступами по обеим сторонам проуха[6] (рис. 1:2). Обе группы немногочисленны. Топоров I группы в Литве насчитывается 9, II группы—12. Они обнаружены в ареале восточнолитовских курганов. Поэтому в статью включены еще четыре топора со щекавицами-выступами, найденные в курганах восточнолитовского типа в Будрянах (Островецкий р-н) и Сморгони Гродненской обл.

Разница между боевыми и рабочими топорами незначительна, отличить их трудно. Но все-таки по некоторым деталям их можно дифференцировать. Боевые топоры длиннее рабочих и имеют узкое туловище. Кроме того, спинка обуха боевых топоров более удлиненная. Главный отличительный признак — орнаментация. Орнамент топоров несложный. Чаще всего по краям обуха, туловища и корпусу сделаны вырезки, которые иногда имеются и на верхней части обуха. Такой орнамент у топоров из Няравай-Григишкес Тракайского и .Памусяй Варенского районов. У топора из Таурапилиса Утенского р-на сделаны маленькие вырезки треугольной формы (рис. 2). Иногда встречаются выбитые ямочки (Пяркаляй Молетского р-на), поперечные линии на туловище (Дукштас Зарасайского р-на). В некоторых случаях встречаются и вы-

резки и поперечные линии или поперечные ямочные линии на туловищах топоров.

Если боевые орнаментированные топоры по форме трудноотличимы от рабочих топоров середины и второй половины I тысячелетия н. э., то топоры второй группы уже имеют своеобразную форму (рис. 1:2). У них массивный обух (А), длинные щекавицы-выступы (Г), узкое туловище (Д) и расширяющиеся в обе стороны лезвия (В). Рассмотрим отдельные топоры обеих групп.

1. Орнаментированные боевые топоры. На раскопках 1970—1971 гг. в курганном могильнике Таурапилис[7], в кургане 1 (погребение 2) обнаружен скелет богато вооруженного мужчины с закопанным рядом конем. У правой ноги воина обнаружен большой наконечник копья с профилированным пером, на левой ноге — небольшой железный умбон щита. У левого бока умершего боевой нож длиной 32 см. Около

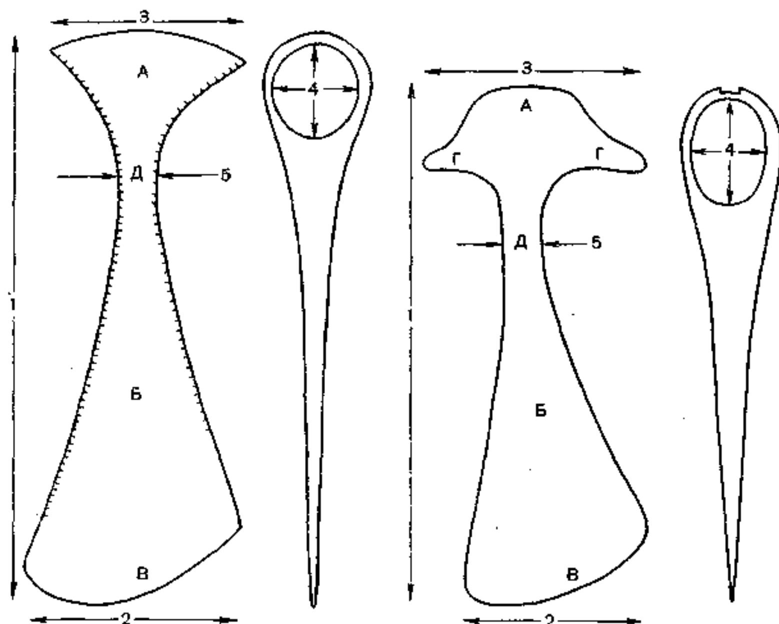

Рис. 1. Названия частей и система измерения боевых топоров: А — обух, Б — корпус, В — лезвие, Г — щековица-выступ, Д — туловище; 1 — общая длина, 2 — ширина лезвия, 3 — длина обуха, 4 — диаметр отверстия для топорища, 5-- ширина туловища

правой ноги, у тазовых костей, — боевой орнаментированный топор с расширяющимся в обе стороны лезвием. Размеры топоров: 1-й—23 см, 2-й—7, 3-й—7,5, 4-й—4x3,2, 5-й—1 см. Названия частей боевых топоров и система измерения даны на рис. 1. Обнаружена арбалетовидная фибула и железная пряжка (рис. 2). Судя по форме фибулы и наконечника копья, погребение датируется первой половиной VI в. В Няравай-Григишкес в кургане № 18 (погребение 3) обнаружены: орнаментированный боевой топор, нож со следами обжига и втуль-

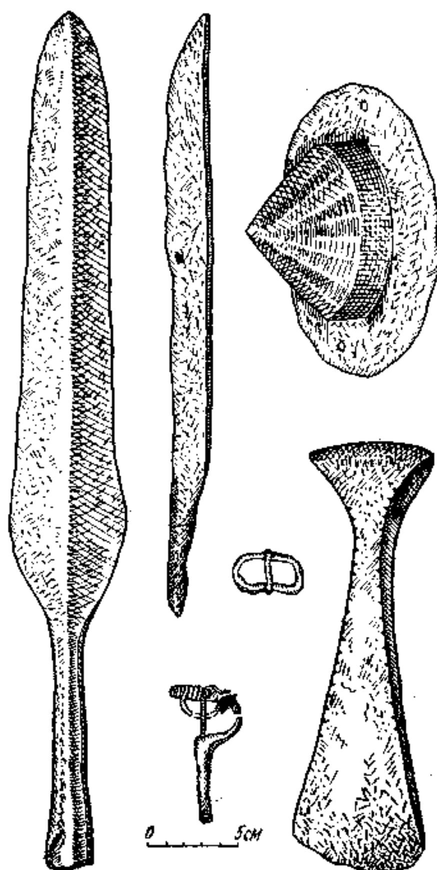

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана 1, погребение 2 в Таурапилисе (Утенский р-н)

чатый наконечник копья в виде двух расходящихся в стороны шипов[8]. Погребение датируется V—VII вв.[9] Размеры.топоров: 1-й—19,5 см, 2-й—6,2, 3-й—6,8, 4-й—4,0Х3,2, 5-й—1,8см. Как случайная находка в ИЭМ Литовской ССР попал боевой топор [10] и втульчатый наконечник копья с ромбовидной формой пера из села Пяркаляй. Размеры топоров: 1-й—19,8 см, 2-й—6,6, 3-й—6,1, 4-й—3,9Х2,9, 5-й—1,7 см. Два орнаментированных узколезвийных проушных топора имеются из раскопок 1889, 1890, 1893 гг. в Памусяй[11]. К сожалению, невозможно установить, в каких именно курганах и погребениях этого могильника топоры обнаружены. Размеры топоров: 1-й—19,5 и 17,5 см, 2-й—6,6 и 5,8, 3-й—6,8 и 7,3, 4-й—3,0Х2,8 и 3,7Х3,2, 5-й—1,4 и 1,7 см. На раскопках 1909 г. в Дукштасском курганном могильнике обнаружен боевой топор маленьких размеров[12]: 1-й—15 см, 2-й—5,4, 3-й—6,5, 4-й—4,3Х2,3, 5-й—2,6 см. В ИЭМ в Вильнюсе имеются еще три орнаментированных топора без определения места нахождения [13]. Размеры топоров: 1-й—21,5, 18, 19 см, 2-й—6,5, 6,1, 6, 3-й—7,2, 6,8, 5,5,4-й-4,4Х3,1, 4,5Х3,1, 3,9х3,1, 5-й—1,4, 2,5, 1,5 см.

Точная датировка случайно обнаруженных топоров невозможна, но общие их формы близки к рабочим топорам, употреблявшимся с середины I тысячелетия до VIII—IX вв н. э. Вероятно, упомянутые топоры из разрушенных курганов также относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. К. более позднему времени можно отнести боевой топор из Дукштас. По своей форме он ближе к латгальским топорам IX—X вв.[14] Естественно, что он мог попасть в Литву из Латгалии в IX—X вв.

II. Боевые топоры со щекавицами-выступами по обеим сторонам проуха. В упомянутом могильнике Таурапилис, в кургане 6, обнаружены скелеты мужчины и рядом похороненного коня. На шее умершего серебряная шейная грива. Около правой бедренной кости маленький спиральный перстень и железная пряжка. На левой тазовой кости нож, а у правого колена боевой топор со щекавицами-выступами (рис. 3). Размеры топора: 1-й—17,6 см, 2-й—6, 3-й—7,5, 4-й—4,0Х3,0 5-й—1,8 см. Погребение воина датируется концом V — началом VI в. Еще один такой топор в этих курганах был обнаружен в 1910 г.[15] Если судить по находкам, очевидно, что боевые топоры со щекавицами-выступами в Литве начинают появлятся где-то на рубеже V—VI вв. Этим же временем датируется и топор из Цегелне Игналинского р-на, курган 2 [16]. Более поздним временем (V—VII, VI—VII и VIII—IX вв.) датиру-

ются топоры из Вилконис Шальчининкского р-на, Рекучяй Швенческого р-на и Будряны [17]. Второй половиной I тысячелетия н. э. датируются топоры из курганов 2, 6 и 8 в Сморгони [18]. Отдельные находки топоров со щекавицами-выступами обнаружены в Магунай Игналинского [19], Жвирбляй Вильнюсского[20] и Скиняйкяй Зарасайского районов[21]. Топор, найден-

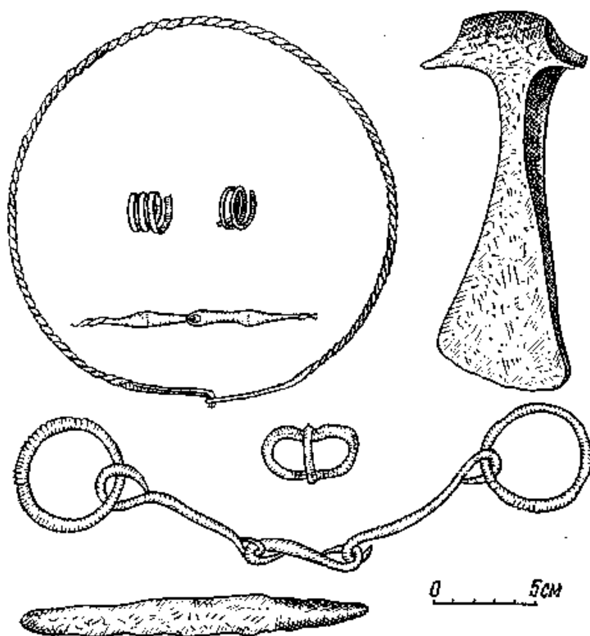

Рис. 3. Погребальный инвентарь из кургана 6 в Таурапилисе (Утенский р-н)

ломаны щекавицы-выступы. Еще пять депаспортизированных боевых топоров находятся в фондах ИЭМ и Каунасского государственного исторического музея (далее КГИМ) [22]. Один из них, по-видимому, обнаружен в Таурапилских курганах.

Узколезвийные проушные топоры со щекавицами-выступами археологи датируют различно. Одни исследователи датируют их серединой и второй половиной I тысячелетия [23], другие — не раньше чем X в.[24] Боевые топоры такой формы обнаружены и на соседних с Литвой территориях. Они также датируются по-разному. Четыре топора обнаружены на тер-

ритории Латвии. Датировку этих топоров затрудняет то, что в музеи они попали как случайные находки. Они датируются не раньше чем IX в.[25] Два топора известны в Польше, датируются VIII—IX вв.[26] Отдельные экземпляры топоров со щекавицами-выступами обнаружены в Эстонии, в кладе из Кунда[27], и в Финляндии[28]. Финские топоры датируются VI—VII вв., остальные — более поздним временем — X—XI вв.

Некоторые данные о топорах, обнаруженных на других территориях, дают возможность по-разному объяснить их происхождение. В кладе из Кунда обнаружено семь топоров этой формы. Это можно связать с торговлей между восточно-литовскими и угрофинскими племенами. Топоры в Польше указывают на связи Восточной Литвы с территориями, лежащими на юге. Топор из Прейлы Латвийской ССР со следами обжига. Как полагает М. Атгазис, этот топор из разрушенного погребения с трупосожжением. Такая форма погребения не характерна для Латгалии. Вероятно, это было погребение не латгала, а пришельца из восточной Литвы.

Топоры служили рубящим, реже ударным оружием ближ.него боя. Потому их топорища не могли быть очень длинными. Новейшие экспериментальные эргометрические исследования топоров V—VIII вв. в Литве показали, что топорища достигают 49 см. Исследователи пришли к выводу, что длина топорища зависела от физической силы владельца топора. К этому можно добавить, что топорище боевых топоров определялось и способом ведения боя. По-видимому, всадники имели боевые топоры с более длинным топорищем, чем пешие воины. Об этом свидетельствует и запечатленная на дверях XII в. из Гнезно сцена, где показан прусский воин с боевым топором, насаженным на короткое топорище[29]. Длина топорища частично зависела от веса топора. Длинное и тонкое топорище при первом ударе могло поломаться. Топоры со щекавицами-выступами тяжелые. Они тяжелее топоров первой группы. Например, вес орнаментированных боевых топоров. 285—470 г, а вес топоров со щекавицами-выступами 359—640 г. Самый тяжелый топор со щекавицами-выступами обнаружен в кургане № 8 в Сморгони (640 г). Два других топора из Сморгони весят 540 и 400 г. Своей выразительной формой, массивным обухом они подсказывают, что такими топорами удобнее было не рубить, а ударить обухом. Видимо, они являлись и ударным оружием.

Опираясь на комплекс погребального инвентаря из курганов 1 и 6 в Таурапилис и других находок боевых топоров,

можно сказать, что топоры обеих групп появляются в восточной части Литвы в середине I тысячелетия н. э, и бытуют до X в. В более позднее время эти топоры уступают место эффективным широколезвийным боевым топорам, распространившимся в основном в западной части Литвы. Вопрос, почему имеется такая хронологическая и территориальная разница, пока остается не решенным (рис. 4).

Время появления боевых топоров важно и тем, что показывает развитие вооружения литовских племен. В связи с ростом имущественного и социального неравенства в середине и второй половине I тысячелетия н. э. учащаются грабительские военные столкновения. Это сильно стимулирует развитие вооружения и способы ведения боя, а также поощряет

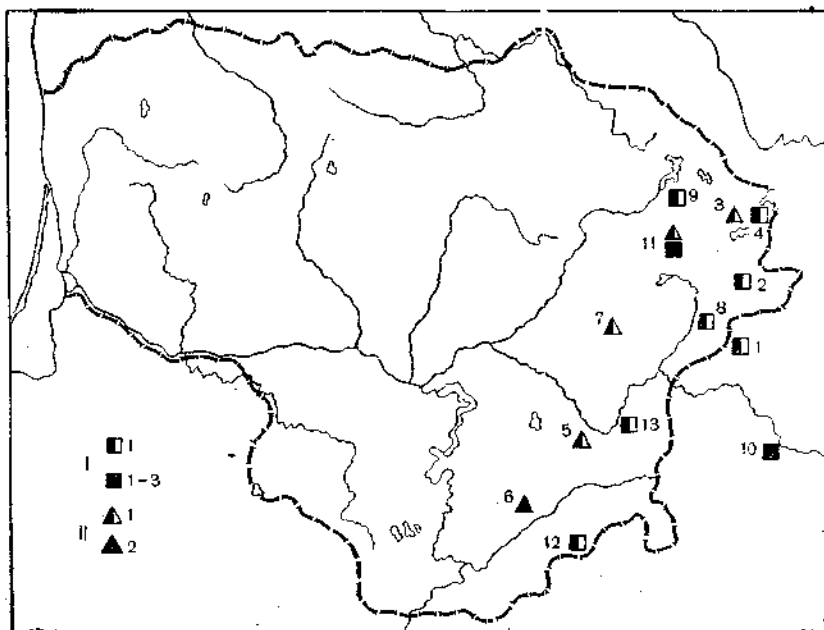

Рис. 4. Местонахождение боевых топоров: I — боевые топоры со щекавицами-выступами, II — орнаментированные боевые топоры. 1 — Будряны, БССР; 2 —Цегельня, Игналинский р-н; 3 —Дукштас, Игналинский р-н; 4—Магунай, Игналинский р-н; 5—Няравай-Григишкес, Тракайский р-н; 6— Памусяй, Варенский р-н; 7— Пяркаляй, Молетский р-н; 8— Рекучяй Швенчёнский р-н; 9 — Скиняйкяй, Зарасайский р-н; 10 — Сморгонь, БССР; 11—Таурапилкс, Утенскяй р-н; 12 —Вилконис, Шальчининкайский р-н; 13 — Жвирбляй, Вильнюсский р-н

появление военных вождей. Археологический материал показывает, что люди, похороненные с боевыми топорами, были богатыми. Особенно это отчетливо видно из раскопанного материала в Таурапилис и Няравай-Григишкес. О многом говорят обнаруженные серебряная шейная гривна, дорогое оружие, а также тот факт, что рядом с умершим хоронили коня. Вероятно, к числу военных вождей можно причислить и умерших, погребенных с боевыми топорами.

В заключение можно сказать: 1. Боевые топоры на территории Литвы в первом тысячелетии н. э. немногочисленны. Известен только 21 топор. 2. Боевые узколезвийные проушные орнаментированные топоры и топоры со щекавицами-выступами по обеим сторонам проуха начинают появляться с середины 1 тысячелетия н. э. и бытуют до X в. 3. Территория распространения обеих групп боевых топоров — восточная Литва и Западная Белоруссия — бывший ареал культуры штрихованной керамики[4]. Боевые топоры обнаружены в богатых погребениях. Они являются оружием военных вождей.

---

1 Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. IV.—Vilnius. 1978, p. 110, 113. žem. 62 ir 63.

2 Кирпичников А. Н. Боевые топоры.— Археология СССР. Древнерусское оружие. САИ, Е 1-36. М,—Л., 1966, с. 26—57, табл. XI—XX и др.

3 Volkaitė-Kulikauskienė R. Kovos kirviai ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu.—LTSR MADA, 1964, t. 1 (16), p. 101—114; Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais.—Vilnius, 1970, p. 208—217, lent LXI—LXIV.

4 Atgāzis M. Latgaļu 9.—12. gs. cirvji.—Arheoloģija un etnografija, t. VI. Rīga, 1964, 1pp. 105—125.

5 Таутавичюс А. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров.— In: Pronsiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalane arheoloohiast. Tallinn, 1966, lk. 187—191.

6 Volkaitė-Kulikauskienė R, Kovos kirviai..., p. 110.

7 Руководитель раскопок А. Таутавичюс. Отчет раскопок находится в Институте истории АН Литовской ССР, в секторе археологии (далее ИИСА), инв. № 303; Tautavičius A. Taurapilio pilkapių (Utenos raj.) kasinėjimai 1970—ir 1971 metas.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais. Vilnius, 1972, p. 40—48.

8 Руководитель раскопок О. Кунцене. Отчет в ИИСА, инв. № 429, 523; Kuncienė O. M. e. V—VII amžių užbarzdinis ietigalis iš Grigiškių (Nerāvu) pilkapyno —LTSR MADA, 1978, t. 2 (63), pav. 1.

9 Kuncienė O. M. e. V—VII amžių užbarzdinis..., p. 62.

10 ИЭМ, 514:2.

11 ИЭМ, 122:40, 41.

12 Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, рис, 281:9. Топор находится в Каунасском государственном историческом музее, инв. № 750:28.

13 ИЭМ, 384:144, 145, 146.

14 Atgāzis M. Latgaļu 9.—12. gs. cirvji, рис. l—1,2, 5—1,2.

[15] Snapštis. Mūsų piliakalniai.—Viltis, 1910 lapkričio 10 (21), p. 2.

[16] Таутавичюс А. К вопросу о хронологии..., с. 187. Топор находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, инв. № 788/13.

[17] Там же, с. 188—189. Топор из Вилконис находится в ИЭМ, 128; топор из Рекучяй — в Государственном Эрмитаже, инв. № 787/1; топор из Будряны — в Государственном историческом музее в Москве.

[18] Там же, с. 188; Его же. Восточнолитовские курганы.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1955, рис. 5. Топоры находятся в ИЭМ, инв. № 237 : 12, 56, 60.

[19] Žiogas J. Archeologiški tyrinėjimai Gaidės apylinkėje.— Lietuvių tauta, kn. l, d. 3, p. 14.

[20] ИЭМ, 141 : 2.

[21] КГИМ, 1232: 1.

[22] ИЭМ, 384 : 148, 150, 152; КГИМ, 750 : 25, 1058.

[23] Таутавичюс А. К вопросу о хронологии....

[24] Volkaitė-Kulikauskienė R. Kovos kirviai..., p. 112; Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais, p. 217.

[25] Atgāzis M. Latgaļu 9.—12. gs. cirvji, p. 112.

[26] Sarnowska W. Topory wczesnośredniowieczne z obszaru Śląska.— Swiatowit, t. XXIV, 1962, s. 497; Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku.—Łódź, 1954, s. 44, 256, tabl. XVI: 2.

[27] Katalog der Ausstellung zum X archāologischen Kongress in Riga 1896.— Riga, 1896, S. 21, XIII. Taf. 22:13.

[28] Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands, I.—Helsinki, 1947, S. 56, Taf. 66:534.

[29] Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim..., s. 36.

М. И. ЛОШЕНКОВ

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ БОЛОТНЫХ ГОРОДИЩ ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

На территории современной Белоруссии находится несколько сотен своеобразных археологических памятников — болотных городищ. Во время исследования такого типа памятников Смоленщины П. Н. Третьяков отмечал, что в европейской части СССР много болотных городищ известно на территории Белоруссии и смежных с нею полесских и верхнеднепровских областей, бывших в далеком прошлом страной обширных болот[1]. Согласно данным, опубликованным Л. Д. Поболем, на территории БССР их насчитывается 250. Из них 177 приходятся на Гомельскую область, 17 — на Могилевскую, 31 — на Минскую, 11—на Брестскую и 4—на Витебскую [2]. Однако количество болотных городищ этим не исчерпывается. В 1976 г. Г. В. Штыхов, обследуя Речицкий р-н, открыл несколько ранее неизвестных таких городищ [3]. Аналогичные памятники выявлены автором во время обследования

Лоевского и Брагинского районов Гомельской области в 1977 г[4].

О. Н. Мельниковская отмечает, что в южной Белоруссии преобладают не болотные, а мысовые городища. Она соглашается с Е. Р. Романовым, который считал, что на левобережье Днепра две трети от общего числа городищ — мысовые городища [5], в таком случае на болотные городища приходится одна треть. На правобережье, по мнению О. Н. Мельниковской, процент мысовых городищ более высок[6]. До настоящего времени в археологической науке нет четкого определения болотных городищ как отдельной категории археологических памятников. Они не являлись объектами длительных систематических археологических исследований (раскопок). Проводилось топографическое описание памятников, уточнялись их формы и размеры, системы укреплений, снимались схематические планы, шурфовались площадки городищ, собирался подъемный материал. Попытки О. Н. Мельниковской классифицировать городища по форме площадки и периодам их существования не дали результатов[7]. Ввиду крайне незначительного вещевого материала трудно говорить о датировке этих памятников. Керамика и вещи из раскопок этих городищ позволяют относить их к раннему железному веку и связывать с милоградской и раннезарубинецкой культурами. Внешнее описание памятников, даже полное, не раскрывает его основного содержания (конкретное назначение болотного городища, его функции). Появление городищ как особого типа укрепленных поселений — результат закономерного исторического развития общества в период разложения первобытнообщинного строя, и, естественно, они имели вполне определенное, конкретное назначение.

Наличие или отсутствие культурного слоя, очевидно, следует связывать с различным функциональным назначением болотных городищ, с интенсивностью использования их населением в целях самозащиты, выполнения ритуальных обрядов, временного и длительного проживания на них. Природные условия, безусловно, оказывали влияние на характер укрепления, форму и размеры городища, как это отмечали исследователи [8]. Однако природные условия по-разному могли влиять на характер поселения и на хозяйственные занятия племен, родов и семей. Комплекс географических условий, которые первобытный человек не в силах был изменить, но постоянно стремился извлечь из него наибольшую пользу для себя и своего рода, воздействовал на специфику проиводст-

венной деятельности. Если поблизости от поселения находились плодородные земли, то в хозяйстве, по всей вероятности, превалировали земледельческие тенденции, а скотоводство отодвигалось на второй план. Если же пригодной для обработки земли было мало, то преобладало разведение скота, а земледелие сводилось к простому припоселковому огородничеству [9]. Как известно, в эпоху бронзы скотоводство становится ведущей отраслью хозяйства племен, населявших территорию Белоруссии. Значение скотоводства было велико и в раннем железном веке[10]. Исследуя поселения милоградской культуры, О. Н. Мельниковская пришла к выводу, что ведущей отраслью в экономике населения, оставившего памятники милоградской культуры Белоруссии, являлось земледелие[11]. Она подтверждает это орудиями труда из Горошкова, Чаплина, Асаревич, Милограда. Эти поселения расположены на возвышенных участках Днепровского побережья. Выводы Мельниковской кажутся достоверными. Однако природные условия Полесья таковы, что занятию земледелием не везде благоприятствовали плодородные земли низинных заболоченных участков, близ которых расположено немало поселений раннего железного века. Заливные поймы больших и малых рек, заболоченные площади — хорошие пастбища для скота. Это дает основание предполагать, что в подобных природных условиях Полесья преимущественное развитие в раннем железном веке получало скотоводство. Косвенным подтверждением могут служить болотные городища с незначительным культурным слоем, которые не являлись местом постоянного жительства, а служили временным пристанищем для семей, которые передвигались со скотом в поисках новых пастбищ. Характерной особенностью некоторых таких городищ является наличие двух и более площадок, укрепленных валами меньших размеров, как у д. Новая Гребля (Брагинский р-н) [12] и около д. Козье (Речицкий р-н) [13]. Иногда площадка городища разделена валом меньших размеров на две части, как у д. Рудня Бурицкая (Лоевский р-н) [14]. А. Н. Лявданский рассматривал дополнительные площадки как загоны для скота [15]. О. Н. Мельниковская допускает использование дополнительных площадок в качестве загонов для скота, но отмечает при этом, что функциональное назначение их гораздо шире и разнообразнее [16].

Типичное болотное городище находится возле д. Борхов Речицкого р-на. В 1959 г. О. Н. Мельниковская исследовала здесь 35 кв. м юго-восточной площадки городища при средней

мощности культурного слоя 0,3 м [17]. В 1976 г. производились раскопки на разрушенном болотном городище около д. Липняки Лоевского р-на М. Ф. Гуриным [18]. В следующем году на этом городище раскопки продолжил автор. В 1978 и 1979 гг. он вел раскопки пойменного городища около д. Ястребка Лоевского р-на. Два последних памятника расположены в верховьях доимы р. Брагинки на равнинной низменной заболоченной местности. Полученный при раскопках городищ остеологический материал позволяет в какой-то степени представить хозяйственную деятельность их населения. Кости домашних животных выявлены О. Н. Мельниковской на Борховском городище[19]. На вскрытой площади 1100 кв. м городища около д. Липняки костный материал представлен бедно [20]. Здесь найдено всего 19 костей, согласно определению В. В. Щегловой, принадлежавших домашним животным. По видовому составу они распределены следующим образом: лошадь— 12 экз., бык домашний — 5, свинья — 1, мелкий рогатый скот (овцы, козы) — 1 экз. В результате того, что городище перепахано, остеологический материал встречался во всех пластах культурного слоя. На городище около д. Ястребка вскрыто 1396 кв. м, из них 196 приходится на прорезку валов и 1200 на площадку (рис. 1). На исследованной площади памятника выявлено 1527 экз. костей животных[21]. Значительная часть остеологического материала происходит из прорезки основного вала с юга — 1321 экз., а на площадке обнаружено 206 экз. В культурном слое площадки мощностью 0,15—0,45 м он располагался в предматериковых горизонтах планиграфически неравномерно. В конструкции же вала с высотой вершины 1,36 м костный материал имел густую концентрацию. Стратиграфически и планиграфически он был равномерно расположен во всех пластах и квадратах вала. Из собранных 1527 костей животных В. В. Щеглова определила 443 экз., что составляет 29%. Определимый материал принадлежит диким и домашним животным. Характерно, что кости диких животных составляют 4,74% от общего количества определимых. Они принадлежат кабану, лосю, медведю. Основную массу остеологического определимого материала составляют кости домашних животных. По видовому составу они распределяются следующим образом: бык домашний—180 экз. (42,65% от общего количества домашних животных), лошадь—97 (23%), свинья — 50 (11,85%), мелкий рогатый скот — 37 (8,76%), собака 48 (11,37%), кошка — 10 экз. (2,3%).

Наличие такого количества остеологического материала в

насыпи вала можно объяснить тем, что он был принесен с землей из неукрепленных поселений для сооружения вала либо попал сюда с культурным слоем городища, используемым для этой же цели.

В 1980 г. на пойменном городище, близ д. Лиски Речицкого р-на, было исследовано 500 кв. м площадки. Здесь выявлено 165 экземпляров остеологического материала[22]. За исключением одной кости, он представлен только зубами и обломками зубов животных. В культурном слое мощностью 0,6—0,8 м он залегал в предматериковых, третьем и четвер-

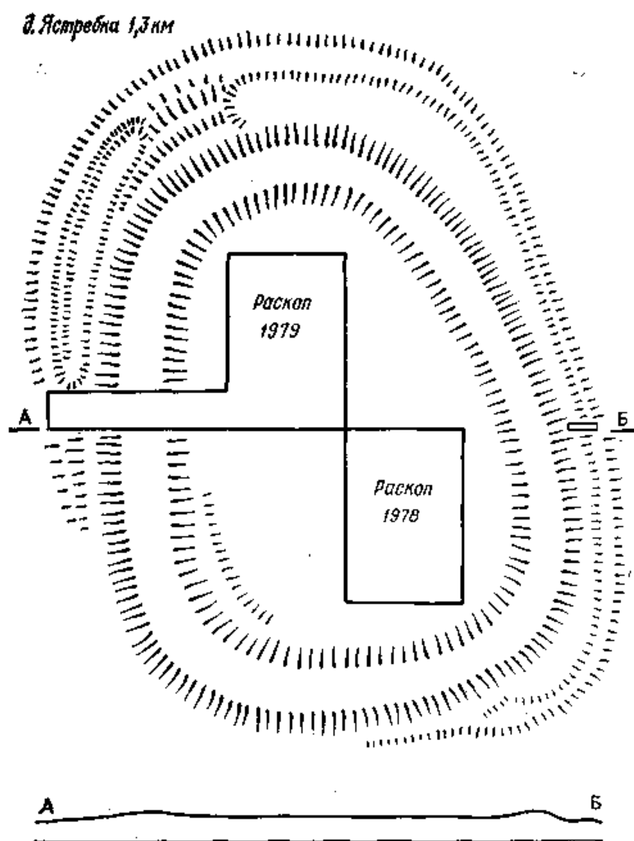

Рис. 1. План городища с обозначенными раскопами около д. Ястребка Уборковского с/с Лоевского р-на

лила 131 экз., что равно 79% от всего собранного материала. Характерно, что весь он принадлежит домашни-м животным двух видов: быку домашнему и лошади. Между этими двумя видами он распределяется следующим образом: бык домашний— 117 экз. (89,5%), лошадь—14 экз. (10,5%).

Определимые кости из городищ Ястребка и Лиски свидетельствуют о разновременном возрасте убиваемых животных. В Ястребке это наблюдается у одного вида — свиньи, где кости молодой особи представлены 11 экз., составляющими 2,6,% от всех домашних животных, или 22% от вида. В Лисках убиваемым животным был бык домашний. 7 экз. костей молодой особи быка составляют 5,3% от всех домашних животных, или 6,3% от вида.

О. Н. Мельниковская не приводит сведений о наличии костей диких животных на Борховском городище. В Липняках и Лисках они пока не обнаружены. Городище у д. Ястребка — пока единственный памятник этого типа, где зафиксированы кости диких животных. Удельный вес охоты в хозяйственной занятости населения пойменных городищ был незначительным и, видимо, сводился к роли подсобного промысла, да и то не везде. Основную мясную пищу население получало от занятия скотоводством. Среди видов домашних животных в количественном отношении выделяется крупный рогатый скот, удельный вес мелкого рогатого скота незначителен.

Таким образом, полученный остеологический материал из раскопок городищ Липняки, Ястребка и Лиски позволяет считать, что в хозяйственной занятости населения скотоводством превалировали тенденции к разведению крупного рогатого скота.

---

[1] Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины.— М.—Л., 1963, с. 123—124.

[2] Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, с. 32.

[3] Штыхов Г. В. Обследование городищ и курганов в Речицком районе.—АО—1976, М., 1977, с. 419—420.

[4] Лошенков М. И., Залашко Г. М. Работы Полесского отряда на Гомельщине.— АО—1977. М., 1978, с. 419.

[5] Романов Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда. В кн.: Записки северо-западного отделения Русского географического общества, кн. 1. Вильна, 1912, с. 144.

[6] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М., 1967, с. 26.

[7] Там же.

[8] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 26; По-

боль Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1971, с, 5; Ми., 1973, с. 7.

9 Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.— В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 102.

10 Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии.— Мн., 1977, с. 90.

11 Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 129.

12 Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 28; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, с. 147; Соболь В. Е. Отчет за 1975 г. об обследовании Брагинского и северной части Калинковичского районов Гомельской области.— АИИ АН БССР,. д. № 530, с. 7, 24; Лошенков М. И. Отчет о полевых исследованиях в Полесье за 1977 г.—АИИ АН БССР, д. № 570, с. 11.

13 Штыхов Г. В., Соболь В. Е. Отчеты о раскопках в Минске, на Менке и обследованиях в Речицком районе Гомельской области в 1976 г.— АИИ АН БССР, д. № 546, с. 6—7.

14 Гурин М. Ф. Отчет о полевых археологических изысканиях в Полесье в 1976 году.—АИИ АН БССР, д. № 548, с. 7, 43.

15 Ляўданскі А. М. Археалагічныя доследы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі.— Працы, т. 3, с. 216.

16 Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии...., с. 28.

17 Там же, с. 14, 27.

18 Археалогія, наумізматыка і геральдыка Беларуси—Мн., 1979, с. 110.

19 Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 134.

20 Гурин М. Ф. Отчет о полевых археологических изысканиях в Полесье в 1976 году.—АИИ АН БССР, д. № 548, с. 3; Лошенков М. И. Отчет о полевых исследованиях в Полесье за 1977 год.— АИИ АН БССР, д. № 570, с. 2.

21 Лошенков М. И. Отчет о полевых археологических работах в бассейне р. Брагинки в 1978 году.—АИИ АН БССР, д. № 577, с. 3; Он же. Отчет о полевых археологических работах в Логойском районе и в бассейне р. Брагинки в 1979 году —АИИ АН БССР, д. № 637, с. 25—28, 36—37, 48—70.

22 Лошенков М. И. Отчет о раскопках пойменного городища в бассейне р. Ведрич и дообследовании в Логойском районе в 1980 году.— АИИ АН БССР, д. № 677, с. 30—31, 44—45.

В. И. ШАДЫРО

СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ НА СЕВЕРЕ БЕЛОРУССИИ

Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о том, что на севере Белоруссии (бассейн Западной Двины) в эпоху поздней бронзы и раннего железного века сложилась

своеобразная группа балтских племен, которые вместе с племенами Смоленского Поднепровья и юга Псковщины составили единую этнокультурную группировку, получившую в литературе название днепро-двинской.

Наряду с общими элементами в культуре городищ северной Белоруссии выделяется ряд особенностей, которые несколько отличают рассматриваемую территорию от смежных областей. Отражены они как в материальной культуре, так и в хозяйственной деятельности, а совокупность их позволяет рассматривать Белорусское Подвинье как западный вариант днепро-двинской культуры.

На основе изучения материалов раскопок К. П. Шута, автора, а также остеологических определений В. В. Щегловой попытаемся выделить характерные особенности хозяйственной деятельности племен Белорусского Подвинья в раннем железном веке.

Изучение материала свидетельствует о том, что на территории северной Белоруссии на протяжении длительного времени, вплоть до конца I тысячелетия н. э., основную роль в жизни племени играли скотоводство и охота[1], что и отличает данную территорию от однокультурной области Верхнего Поднепровья, где подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства уже в VI—V вв. до н. э.

Остеологический материал показывает, что в памятниках изучаемого периода численность костей домашних животных превышает численность костей диких животных (табл. 1). Это свидетельствует о преобладании мяса домашних животных в рационе питания обитателей городищ. 66% составляют кости домашних животных, 34%—диких.

В этом отношении территория северной Белоруссии нахо-

Таблица

Процентное соотношение костных остатков домашних и диких животных из археологических раскопок городищ северной Белоруссии

Памятники	Общее число особей (абсолютное)	Особи домашних животных, %	Особи диких животных, %
Урагово	114	89,4	10,6
Бураково	23	51,5	48,5
Кубличи	28	71,4	28,6
Заровово	17	58,5	41,2
Кострица	17	58,5	41,2

дилась на одинаковой ступени развития с сопредельными территориями лесной зоны. По костному материалу видно, что в I тысячелетии до н. э. на севере Белоруссии были известны все основные виды домашних животных: лошадь, крупный рогатый скот, коза и свинья. В отличие от городищ Смоленщины, Волго-Окского бассейна, где в стаде преобладал мелкий рогатый скот и значительный перевес имела свинья, на севере Белоруссии преобладал крупный рогатый скот. Этот факт сближает рассматриваемую территорию со средней Белоруссией, а также с Прибалтикой. Если следовать той точке зрения, что находки костей свиньи указывают на оседлость населения и свидетельствуют о наличии развитого земледелия [2], то можно сделать вывод, что земледелие на изучаемой территории в I тысячелетии до н. э. имело меньшее значение, чем, например, в области дьяковской культуры и в Верхнем Поднепровье. Остатки домашних свиней на городищах севера Белоруссии, по определению В. В. Щегловой, очень малы [3]. Крупный рогатый скот давал мясо, молочные продукты, а кости животных широко использовались для изготовления различных поделок. Животноводство северо-белорусских городищ носило мясной характер. Лошадь первоначально являлась мясным животным, хотя в I тысячелетии до н. э. использовалась и для верховой езды. Об этом говорят железные шпоры, удила и псалии, найденные на городищах Девички (шпора), Кострица (псалии). Сопоставляя кости лошадей рассматриваемого периода с костями, обнаруженными в памятниках рубежа I и II тысячелетия, В. И. Цалкин отмечает увеличение высоты в холке на 5 см [4]. Эта разница в размерах лошади объясняется тем, что в I тысячелетии до н. э. и на рубеже нашей эры она была в основном мясным животным. В начале нашей эры лошадь используется в качестве тягла, а также для военных целей, т. е. там, где требуются крупные и сильные лошади, выращиваемые с помощью отбора. Можно предположить, что помимо хозяйственного назначения лошади играли важную роль и в религиозном культе. Прямых доказательств этому у нас нет, но, судя по находкам зубов в могильниках Латвии и Литвы[5], а также скульптурных изображений коней на городищах Дьяковском [6] и Новые Батеки [7], культ коня имел распространение и на севере Белоруссии. Кости лошадей на Смоленщине составляют до 15% остеологического материала, на Полотчине — 20, а на крайней точке изучаемого региона, т. е. на городище Урагово,— 23% [8]. Аналогичная картина наблюдается и на городищах культуры штри-

хованной керамики, где костные остатки лошади составляют 24% [9]-

Что касается разведения мелкого рогатого скота, то его удельный вес в животноводстве северо-белорусских городищ несколько ниже, чем, например, в западной части Волго-Окского междуречья и части Смоленщины, что позволило Ю. А. Краснову выделить указанные территории в подрайон в составе II района, куда, как известно, он включает большую часть Латвии, северную и среднюю Белоруссию, Смоленщину, западную часть Волго-Окского междуречья и часть верхнего течения Десны [10]. В среднем в составе костных остатков мелкий рогатый скот составляет 18% от общего числа особей (домашних и диких животных). Соответственно этот же показатель для средней Белоруссии 18—20%, Смоленщины — 24, Прибалтики — до 20, южной Белоруссии 17,%. Сопоставление данных по животноводству у племен северной Белоруссии (со смежными культурами приводит ж выводу, что, несмотря на особенности отдельных микрорайонов, в целом их объединяет сходство в общем уровне развития животноводства. Однако ближе всего по характеру животноводства к племенам Белорусского Подвинья стоят племена культуры штрихованной керамики, а также городища Латвии и Литвы. Специфической же особенностью северобелорусских городищ является преимущественное разведение крупного рогатого скота, а также низкий процент костных остатков свиньи в сравнении с сопредельными территориями.

Удельный вес земледелия обитателей северобелорусских городищ не вполне ясен. По всей вероятности, значение его в хозяйственной деятельности населения на различных этапах развития днепродвинской культуры постепенно возрастало. В хозяйстве I тысячелетия до н. э. на рассматриваемой и на сопредельных с нею территориях земледелие могло сыграть роль только побочной отрасли[11], так как основная роль в трудовых процессах в земледелии принадлежала женщине, которая, будучи связанной с жилищем, возделывала землю только вблизи него. Урожай с небольших делянок был ничтожным. В условиях патриархата (I тысячелетие до н. э.) земледелие освободилось от связи с домашним хозяйством, превратившись в постоянную отрасль производства, в которой были заняты женщины и мужчины. Земледелие распространялось вширь, перемещалось на отдаленные от жилища участки [12], в подготовке которых важное место имели каменные, а позднее металлические топоры. В конкретных усло-

виях изучаемой территории развитие земледелия было возможно только при условиях вырубки леса. Таким образом, единственно возможной формой развития земледелия здесь была подсека.

На исследуемой территории в начальный период было мало металла для изготовления орудий труда, поэтому в развитии подсечного земледелия в I тысячелетии до н. э. важная роль принадлежала каменному топору. Находки топоров часто зафиксированы в поле, а не непосредственно в местах обитания людей. В противоположность этому высверлины проухов обнаруживаются обычно на поселениях. Изготовленные в местах обитания топоры применялись на работе при подсеке. С развитием обработки железа и появлением железных орудий подсечное земледелие становится на новую ступень, осваиваются более широкие лесные пространства. На днепро-двинских поселениях северной Белоруссии для вырубки леса использовались топоры двух типов — так называемые «скифские», обнаруженные на городищах Вороники, Кубличи, Барсуки, Замошье (вторая половина I тысячелетия до н. э.— первые века н. э.), и «южноприбалтийского» типа из городищ Поддубники, Августово (обломки — Бураково, Кострица) (первые века н. э.). Свидетельством земледелия, являются железные серпы и жатвенные ножи, которые обнаружены на всех исследованных памятниках и имеют схожие формы с находками соседних территорий и в особенности с территорией средней Белоруссии. Специфическую форму для нашего региона имели серпы с прямоугольной спинкой (10 экз.), которые К. П. Шут относил к косарям. Прямых данных о том, что выращивали в северной Белоруссии, нет, кроме остатков пшеницы из городища Загорцы [13]. Очевидно, как и в других местах, древние обитатели этого края возделывали ячмень, просо, бобовые. Зерно мололи на каменных зернотерках. По внешнему виду их верхние и нижние камни не отличаются от подобных изделий из поселений других культур этого времени. Ю. А. Краснов, исследуя локальные различия в земледелии на территории лесной полосы европейской части СССР, указывает на своеобразные черты его на территории локализации балтских племен, т. е. в районе от Прибалтики до верховьев Волги, Москвы-реки и Оки и от верхнего Подвинья до верховьев Десны. Здесь раньше, чем в других частях зоны лесов, появляются и более широко распространи-I ются бобовые культуры, овес. Только в этом районе зарегистрированы находки спельты, происхождение которой связы-

вается с Западной и Средней Европой. Здесь использовались определенные типы серпов (IV, VI и VII типы по Ю. А. Краснову), резко отличающиеся от серпов южных окраин лесной зоны. Распространение земледелия на описываемой территории, как утверждал Ю. А. Краснов, шло с запада на восток через Прибалтику[14]. Что касается территории днепро-двинской культуры, то темпы развития подсечного земледелия и роль этой отрасли хозяйственной деятельности не везде была одинакова. Е. А. Шмидт указывает, что подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства в Верхнем Поднепровье в VI—V вв. до н. э. Серповидные ножи появляются на Смоленщине под влиянием зарубинецкого земледелия [15]. В западной же части ареала днепро-двинской культуры, т. е. на территории северной Белоруссии, где хозяйство носило животноводческий характер, земледелие стало ведущей отраслью несколько позднее, хотя уровень развития его был одинаков. Разница здесь только в удельном весе ведущих отраслей хозяйства в раннем периоде истории племен. Не случайно поэтому переход к пашенному земледелию, который предусматривает определенный уровень развития той и другой отрасли, произошел почти одновременно на всей территории и связывается с концом I тысячелетия до н. э.— первыми веками н. э. На распространение пашенного земледелия в эпоху раннего железа указывают находки деревянных плугов в лесной зоне Восточной Европы [16], датируемых I тысячелетием до н. э. и раньше. Очень важна в этой связи находка рала из Капланович Клецкого р-на Минской области, железного лемеха II—III в. н. э. на территории древних ятвягов. Я. Я. Граудонис считает, что пашенное земледелие на территории Восточной Прибалтики существовало по крайней мере в конце I тысячелетия до н. э.[17] В равной степени это относится к северу Белоруссии. Для изучения данного вопроса очень важно свидетельство римского историка Тацита (55—117 гг. н. э.), утверждавшего, что железо аисты применяют редко, однако зерновые и другие культуры возделывают прилежней, чем германцы [18].

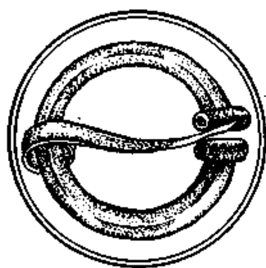
[1] Очерки по археологии Белоруссии, ч. I.— Мн., 1970, с. 219.

[2] Вассар А. К. К изучению племен I—IV вв. в западной и юго-западной Эстонии.— Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Рига, 1955, с. 118.

[3] Щеглова В. В. О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа на севере Белоруссии.— Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии,—Мн., 1969, с. 107, табл. 1.

[4] Ц а л к и н В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси.—МИД, 1956.
[5] Г р а у д о н и с Я. Я- Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа.—Рига, 1967, с. 119.
[6] С п и ц ы н А. А. Городища Дьякова типа.— Записки отд. русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 5. Спб, 1903, рис. 150; 13.
[7] Ш м и д т Е. А. Городище Новые Батеки.— В кн.: Т р е т ь я к о в П. Н., Ш м и д т Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 12.
[8] Щ е г л о в а В. В. О видовом составе..., табл. 1.
[9] М и т р о ф а н о в А. Г. Железный век средней Белоруссии.— Мн., 1978, с. 45.
[10] К р а с н о в Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— М., 1971, с. 130—131.
[11] С л о б о д и н В. М. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (о времени его возникновения на территории СССР до 1 тыс. н. э.).-~ В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, т. I. М., 1952, с. 29.
[12] Там же, с. 34.
[13] Л я ў д а н с к і А. Н., П а л і к а р п о в і ч К. М. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., ч. 2.—У кн.: Запіскі БАН, кн. 5. Мн., 1936, с. 222.
[14] Т р е т ь я к о в П. Н., Ш м и д т Е. А. Древние городища Смоленщины.— М.—Л., 1963, с. 23.
[16] Ш р а м к о Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. № 1, 1961; Он же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4, с 84—100.
[17] Г р а у д о н и с Я. Я. Латвия в эпоху..., с. 122.
[18] Там же.

ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

Н. П. АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИХТИОФАУНА ИЗ РАСКОПОК МАСКОВИЧСКОГО ГОРОДИЩА (X—XIII вв.)

В 1976—1978 гг. Л. В. Дучиц проводила раскопки городища Масковичи (Масковцы) Витебской области Браславского р-на. Городище, датируемое X—XIII вв., расположено у д. Масковцы на берегу оз. Дябро, относящегося к озерной системе Снуды[1]. Во время археологических раскопок было найдено большое количество чешуи и костей рыб. То, что остатки рыб обнаружились во всех пластах, позволяет отнести их к числу обычных находок на территории Масковичского городища и сделать вывод о том, что рыболовство имело определенное значение в жизни и хозяйстве его обитателей. Большое количество материала, хорошая его сохранность, наличие частей с ясно выраженными видовыми признаками сделали возможными исследования в области древней ихтиофауны на территории Белоруссии.

Собранная коллекция представляет собой прежде всего интерес как материал для определения видового состава ихтиофауны Браславских озер, относящейся к периоду X—XIII вв., а это в свою очередь несет в себе большую информацию о деятельности человека эпохи средневековья. Зная вид рыбы, можно более точно определить находки орудий рыбной ловли и восстановить технику рыболовства того времени (рис. 1). Некоторые экземпляры коллекции носят следы деятельности человека — вываренные, обугленные, разрезанные, просверленные (рис. 2, г). Есть кости со следами зубов животных. Коллекция включает в себя 2370 экз.: 381 представляет кости, 1989 — чешуи, 730 — неустановленные остатки. Определение проводилось путем сравнительно-анатомического анализа аналогов остеологических остатков древних рыб с современными. Причем, нужно отметить, у разных видов одни и те же части скелета сохраняются различно. Например, много позвонков и костей скелета головы, но мало чешуи щуки, много чешуи, но мало костей леща. В коллекции определено 11 видов рыб, относящихся к четырем семействам:

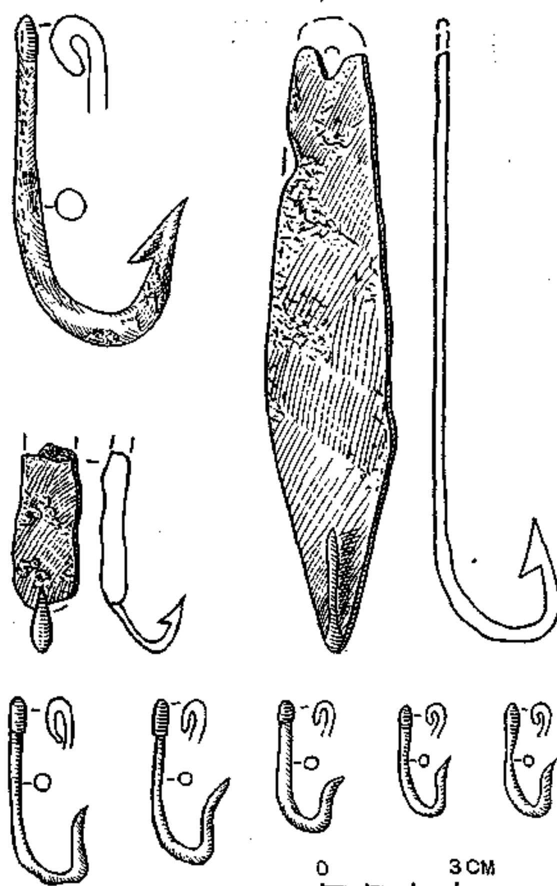

Рис. 1. Орудия рыбной ловли (X—XIII вв.

Сем. Щуковые (Esocidae)
1. Щука Esox lucius L.

Сем. Карповые (Cyprinidae)

2. Лещ Abramis brama L.
3. Сазан Cyprinus carpio L.
4. Карась Carassius carassius L.
5. Плотва Rutilus mtilus L.
6. Линь Tinea tinea L.
7. Язь Leuciscus idus L.

Сем. Окуневые (Persidae)
8. Судак Lucioperca lucioperca L.
9. Окунь Perca fluviatilus L.
10. Ерш Acerina cernua L.

Сем. Речные угри (Anquilidae)

11. Угорь Anquilla anquilla L.

Полученный материал в сводную таблицу содержания остатков каждого вида в отдельных пластах не объединялся, так как территория городища в течение последних 40—50 лет неоднократно перепахивалась. Коллекция обрабатывалась и

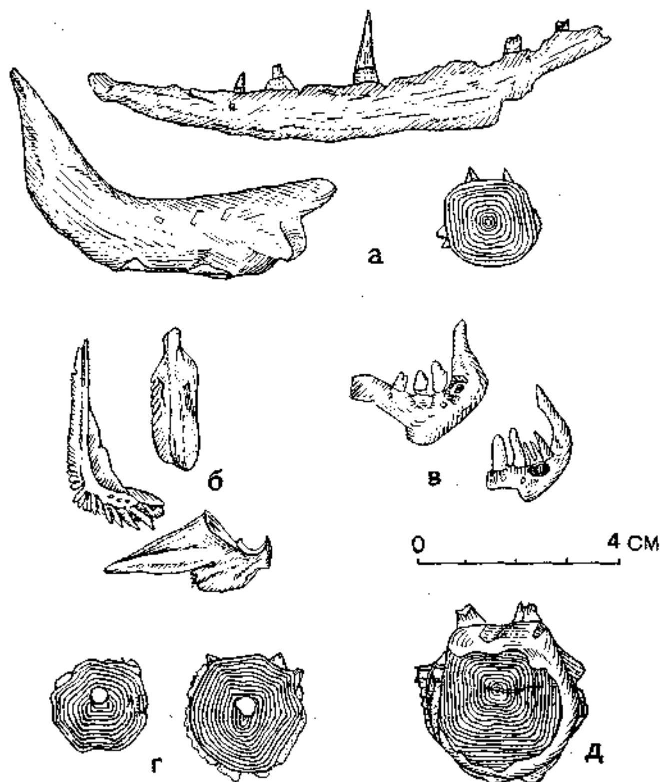

Рис. 2. Кости: а— cleithrum и dentate щуки, б — praeoperculum и articilare окуня, в — глоточные зубы, г — обработанные позвонки, д — позвонок леща

с точки зрения установления возраста рыб. Возраст определялся путем подсчета годовых колец наиболее крупных экэкземпляров чешуи и позвонков. Чешуя и позвонки предварительно обрабатывались слабым раствором серной кислоты, очищались, промывались, просушивались. Чешуя помещалась между предметными стеклами, и с помощью бинокулярной лупы проводился подсчет годовых колец. Так, для щуки был установлен возраст 5, 9, 12 лет, для леща — 7, 11, 17, для язя — 5 лет и т. д. В дальнейшем предполагается определение размеров рыб по формуле, составленной на основе прямо пропорциональной зависимости между длиной рыбы и

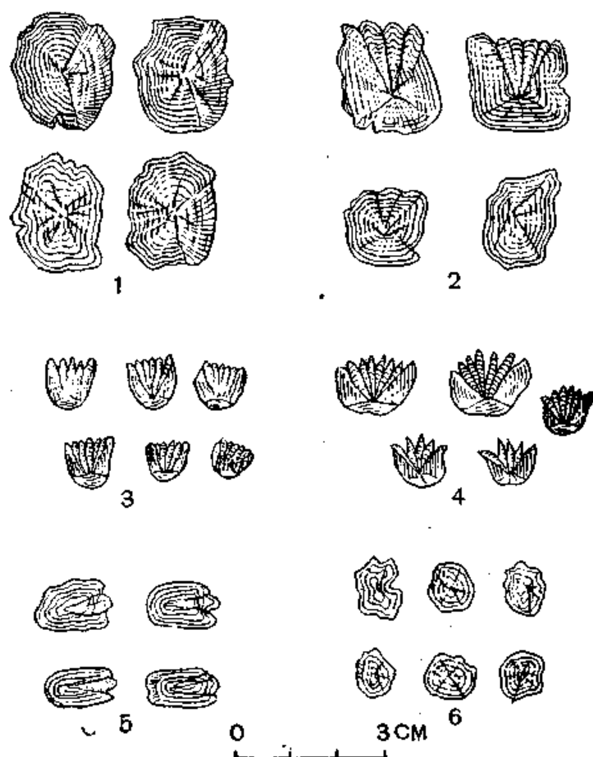

Рис. 3. Чешуя: 1—леща, 2 — карася, 3 — судака, 4—окуня, 5 — щуки, 6 — плотвы

величиной ее костей. За длину рыбы принимается расстояние

$$L_1 = \frac{Q_1 L_2}{Q_2},\ \text{где}$$

L_1 — искомая длина ископаемой рыбы,
L_2 — длина (или ширина) кости ископаемой рыбы,
Q_1 — длина современной рыбы,
Q_2 — длина или щирина соответственной кости, современной рыбы[2].

Визуальные наблюдения при обработке коллекции позволяют сказать, что объектом промысла были рыбы крупных размеров (рис. 3). В популяции рыб в озерах в районе Масковичского городища в X—XIII вв. преобладали старые особи, а это значит, что рыболовство в те времена еще не оказывало на состав популяции большого влияния, так как систематический облов водоема ведет к исчезновению в первую очередь наиболее старых особей.

---

[1] Д у ч ы ц Л. У. Гарадзішча каля Маскавіч.— ПГК.Б, 1978, № 2, с. 29—31.

[2] Шноре Э.Д. Асотское городище.— Материалы и исследования но археологии Латвийской ССР, т. II. Рига, 1961, с. 226—233.

В. В. БОГОМОЛЬНИКОВ

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАДИМИЧЕЙ

Наиболее значительные и заметные изменения погребального обряда заключаются в смене его форм. Под формой следует понимать сочетание вида погребального сооружения с видом (трупосожжение или трупоположение) и типом (ямный или неямный) погребального обряда. В связи с тем что каждый из названных элементов не оставался неизменным, известно несколько форм погребального обряда. Древнейшей формой у радимичей является литописная: покойного сжигали и хоронили его останки «на столпу на путех»[1]. Впоследствии вместо столпов стали возводить курганы, а после исчезновения обычая хоронить покойных в курганах на Руси вновь широко распространились столпы (бдыны) [2]; обряд трупосожжения сменился обрядом трупоположения; неямные погребения были вытеснены ямными.

Таблица 1

Распространение форм погребального обряда в земле радимичей

Форма погребального обряда	Вид погребального сооружения	Вид погребального обряда	Тип погребального обряда	Количество погребений
I	столп	трупосожжение	неямный	?
IIа	столп-курган	»	»	7
IIб	курган	»	»	30
IIв	столп-курган	трупоположение	»	12
I—IV	курган	трупосожжение	ямный	2
III	»	трупоположение	неямный	717
IV	»	»	ямный	187
V	бдын(столп)	»	»	?

Таким образом, погребальный обряд радимичей прошел в своем развитии восемь форм. Только три из них (I, III, V) были основными, все остальные имели переходный характер. На основании изучения данных о раскопках курганов в земле радимичей удалось установить формы погребального обряда 955 захоронений, из которых 717 приходятся на основную форму, а 238 — на все переходные, вместе взятые (табл. 1).

Исследователи пытались установить причины перехода от захоронения «на столпе на путех» к захоронениям в курганах, от обряда трупосожжения к обряду трупоположения, появления ямных погребений. Но эти попытки нельзя признать успешными. Так, В. В. Мавродин высказал предположение, согласно которому причиной появления курганов явилось возникновение межплеменных войн: «Таким образом спасали священные могилы предков от разорения, а их прах от надругательства»[3]. Вторая часть предположения В. В. Мавродина может быть признана безоговорочно. Переход к значительно более трудоемкой форме погребального обряда был целесообразен только в условиях существования постоянной опасности, угрожавшей сохранности погребальных памятников. Но учитывая разнопричинность одинаковых следствий, нужно признать, что межплеменные войны — это лишь один из возможных источников опасности и одна из возможных причин появления курганов. Не меньшую и, пожалуй, более постоянную угрозу нормальному функционированию языческих погребальных памятников представляло христианство. О методах насаждения христианства и о реальности угрозы достаточно ярко и убедительно свидетельствует сообщение летописи о крещении жителей Киева, когда были

сброшены в реку или же преданы огню языческие идолы[4]. Известно, что попытки введения христианства вызывали в языческой среде не только прямой, но и обратный эффект. Поэтому появление курганов можно считать следствием насаждения христианства, но следствием, обратным тому, к которому стремилась христианская церковь.

Смену обряда трупосожжения на первый взгляд легко объяснить христианизацией. Однако Б. А. Рыбаков, критикуя взгляды А. А. Спицына, которого вполне устраивало подобное объяснение, писал: «Очень легко толковать этот резкий перелом в религиозных взглядах древних славян влиянием христианства — это освобождает от поисков других причин, но христианство ответа все же не дает, отмечая, что смена обрядов произошла помимо христианства, до него» [5]. Предшествуя введению христианства, смена видов погребального обряда шла синхронно (или почти синхронно) с другим важным явлением — с переходом к захоронениям в курганах. Отсюда такое многообразие переходных форм. Но несмотря на это многообразие, все переходные формы погребального обряда имеют ряд общих черт. Главная из них — дублирование отдельных функций погребального памятника. С дублированием функций неразрывно связаны дополнительные, причем излишние, совершенно ненужные затраты труда и времени. Этим объясняются еще две особенности переходных форм погребального обряда — кратковременность существования и немногочисленность захоронений в погребальных сооружениях переходных форм. Сородичи умершего на дополнительные затраты шли только в тех случаях, когда считали, что это нужно для обеспечения нормального функционирования погребального памятника. В захоронениях «на столпе на путех» большинство функций выполнялось столпом, за исключением функции защиты от запаха тлена, которая осуществлялась огнем. При переходе к курганному обряду на первых порах допускается дублирование функции защиты от запаха тлена (в курганах с трупосожжением) и остальных функций (в курганах с домовинами). Но вскоре бессмысленность такого рода дублирования осознается и от него отказываются. Таким образом, переход от обряда трупосожжения к обряду трупоположения — прямое следствие появления курганов и совершен в целях разумной экономии труда и времени участников погребального обряда.

Нельзя считать окончательно решенным и вопрос о при-

чинах появления ямных погребений и исчезновения курганного обряда. Обычно эти изменения приписывают успехам христианизации[6]. Различия между типами погребального обряда уже более значительны, чем между его видами, и это объясняется тем, что большинство ямных погребений появляется тогда, когда христианство уже относительно окрепло.

Нет оснований утверждать, что смена видов погребального обряда повлияла на изменение ориентировки и положения рук покойных. Что касается типов, то ямный тип по сравнению с неямным характеризуется значительным увеличением процента погребений с обычной ориентировкой (с 62,9 до 90,38). Это увеличение происходит за счет резкого снижения процента погребений с обратной ориентировкой (с 20,4 до 1.76). Но процент погребений с меридиональной ориентировкой в ямах не только не уменьшается, а, наоборот, увеличивается почти вдвое (с 1,8 до 3,5). Наблюдаются изменения и в положении рук покойных. В ямах с 35 до 23% снижается количество погребений с руками, вытянутыми вдоль туловища. Зато более чем в 5 раз (с 2,1 до 10,6%) увеличивается число погребений с руками, сложенными на животе. В ямных погребениях отчетливо прослеживается тенденция к исчезновению многих следов огня в обряде, почти не встречается керамика. В ямах не обнаружены сосуды с пережженными костями, но по сравнению с неямными погребениями почти вдвое возрастает процент встречаемости гробов.

Разумеется, было бы ошибкой полностью отрицать роль христианства в изменениях погребального обряда, однако против мнения, объясняющего появление ям успехами христианизации, существует ряд аргументов: 1) процент покойных с руками, сложенными по христианскому обычаю, хотя и увеличивается в ямных погребениях по сравнению с неямными, но все же остается незначительным; 2) в ямах нет крестиков; 3) увеличение в ямах количества погребений с западной ориентировкой может быть объяснено не только влиянием христианства, но и другими факторами, например успешным завершением ассимиляции балтского населения; 4) в ямах встречается ориентировка погребений, находящаяся в резком противоречии с христианскими канонами,— восточная и меридиональная; 5) с исчезновением курганного обряда на смену кургану над ямой приходит не христианский крест, а языческий бдын, т. е. сооружение еще более архаичное, чем курган; 6) ямные погребения не являются ново-

введениями христианства, еще в VI—VIII вв. ямы были известны, например, латгалам, соседям славян.

Отбросив христианизацию в качестве основной причины появления сначала подкурганных, а затем и бескурганных ям, следует перейти к поискам других причин столь значительных изменений погребального обряда. Вполне вероятным становится предположение, что исчезновение курганного обряда было обусловлено в конечном счете развитием феодализма. Развитие феодальных отношений влекло за собой распад кровнородственных связей, уменьшение числа участников погребального обряда и уменьшение количества времени, которое каждый из оставшихся в живых мог уделить мертвому. По мере развития феодализма усиливалось и давление, оказывавшееся им на языческий погребальный обряд. Давление возрастало постепенно, и в связи с этим языческий погребальный обряд не погиб сразу, а начал постепенно угасать. Это сказалось прежде всего в уменьшении высоты курганной насыпи вследствие, уменьшения числа участников погребального обряда и времени, затрачиваемого на ее сооружение. Уменьшение размеров насыпи было чревато серьезными последствиями, так как ставило под угрозу нормальное функционирование кургана, могло привести к нарушению всех его функций. В такой сложной ситуации наиболее подходящим выходом оказался отказ от сооружения курганной насыпи, но частичная замена ее не христианским крестом, а языческим бдыном, что, не затрагивая основ языческой идеологии, обеспечивало две функции — памяти и пристанища для души. Функции вместилища останков покойного и защиты от запаха тлена перешли от курганной насыпи к яме. Но ямы под бдынами, как и подкурганные ямы, были скорее заимствованиями, причем заимствованиями вынужденными, чем следствием радикальных изменений идеологии. Не следует, однако, забывать, что феодализм был не одинок в своей борьбе против язычества. Среди его союзников были и христианская церковь и этнические процессы, приведшие к сложению древнерусской народности. Но ведущая роль в смене типов погребального обряда принадлежала феодализму, с каждым годом все более пронизывавшему все стороны жизни древнерусского общества. Естественно, вынужденный переход к ямным захоронениям наблюдается прежде всего там, где эксплуатация населения была более интенсивной и суровой. Одним из таких регионов была земля радимичей, испытывавшая двойнай гнет—местных и киевских феодалов.

[1] Повесть временных лет.— М.—Л., 1950, ч. I, с. 15.
[2] Р ы б а к о в Б. А. Нестор о славянских обычаях.— Сб. Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 44.
[3] М а в р о д и н В. В. Образование древнерусского государства.— М., 1945, с. 82.
[4] Повесть временных лет, ч. I, с. 80.
[5] Р ы б а к о ў Б. А. Радзімічы.— Працы секцыі археалогіі. Мн., 1932, т. III, с. 123.
[6] С е д о в В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 138.

Л. В. ДУЧИЦ

КУРГАННАЯ ГРУППА У д. КУБЛИЩИНО

Курганная группа (рис. 1) расположена в 600 м на северо-восток от д. Кублищино Миорского р-на Витебской области, в лесу, справа от шоссе Миоры — Новый Погост. К западу от курганов — болото. Насчитывается 62 насыпи, но, несомненно, раньше их было больше, так как рядом находится карьер, и, по рассказам местных жителей, оттуда вместе с песком часто вывозили и человеческие кости. Преобладают полусферические курганы, есть также и овальные. Диаметр насыпей от 3 до 8 м, высота от 0,3 до 0,8 м. Самый большой курган имеет диаметр 17 м и высоту 1,4 м. Овальные курганы вытянуты с запада на восток. Их размеры в среднем 7—8 м в длину и 5—6 м в ширину. Ровики прослеживаются возле всех курганов, но очень слабо. Большая часть насыпей испорчена раскопками кладоискателей. В литературе курганная группа с привязкой к д. Махировка впервые упоминается Ф. В. Покровским[1], затем Е. и В. Голубовичами [2]. В 1977 и 1978 гг. 19 курганов изучено автором. Для раскопок были выбраны насыпи в разных местах могильника.

Изучаемый курганный могильник интересен тем, что по нему можно проследить эволюцию обряда погребений. По особенностям погребального ритуала изученные курганы делятся на три группы: трупосожжения (3), трупоположения (12) и курганы без следов погребений (4). Все раскопанные курганы содержали зольно-угольную прослойку у материка или на высоте 0,1 м от материка. По размерам прослойка в большинстве случаев была меньше основания кургана. Толщина ее от 0,1 до 0,3 м. Аналогичные зольно-угольные прослойки встречаются, например, в курганах под Полоцком[3], в курганных группах у д. Загорье[4] (Браслав-

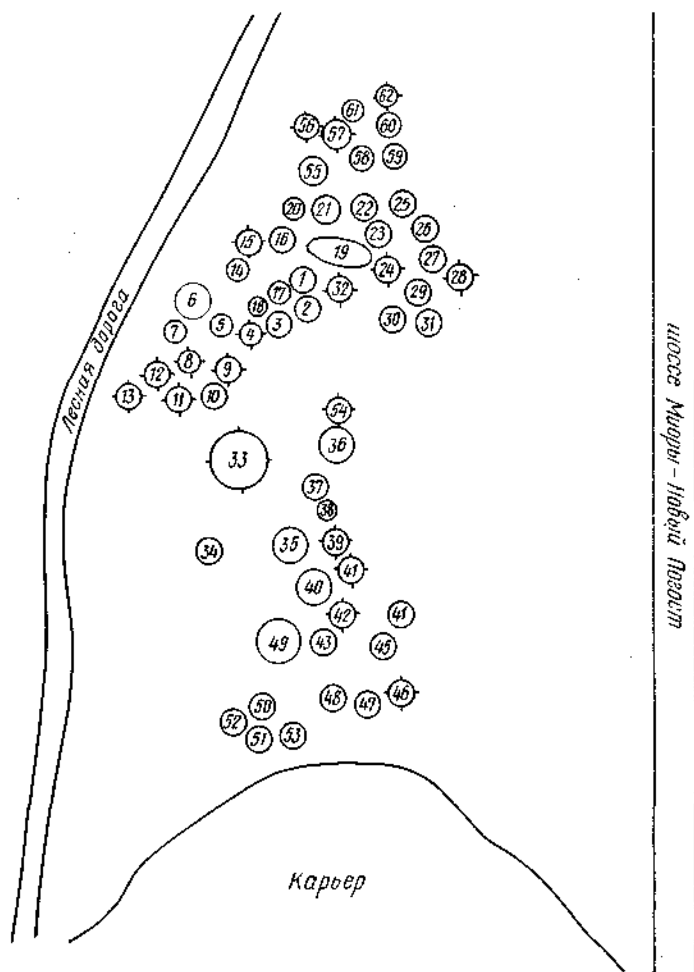

Рис. 1. План курганного могильника близ д. Кублищино

ский р-н) и Черневичи [5] (Глубокский р-н), в псковских курганах [6], в курганах Полесья [7] и т. д. Большинство исследователей считают такие прослойки следами ритуала очищения площадки, предназначенной для курганной насыпи, огнем.

Курганы с трупосожжением обнаружены в восточной части курганной группы (курганы 39, 41, 46). Два захоронения были в грунтовых ямках. Размеры ямок следующие: в кургане 39 — диаметр 0,9 м, глубина 0,4 м, а в кургане 41 — диаметр 0,8 м, глубина 0,2—0,3 м. Вес сожженных костей в первом погребении 900 г, во втором — 700 г. В кургане 41 среди костей обнаружено четыре обломка спиральной трубочки и обломок согнутой уплощенной проволоки (возможно, колечка). В кургане 46 трупосожжение на материке. Вес костей 800 г. Среди костей найден обломок спиральки.

Преобладающим типом погребений являются трупоположения. Во всех насыпях трупоположения на грунте или на высоте 0,1—0,2 м от материка. Сохранность скелетов очень плохая, лишь в одном кургане (курган 33 с парным погребением) оба скелета сохранились хорошо. Всего обнаружено 12 трупоположений: 9 костяков ориентировано головой на запад, 1 — на юго-запад и 1 — на северо-восток, В парном погребении женский скелет ориентирован на юго-запад, мужской — на северо-восток. Положение рук прослежено в двух курганах — в 24-м и 33-м. В кургане 24 руки были согнуты в локтях и кистями касались плеч. Аналогичное положение рук отмечено в курганах у д. Загорье (Браславский р-нi) [8]. В кургане 33 у юбоих скелетов руки лежали на животе. Положение скелета во всех курганах прямое, кроме кургана 33, где у женского костяка ноги были согнуты в коленях. Интересно отметить, что в парном захоронении на груди мужского костяка справа сохранились остатки доски, поверх которой лежала правая рука. Курганы по обряду трупоположения, за исключением кургана с парным погребением, содержали инвентарь. Из железных вещей найдены: калачевидное кресало (курган 13, слева ст костяка), обломок ножа с сохранившимся остатком деревянной ручки, обвитой у черенка медной проволокой (курган 12), и листовидный наконечник сулицы с остатками древка на черенке (курган 9). Общая длина наконечника 15,2 см, длина пера 8,7 см (рис. 2, 12). Наконечник лежал возле правой руки погребенного. В этом же кургане найдены: браслет, витой из двух проволок с завязанными концами (рис. 2, 11), подковообразная фибула со спиралевидными концами (рис. 2, 10), два

больших поясных кольца (рис. 2, 8,) два маленьких полутораоборотных колечка и два обломка спиральки. Из украшений в курганах с трупоположениями найдены: два грушевидных бубенчика с крестовидной прорезью и насечками в нижней части (рис. 2,2), три браслета, витые из двух проволок с завязанными концами, один браслет с разомкнутыми концами (рис. 2, 7),.три лировидные пряжки (рис. 2, 6), четыре подковообразные фибулы различных видов (рис. 2, 5, 9, 10), пять проволочных колечек с заходящими концами (рис. 2, 4), одно колечко в два оборота (рис. 2, 3), пять обломков спиральки (рис. 2, 1), медная цилиндрическая бусина и два

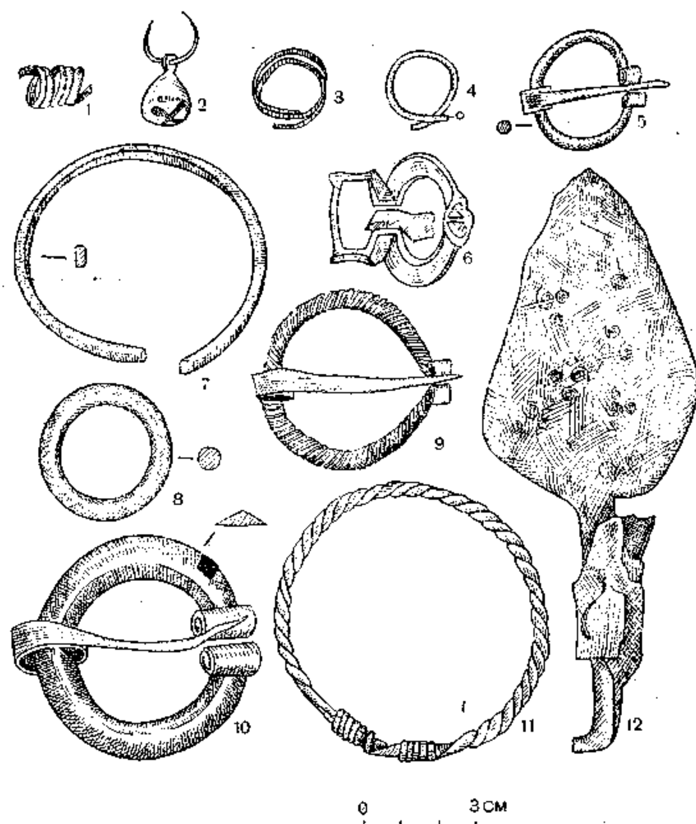

Рис. 2. Погребальный инвентарь: 1, 4, 8, 10, 12— курган 9; 2, 6, 9 — курган 24; 3, 5, 11 —курган 12; 7 —курган 4

больших поясных кольца (рис. 2, 8). Грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью и насечками на нижней части имели широкое распространение в X — начале XII в.[9] Аналогии витым браслетам из Кублищино можно указать в курганах Дисненщины[10], в погребениях Нукшинского могильника[11]. Такие браслеты были распространены с X до начала XII в.[12] Многочисленные аналогии лировидным пряжкам здесь приводить не будем. Все найденные фибулы подковообразные со спиралевидными концами. Две из них имеют круглое сечение. Диаметры этих фибул 22 и 30 мм (рис. 2, 5). Одна фибула имеет треугольное сечение (рис. 2, 10) и одна относится к типу тордированных фибул. Первые три фибулы — наиболее широко распространенные типы фибул. Их датировка — X—XIII вв. Последняя же фибула встречается в памятниках X—XI вв. Фибулы со спиралевидными концами характерны для северо-западной территории Руси и Прибалтики[13].

Керамика из курганов представляет собой обломки одного лепного сосуда и пяти круговых. Два фрагмента лепного сосуда, в том числе слабопрофилированный венчик, найдены в кургане № 28 с трупоположением. Других вещей здесь не было. Исследователи считают, что отсутствие вещей и наличие лишь одних фрагментов керамики свидетельствуют о принадлежности кургана бедному члену общества. Фрагменты сосудов встречаются часто в курганах Дисненской группы. Е. Голубович, изучавшая эти курганы, пришла к выводу, что обычай класть разбитые горшки в погребение более ранний, чем обычай ставить неповрежденные сосуды. Исследовательница привлекает этнографические данные и отмечает, что обычай класть разбитую посуду в погребения в некоторых местах сохр-анялся вплоть до XX в.[14] Не исключено, что найденные в кургане 28 фрагменты керамики относятся к селищу, на месте которого позже был сооружен курганный могильник. Все гончарные сосуды показаны на рис. 3. Из пяти курганов, в которых найдена посуда, справа от ног горшок находился в двух погребениях, слева от ног—тоже в двух и в одном кургане— у ступней погребенного. Гончарная керамика имеет хорошо выраженное плечико и отогнутый венчик. У некоторых сосудов край венчика загнут внутрь. Подобная посуда встречается на большинстве поселений времен Киевской Руси. Ближайшие аналогии имеются в Полоцке [15] и в курганах северной Белоруссии (раскопки Ф. В. Покровского, Е. и В. Гобовичей, Г. В. Штыхова). Орнамент есть только на одном со-

суде. Он представляет собой сочетание прямых линий и насечек (рис. 3, 2). На донышке одного сосуда отчетливо видно клеймо в виде двух пересеченных линий (рис. 3, 5). Высота сосудов от 11 до 14 см, диаметр устья от 12 до 14 см и диаметр донышек 6,8—8,5 см. (рис.3).

В Кублищино есть курганы с зольно-угольной прослойкой, не содержащие погребений (курганы 8, 11, 42, 54). По внешнему виду насыпи не отличаются от всех остальных. Подобные «пустые» курганы хорошо известны в археологической литературе. Большинство исследователей считает их меморативными насыпями. В одном из курганов (46), со-

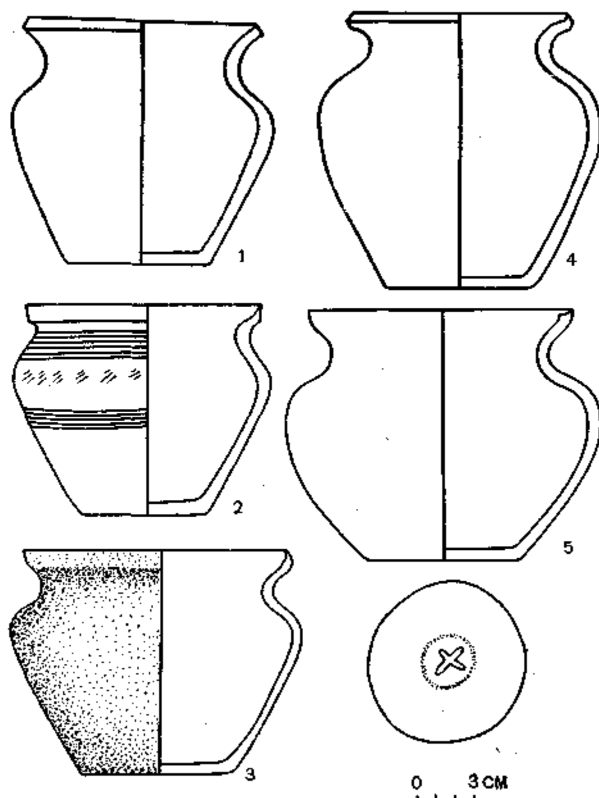

Рис. 3. Сосуды из раскопок курганов: 1—курган 13, 2— курган 56, 3 — курган 57, 4 — курган 15, 5 — курган 62

Курганы					Захоронения					инвентарь (экз)												
номер	форма	поперечник (м)	высота (м)	прослойка	кремация	ингумация	ориентировка	впускные	двойные	браслеты витые	браслеты гладкие	пряжки лировидные	кольца поясные	кольца	фибулы	бубенчики	спиральки	бусы медные	оружие	ножи	кресала	керамика
4	круг.	6,5	0,8	+		+	ю.-з				1											
8	круг.	6	0,4	+																		
9	овал.	6,4×7,6	0,7	+		+	зап.			1			2	2	1				1			
11	круг.	5	0,5	+																		
12	круг	6	0,4	+		+	с.-в.			1				3	2	1				1		
13	овал	6,3×7,2	0,7	+		+	ю.-з.														1	+
15	овал.	7×5,5	0,5	+		+	зап.															+
24	круг.	7	0,7	+		+	зап			1		1			1	1						
28	овал.	7×6,3	0,6	+		+	зап															+
32	круг.	5	0,8	+		+	зап.					1		1				1				
33	круг.	17	1,4	+		+	ю.-з. с.-в. и		+													
39	круг.	5	0,4	+	+																	
41	овал	5,1×5,6	0,6	+	+									1?			4					
42	овал.	7,5×6,9	0,6	+																		
46	овал.	7,7×6	0,6	+	+	+	зап.	+														
54	круг.	6	0,7	+																		
56	круг.	5	0,8	+		+	зап					1										+
57	круг.	5	0,6	+		+	зап.															+
62	овал	9×6	0,5	+		+	зап.															+

Рис. 4. Корреляция элементов погребального обряда и инвентаря в курганах у д. Кублищино

ное трупоположение с западной ориентировкой в центре (в 0,3 м от поверхности кургана) (рис. 4).

Итак, на основании вещевых находок погребального обряда можно сделать вывод, что дата сооружения курганной группы — X—XII вв. Что касается этнической принадлежности населения, оставившего данные курганы, то это славяне, усвоившие некоторые элементы культуры местного, ими ассимилированного населения.

---

[1] П о к р о в с к и й Ф. В. Археологическая карта Виленской губернии.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильно IX археологического съезда. Вильно, 1893, отд. II, с. 3.

[2] Г о л у б о в и ч Е., Г о л у б о в и ч В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР.— КСИИМК, вып. II, 1945, с. 127 (карта).

[3] Ш т ы х о в Г. В. Раскопки курганов под Полоцком.— В сб.: Вопросы истории и археологии. Мн., 1966, с. 268—275.

[4] П о к р о в с к и й Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.—Тр. IX АС, М., 1895, т. I, с. 167—169.

[5] Cehak-Hołubowiczowa H. Słowiańskie groby kurhanowe koło Czerniewicz w pow. Dziśnieńskim.— Wiadomości archeologiczne, t. XVI. Warszawa, 1939, s. 419—455.

[6] П о д в и г и н а Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области.— СА, 1965, № l, с. 293—294.

[7] З а в и т н е в и ч В. 3. Формы погребального обряда.— Тр. IX АС. М., 1895, т. I, с. 227—235.

[8] П о к р о в с к и й Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.—Тр. IX АС, т. I, с. 167—169.

[9] М а л ь м В. А., Ф е х н е р М. В. Привески-бубенчики.— Тр. ГИМ, вып. 43. М., 1967, с. 133—148.

[10] Cehak-Hołubowiczowa H. Słowiańskie groby kurhanowe..., s. 419—455.

[11] Нукшинский могильник.— Рига, 1957, табл. XIX (2), погребение № 140.

[12] Ар ц и ховс к и й А. В. Курганы вятичей.— М., 1930, с. 144—145.

[13] М а л ь м В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ. М., вып. 43, с. 149—190.

[14] Cehak-Hołubowiczowa H. Słowiańsko-wareskie cmentarzysko kurhanowe koło Porzecza w powiecie Dziśnieńskim.— Przegląd archeologiczny, t. VI, Nr 2—3, 1938—1939, s. 178—198.

[15] Ш т ы х о в Г. В. Древний Полоцк.—Мн., 1975, с. 80, 81.

Ю. А. ЗАЯЦ

К ИСТОРИЙ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЗАСЛАВЛЯ

В некоторых русских летописных сводах содержится предание об основании князем Киевской Руси Владимиром Святославичем города для его опальной жены Рогнеды и ма-

лолетнего сына Изяслава [1]. Город, названный в честь сына Изяславлем, был построен в пределах владений князя Рогролода — отца Рогнеды. Достоверное упоминание Изяславля в летописях относится к 1127—1128 гг.[2] В это время город был хорошо укреплен и, несмотря на отсутствие изяславского князя и его дружины, им не смогли овладеть силой соединенные отряды нескольких князей, посланных киевским князем Мстиславом Владимировичем «на кривичи». Еще В. Н, Татищев предположил, что в описании похода войск Мстислава на Полоцкую землю и в предании о Владимире и Рогнеде речь идет об одном и том же городе[3]. Н. М. Карамзин отождествил летописный Изяславль с Заславлем под Минском, предположительно отнеся события, связанные с основанием города, к 985 г.[4] Нарбут, следуя Карамзину в вопросе о месте основания города, отнес его возникновение к 986 г.[5] О Заславле (Изяславле) на р. Свислочи писал К. А. Неволин[6]. До начала археологического изучения Заславля единственным источником по начальному периоду его истории оставалось летописное предание. Поэтому историки, касаясь вопроса об основании Изяславля, ограничивались пересказом источника, подчеркивая его легендарный характер[7]. Само предание о Владимире и Рогнеде является объектом изучения .историков, исследователей летописей и эпоса[8], но вопросы о его характере, времени сложения и степени достоверности остаются нерешенными. Поэтический рассказ, переданный летописцем, не мог не возбудить интереса к собственно истории Изяславля. Во второй половине XIX в. появляются работы, авторы которых стремятся проследить историю города на протяжении всего периода его существования, используя для этого отдельные сведения, содержащиеся в трудах Н. М. Карамзина, Т. Нарбута, в литовско-белорусских хрониках и актах XV—XVII вв.[9] Эти работы — по сути история смены владельцев Заславля. Вместе с тем отдельные авторы наряду с общеисторическими сведениями приводят описания достопримечательностей Заславля. Одним из первых дал описание заел авских памятников П. М. Шпилевский [10], впрочем, в его записках больше эмоций автора, ступившего на овеянную преданиями землю Изяславля. Достоинством работы Шпилевского являются собранные им названия урочищ и местные легенды, относящиеся к заславским памятникам.

Подробные описания и точный план Заславского замка — городища Вал — опубликовал К. П. Тышкевич[11] (план городища Замэчек, опубликованный там же, неточен), но выводы

о времени сооружения замка были сделаны неверные, хотя автор и отметил отличие его укреплений от древнерусских городищ. К. П. Тышкевичем приведены местные предания, отсутствующие в записках П. М. Шпилевского. Описание заславских городищ и курганов оставил Р. Г. Игнатьев [12]. В его работах приводится описание некоторых несохранившихся до нашего времени деталей оборонительных сооружений заславского замка. В 1878 г. Игнатьев положил начало археологическому изучению Заславля. В дореволюционный период исследовался только курганный могильник (Р. Г. Игнатьев, Н. М. Турбин) [13]. Несмотря на ограниченные масштабы раскопок, полученный материал мог бы существенно дополнить письменные источники, однако авторы исторических трудов, появившихся в конце XIX — начале XX в., по-прежнему ограничивались пересказом предания о Владимире и Рогнеде[14] или же привлекали в качестве дополнительных источников малодостоверные известия с ярковыраженным агиографическим характером (рассказ о пострижении Рогнеды), содержащиеся в поздних летописных сводах [15], внося в летописный текст произвольные дополнения, разбавляя все это местными легендами, далеко не лучшими описаниями исторических памятников Заславля и собственными домыслами [16]. Изучение истории Заславля фактически не намного продвинулось со времен Карамзина и Нарбута. Принимая на веру или ставя под сомнение летописное предание об основании города, приписывая инициативу основания Изяславля Владимиру, Рогнеде и самому Изяславу, авторы не оспаривали самого факта возникновения города в конце X в. Последующая история города, доведенная в последних работах до второй половины — конца XIX в., представляла собой набор отдельных фактов, событий и дат.

Новый этап в изучении Заславля начался после Октябрьской революции. Он характеризуется особым вниманием к древнерусскому периоду истории города и использованием наряду с письменными источниками данных археологии. Знаменательно, что первые археологические исследования в Советской Белоруссии проводились именно в Заславле. Это не было простой случайностью. Уже на одном из первых заседаний Минского общества истории и древностей в 1921 г. была предложена тема доклада: «Заславль в исторической перспективе» [17]. По решению правления общества была создана комиссия для проведения археологических раскопок в Заславле в составе В. П. Сущинского, И. П. Поляка и

Н. Г. Маслаковца и в том же 1921 г. были проведены раскопки заславских курганов, датированных членами комиссии XI в., и городища Вал, где был открыт мощный культурный слой с материалами XVII в. и более древними, культурную принадлежность и датировку которых авторы раскопок определить точно не смогли [18]. К сожалению, доклады комиссии о результатах раскопок, прочитанные в обществе, не были опубликованы и окончательные выводы исследователей остались для нас неизвестными. В 1926—1928 гг. раскопки в Заславле проводил белорусский археолог А. Н. Лявданский. Одновременно исследования велись С. А. Дубинским, П. В. Харламповичем при участии А. Д. Ковалени [19]. Исследования велись в курганных группах I-IV, VI на городищах Вал и Замэчек и на одном из селищ. На основании раскопок курганного могильника, датированного XI — началом XII в., используя материалы раскопок предшественников, А. Н. Лявданский осветил ряд вопросов истории Изяславля, ранее не затрагивавшихся (этнический состав населения, развитие торговли). Описания погребального обряда и инвентаря дают представления о развитии некоторых ремесел, быте и верованиях населения древнего города. Однако следы самого летописного Изяславля обнаружены не были. Городище Вал было отнесено к XV—XVI вв., а найденные там материалы XI в. связаны с селищем, которое могло существовать на этом месте до строительства укреплений. Городище Замэчек, где были найдены материалы XI в., было определено А. Н. Лявданским как «кремль», «центр общественной и религиозной жизни», убежище, но не военное укрепление или торговый центр[20]. Время его сооружения определялось «не ранее начала XI в.». Однако непосредственно после первого года раскопок, осенью 1926 г. (а городище Замэчек исследовалось экспедицией А. Н. Лявданского только в 1926 г.), на выставке, организованной в Белорусском государственном музее материалы раскопок Замэчка датировались концом X—XI вв., а само городище характеризовалось как культовый центр и убежище[21]. Возможно, изменения во взглядах А. Н. Лявданского на характер и датировку памятника произошли не без влияния доклада Д. И. Довгялло[22], прочитанного последним в ноябре 1926 г. в Историко-Археологической комиссии Инбелкульта одновременно с докладом А. Н. Лявданского о результатах раскопок в Заславле. В своей работе Д. И. Довгялло, дав довольно полный обзор существующей литературы по истории Заславля (правда, с оценкой многих работ нельзя согла-

ситься), привел доказательства (на наш взгляд, малоубедительные) недостоверности летописного предания об основании города князем Владимиром Святославичем и отнес время возникновения Изяславля к началу XII в. (впрочем, в этой *же* работе он датирует город и XI—XII вв.)[23]. Положительной стороной работы Д. И. Довгялло было описание экономического состояния Заславля в середине XVIII в. Это была последняя работа, в которой история Заславля прослеживалась на протяжении девяти столетий.

Возобновилось изучение Заславля лишь в пятидесятые годы. По результатам раскрпок курганного могильника в 1957 г., когда в некоторых захоронениях были найдены вместе круговые и лепные сосуды, Э. М. Загорульский датировал древнейшие курганы Заславля X в.[24] П. А. Раппопорт по форме укреплений датировал городище Замэчек XI—XII вв.— временем широкого распространения оборонительных сооружений правильной геометрической формы, предположив, что городище является феодальной усадьбой[25]. Начиная с 1967 г. ряд лет раскопки в Заславле проводил Г. В. Штыхов. Исследовались курганный могильник, оба городища и территория, прилегающая к городищу Вал. В результате исследований был открыт городской посад XI—XIII вв.— неотъемлемая часть средневекового города и слои древнерусского времени на городище Вал. На этом же городище В. А. Гилеп в 1968 г. зафиксировал полуземляночное жилище XI—XII вв. Все это позволило Г. В. Штыхову заключить, что город на месте современного Заславля возник в конце X в., но укрепления его детинца были уничтожены при строительстве позднесредневековых оборонительных сооружений[26]. В последнее десятилетие появилось несколько работ, в которых рассматриваются укрепления городища Вал. Время их строительства устанавливается авторами лишь на основе определения фортификационной системы, к которой принадлежит заславский замок[27]. С 1977 г. археологические исследования в Заславле проводятся автором. Изучается курганный могильник, в котором выявлены еще четыре курганные группы. Значительные раскопки проведены на городище Замэчек, время сооружения которого на основании материалов, полученных при раскопках площадки городища и прорезки вала И рва, определяется второй половиной — концом X в. Материалы последних исследований дают возможность по-новому взглянуть на начальный этап истории города[28], однако окончательное решение вопроса о времени возникновения Изя-

славля, о социальной и экономической жизни города в эпоху средневековья связано с дальнейшим археологическим изучением Заславля.

---

[1] Лаврентьевская летопись.—ПСРЛ, т. I. СПб, 1846, с. 131, 132; Летопись по Воскресенскому списку.— ПСРЛ, т. VIII, СПб, 1856, с. 28.

[2] Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, т. I, с. 130, 131; Ипатьевская летопись—ПСРЛ, т. II, СПб, 1843, с. 11.

[3] Татищев В. Н. История Российская, т. 2.— М.—Л., 1963, с. 141—142; т. 4.— М.—Л., 1964, с. 187—188.

[4] Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I, 3-е изд.— СПб, 1830, с. 240—242, прим. № 398.

[5] Narbutt T. Dzieje starożytne narodu Litewskiego, t. 3.—Wilno, 1838, s. 234—265.

[6] Неволин К. А. Общий список русских городов. Поли. собр. соч., т. 6.—СПб, 1859, с. 54—55.

[7] Татищев В. Н. История Российская, т. 2; Соловьев С. М. История России, т. I.— М., 1959, с. 172, 173.

[8] Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века.— СПб, 1868, с. 42, 50; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— СПб, 1908, с. 173—175, 242, 247—251; Костомаров Н. Исторические монографии и исследования, т. XIII.—СПб,—М., 1881, с. 172—177; Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса).— В кн.: Ученые записки Саратовского университета, вып. 3. Саратов, 1923, с. 69—122; Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи.— В кн.: Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 209—217; Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетий.—Киев, 1878, с. 79—84; Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время.— В кн.: Полоцко-Витебская старина, вып. III. Витебск, 1916, с. 88—100.

[9] Гаусман М. А. Заславль. Исторический очерк. МГВ, 1877, № 49—51, с. 730—731, 749, 765; Живописная Россия, т. III, ч. 2.—СПб.—М., 1862, с. 361—362.

[10] Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.— Современник, т. XVIII, с. 33—34.

[11] Jelski A. Zasław Litewski.— Słownik geograficzny Królestwa polskiego i innych Krajów słowiańskich, t. XIV. Warszawa, 1895, s. 141—143; Tyszkiewicz K. Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej.— Teka Wileńska, 1856, 6, s. 103—137.

[12] Игнатьев Р. Г. Местечко Заславль или Изяславль, город потомков Рогнеды. Минские губернские ведомости, 1878, № 1, 2, с. 9—10, 24; Он же. Раскопка курганов в местечке Заславле Минского уезда.— МГВ, 1878, № 24, 25, с. 377—378.

[13] Игнатьев Р. Г. Раскопка курганов в местечке Заславле Минского уезда,—МГВ, 1878, № 24, 25, 26, 27, с. 377—378, 400—401, 423, 442—443; Он же. О памятниках древности в Минской губернии. В кн.: Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. I.— Антропологическая выставка 1879 г., т. III. М., 1880, с. 221—223; Указатель Московского Исторического музея.— М., 1893, с. 131, 132.

[14] Д а н и л е в и ч В. Е. Очерки по истории Полоцкой земли до конца XIV века.— Киев, 1896, с. 60; Довнар-Запольский М. В. Очерки истории кривичской и дреговичской земли до конца XII века.— Киев, 1891, с. 49—50; И л о в а й с к и й Д. И. История России, т. I, 2-е изд.—М., 1906, с. 323.

[15] Это было характерно и для более ранних работ, например Т у р ч и н о в и ч О. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен.— СПб, 1857.

[16] С л у п с к и й А. Изяслав и Туров рассадники христианства, основанные Владимиром св. в нынешней Белоруссии.— Северо-Западный календарь на 1887 г. Мн., 1888, с. 126—136; М и р о н о в и ч И. Рогнеда и судьба ее потомков в городе Изяславле.— Вильно, 1888; Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. IX. СПб, 1905, с. 516—518 (статья Сапунова С. А. о Заславле). К этим работам примыкает вышедшая уже в наши дни статья Ермаловича М. И. (Першыя старонкі, ПГКБ, 1979, № 1, с. 31—33), в которой совершению не принимается во внимание накопленный археологический материал.

[17] Этот доклад Л. У. Дашкевича был опубликован в журнале «Вольны сцяг», 1921, № 5—7.

[18] Минское общество истории и древностей.— Вестник Народного Комитета Просвещения, ССРБ, 1921, № 2, с. 40—42; Дневник раскопок, произведенных в м. Изяславль Минского у. В. Сушинским в 1921 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. I, д. 117.

[19] Л я ў д а н с к і А. Н. Архэолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі.— Працы, т. I, с. 1—95; Д у б і н с к і С. А. Дадатковыя раскопкі ў Заслаўі.— Працы, т. I, с. 253—255.

[20] Л я ў д а н с к і А. Н. Архэолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі..., с. 9, И, 67, 84.

[21] Архэолёгічная выстаўка ў Бел. дзярж. музэі.— Савецкая Беларусь, № 256, 1926.

[22] Даўгяла Зьм. Заслаўе на Меншчыне.— Працы, т. 1, с. 97—121.

[23] Там же,с. 111, 113, 114.

[24] Материалы и отчет раскопок хранятся в Государственном музее БССР.

[25] Р а п п о п о р т П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.—М.—Л., 1956, с. 93.

[26] Ш т ы х о в Г. В. Заславль в свете новых раскопок.— ТДКАБ.— Мч., 1969, с. 132—141; он же. Ажываюць сівыя стагоддзі.— Мн., 1974, с. 115—131; он же. Города Полоцкой земли.— Мн., 1978, с. 83—90.

[27] Г и л е п В. А. Некоторые сведения о памятниках в Заславле.— ТДКАБ, Мн., 1969, с. 142—143; К а л н и н В. Оборонный вал в Заславле.— Беларускія старажытнасці. М., 1972, с. 194—198; Т к а ч о ў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII ст.— Мн., 1978, с. 80—82.

[28] З а я ц Ю. А. К вопросу о происхождении Изяславля.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской СССР. Киев, 1981, с. 118.

В. А. КАРПЕКО

К ИЗУЧЕНИЮ КУРГАНОВ СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ X—XIII вв.

Раскопки погребальных памятников на территории Полоцкой земли начались в первой половине XIX в. Одним из первых исследователей археологических памятников Белоруссии был 3. Доленга-Ходаковский. Его исследования остались неопубликованными[1]. Есть некоторые сведения о раскопках, проведенных на Витебщине в середине прошлого века А. Плятером и А. Брандтом [2]. К. А. Говорский в начале 50-х годов раскопал несколько курганов возле Полоцка[3]. В бывших Минском и Борисовском уездах курганы исследовали братья Евстафий и Константин Тышкевичи. Е. Тышкевич определял курганы как древние погребения славян, а не как братские могилы воинов, как тогда думали. К. Тышкевич сделал ряд верных наблюдений под погребальным обрядом раскопанных им курганов[4]. В Борисовском, Виленском и других уездах раскопки вел А. К. Киркор. Он правильно датировал курганы с трупоположением в основном XI в. Погребения по обряду трупосожжения А, К. Киркор отнес к более раннему времени[5]. За столетие многие курганные могильники уничтожены. Тем большее значение для нас приобретает список археологических памятников бывшего Минского уезда, опубликованный Р. Г. Игнатьевым [6]. В северной части Борисовского района и в смежных районах Витебской области изучали курганные древности М. Ф. Кусцинский и Ф. Веренько. М. Ф. Кусцинский раскопал более 100 насыпей [7]. Ф. Веренько исследовал курганы у д. Путилковичи и составил археологическую карту окрестностей деревни. Вещи из его раскопок хранятся в музеях Польши [8].

Большое значение имеют работы Е. Р. Романова и Ф. В. Покровского. Их деятельность относится к последней трети XIX в. Е. Р. Романов раскапывал курганы в бывшем Сенненском уезде Витебской губернии. Близ д. Сокольники (бывшее имение Каховка) Витебского района он раскопал каменные могилы, датировав их XI в. Но, по-видимому, это могилы XII—XIII вв. В каменных могилах жальничного типа Е. Р. Романов видит новый этап развития курганного ритуала погребения, но без курганной насыпи [9].

Ф. В. Покровский изучал курганы в Понеманье и на Западной Двине и Диене, составил археологические карты Виленской и Гродненской губерний, включавшие памятники северо-западных районов Полоцкой земли. Круглые курганы с трупоположением Ф. В. Покровский датировал XI—XIV вв., выделяя насыпи XI в. как языческие. Курганный обряд захоронения исчезает, по его мнению, в результате влияния христианства в XIII—XIV вв.[10]

Заслугой В. 3. Завитневича является анализ погребального обряда дреговичей, определение границ их расселения. Он считал, что погребения по обряду трупоположения на горизонте были распространены у дреговичей, а трупоположения в ямах преобладали у кривичей[11].

Дореволюционные археологи сталкивались с большими трудностями при изучении погребальных обрядов, установлении хронологии курганных древностей. Несовершенной была методика раскопок. Датировки, сделанные дореволюционными археологами, отражали общую неразработанность вопросов хронологии курганов, в частности типологического анализа вещей, курганные комплексы находок длительное время не публиковались. В науке прошлого столетия высказывалось мнение о длительном существовании типов вещей (на протяжении столетий) в неизменном виде. Лишь археологу А. А. Спицыну удалось создать в основном верную датировку курганных древностей.

Следующим этапом в изучении курганов Полоцкой земли стали в 20—30-е годы нашего столетия работы А. Н. Лявданского, А. О. Рынейского, С. А. Дубинского, И. А. Сербова, А. Д. Ковалени, А. К. Супинского, В. Голубович и Е. Голубович. Эти исследователи использовали более совершенную методику раскопок и датировку курганов.

Под руководством А. Н. Лявданского было организовано археологическое изучение территории северной Белоруссии. Обследовались и раскапывались курганные могильники в окрестностях Минска, по Птичи и Свислочи, в окрестностях Полоцка и Витебска, в Ушачском и Дубровенском районах[1], по Западной Двине от ее верховьев до Полоцка. Итоги археологических разведок и раскопок изданы[12]. А. Н. Лявданский раскопал в Белорусском Поозерье свыше 100 курганов. На территории Западной Белоруссии, находившейся под властью буржуазной Польши, в 30-е годы производили значительные раскопки курганов в Глубокском, Миорском, Поставском и других районах В. Голубович и Е. Голубович,

С 1935 по 1939 г. ими исследовано 300 курганов. Труды А. Н. Лявданского и Голубовичей не утратили своего значения до настоящего времени.

А. Н. Лявданский изучал курганы кривичей. Погребальный обряд, по мысли археолога, развивался под сильным влиянием христианства от трупоположения в насыпи и на горизонте к трупоположению в подкурганной яме: Курганы с трупосожжением и ранние насыпи с трупоположением он отнес к языческим погребениям. Трупоположения в насыпи или на горизонте (с вещами) датированы XI — началом XII в. Захоронения в подкурганной яме без вещей характерны для XII в. Этот обряд приближается к христианскому погребальному ритуалу. А. Н. Лявданский вновь поставил вопрос о времени перехода от курганных могильников к грунтовым могилам и раскопал несколько каменных могил (Ствольно, Холхолица). Их дата — XII—XIV вв. В Холхолице есть курганы XI—XII вв. и могилы XIII—XIV вв., обложенные камнями [13].

В. Голубович и Е. Голубович датировали курганные могильники Подисненья и Понеманья с трупоположениями XI—XII вв. и более ранним временем. Интересен их вывод о том, что погребения по обряду трупоположения в яме не более позднее, чем ритуал погребения с трупоположением на горизонте, и, следовательно, нет основания утверждать, будто бы обряд погребения в яме сложился под влиянием христианства. Исследователи отмечают следы социальной дифференциации в обряде погребения [14].

В 50-е годы погребальные памятники на северо-западной окраине Полоцкой земли изучала Ф. Д. Гуревич. Она отметила, что уже в XII в. обычай насыпать курганы в среде славянского населения начинает исчезать и на территории их распространения появляются каменные могилы. Это был естественный переход от курганного обряда захоронений к могилам с небольшими насыпями [15].

К 50—70-м годам относятся обследования и раскопки курганных могильников Л. В. Алексеева, А. Г. Митрофанова, Э. М. Загорульского, Ю. И. Драгуна, З. М. Сергеевой, Л. В. Дучиц [16].

С 1960 г. раскопки курганов северной Белоруссии осуществляет Г. В. Штыхов. К настоящему времени раскопано свыше 200 курганов. По погребальному ритуалу, инвентарю, форме насыпи оказались кривичские, а в южной части Полоцкой земли и дреговичские курганы X—XII вв. с трупопо-

ложениями в насыпи, на горизонте, в ямах. Г. В. Штыхов пишет о генетической связи между курганами кривичей XI—XII вв. и предшествовавшими им круглыми курганами с сожжением IX—X вв. и длинными насыпями третьей четверти I тысячелетний н. э.[17] Изучая городские курганные некрополи, он установил некоторую специфику инвентаря погребений. Исследователь провел кропотливую работу по сбору сведений об известных курганах и других археологических памятниках Белорусского Поозерья и опубликовал их во втором выпуске «Археологической карты Белоруссии» в 1971 г.

Автор этой статьи исследовал курганы в окрестностях Минска в 1979 г. Всего раскопано восемь курганов в верховьях Птичи. Близ д. Городище Щемыслицкого сельсовета, в 1,5 км к северу от этой деревни, в курганной группе I раскопан один курган. В 0,2 км от этой группы расположена вторая курганная группа, где был исследован тоже один курган. Около д. Дудовка раскопано пять курганов с трупоположением. Все курганы датируются X—XI вв. При некоторых костяках найдены топоры и круговые сосуды, аналогичные керамике городища и селища на р. Менке, притоке Птичи. У д. Озерцо, близ впадения Менки в Птичь, исследован курган высотой три метра. Вверху обнаружено трупосожжение X или начала XI вв., ниже — сруб 4Х4 м из четырех венцов без погребения.

Особого внимания в дальнейшем изучении курганов Полоцкой земли X—XIII вв. заслуживают вопросы хронологии и погребального обряда. Для их решения необходимо продолжение в еще более широких масштабах исследования курганных могильников, особенно в верховьях Березины, Птичи и Свислочи.

---

[1] К о х а н о в с к и й Г. А. Открытый лист 3. Доленги-Ходаковского.— В сб.: Белорусские древности. Мн., 1967, с. 453—455.

[2] А л е к с е е в Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.—Тр. ПОКЭ, т. I. М., 1959, с. 274.

[3] Г о в о р с к и й К. А. Поездка из г. Полоцка по направлению т. н. Ольгердовой дороги.— Записки археологического общества, т. 5, СПб, 1853.

[4] Т ы ш к е в и ч К. О курганах *в* Литве и Западной Руси.— Вильно, 1865.

[5] К и р к о р А. К. Археологические разыскания в Виленской губернии.— Известия русского археологического общества, I. СПб, 1859, с. 17.

[6] И г н а т ь е в Р. Г. Курганы и городища в Минской губернии.— МГВ, 1878, № 51, 52; 1879, № 1, 2, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 17, 18.

[7] К у с ц и н с к и й М. Ф. Из заметок о курганах Лепельского уезда.— Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск, 1903, № 7.

[8] П о б о л ь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши.— Мн., 1979, с. 117.

[9] Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г., Тр. МАО, т. 13. М., 1889; Он же. Раскопка в имении Каховка Витебского уезда.— Тр. МАО, т. 16. М., 1900; Он же. Отчет о раскопках в Могилевской и Витебской губерниях в 1893 г.— Архив III отдела Государственного исторического музея в Москве.

[10] Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.— Тр. IX АС, т. I. М., 1895; Он же. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении.— Тр. X АС. М., 189.

[11] Завитневич В. 3. Формы погребального обряда в курганах Минской губернии.— Тр. IX АС, т. I. М., 1895; Он же. О курганах Минской губернии.— Календарь Северо-Западного края за 1890 г. М., 1890.

[12] Працы, т. I; Працы, т. 2; Працы, т. 3; Науковы зборнік Інстытута беларускай культуры.— Мн., 1925; Гістарычна-археалагічны зборнік.— М., 1927, с. 195—231.

[13] Працы, т. II, с. 172—173.

[14] Голубович Е. и Голубович В. Славянские поселения правобережной Диены в Вилейском округе БССР.—КСИИМК, 1945, с. 126—137.

[15] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья.— М.—Л., 1962, с. 130, 139.

[16] Штыхов Г. В. Археология Полоцкой земли за 50 лет.— В сб.: Древности Белоруссии. Мн., 1969; Сергеева 3. М. Раскопки курганов в Толочинском районе. КСИА, 1972, № 129, с. 61—64; Она же. Раскопки курганов на северо-западе Витебской области.— АО — 1975. М., 1976, с. 425—426; Дучиц Л. В. Исследования в Браславском и Миорском районах.—АО —1977, М., 1978, с. 41—43.

[17] Штыхов Г. В. Полоцкие кривичи.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. М., 1972, с. 22.

Л. В. КОЛЕДИНСКИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. ПРОНИ В ЧАУССКОМ Р-НЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1978 г. автором была совершена археологическая разведка в Чаусском р-не Могилевской области. Наиболее полно был обследован бассейн р. Прони (рис. 1). На территории этого района известно около 50 памятников археологии, из них 21 — в бассейне р. Прони. Памятники обследовались Е. Р. Романовым в 90-е годы XIX в., В. Р. Тарасенко в 1930 г., И. А. Сербовым в 1932 г., О. Н. Мельниковской в 1958 и 1975 гг., Я. Г. Риером в 1973 г., М. А. Ткачевым в 1974 г., Л. Д. Поболем[1]. В статье представлен список археологических памятников бассейна Прони в Чаусском р-не с учетом литературных данных и материалов обследований 1978 г. Не приводятся планы городищ и курганных групп, поскольку

они в основном опубликованы. Исключение составляет городище Царскія вароты, выявленное автором (рис. 2).

1. Радомля 1. Городище расположено на левом берегу р. Радомля (Радучи) в ур. Замковая гора, занимает высокий береговой холм. Высота городища 18—25 м. Размеры площадки 32х50 м. Форма — эллипс. Вытянутый по линии север — юг и имеющий наклон с северо-востока на юго-запад. В северной части городище укреплено валом и рвом. Высота вала от 2 до 4 м. Культурный слой городища достигает мощности 0,8—2,2 м. В слое встречается керамика милоградской и зарубинецкой культур, а также предметы XII—XVII вв.[2]

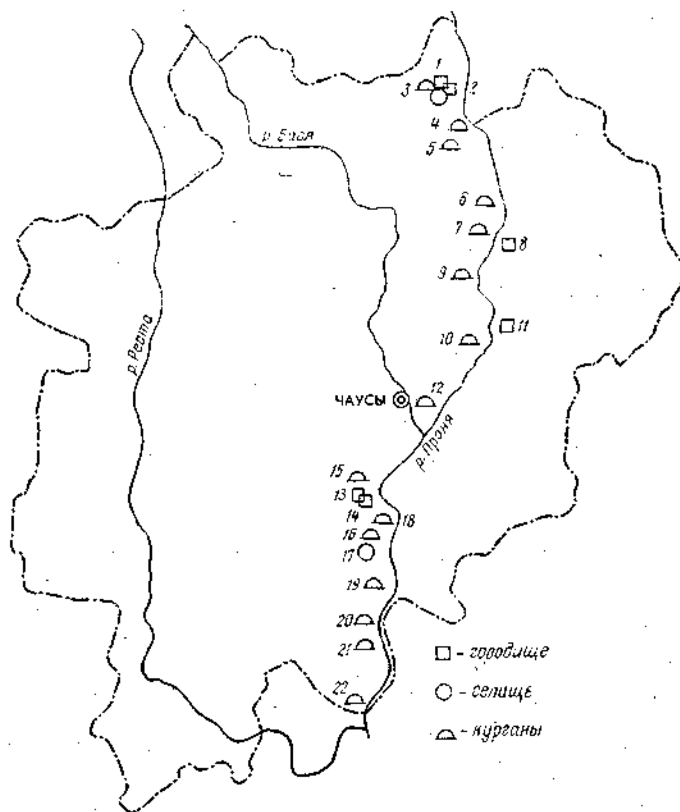

Рис. 1. Археологические памятники бассейна р. Прони в Чаусском р-ие

Культурный слой нарушен, так как территория памятника занята кладбищем.

2. Радомля 2. Городище. Селище. Городище расположено на мысу, укреплено валом и рвом. Мощность культурного слоя 0,3 м. Рядом селище. В культурном слое мощностью 0,5—2 м керамика XII—XVII вв.

3. Радомля 3 (хутор Калясянка, Калясин). Курганную группу из 40 курганов[3], частично распаханных, на левом берегу р. Радомли (Радучи) отмечал в 1932 г. И. А. Сербов.

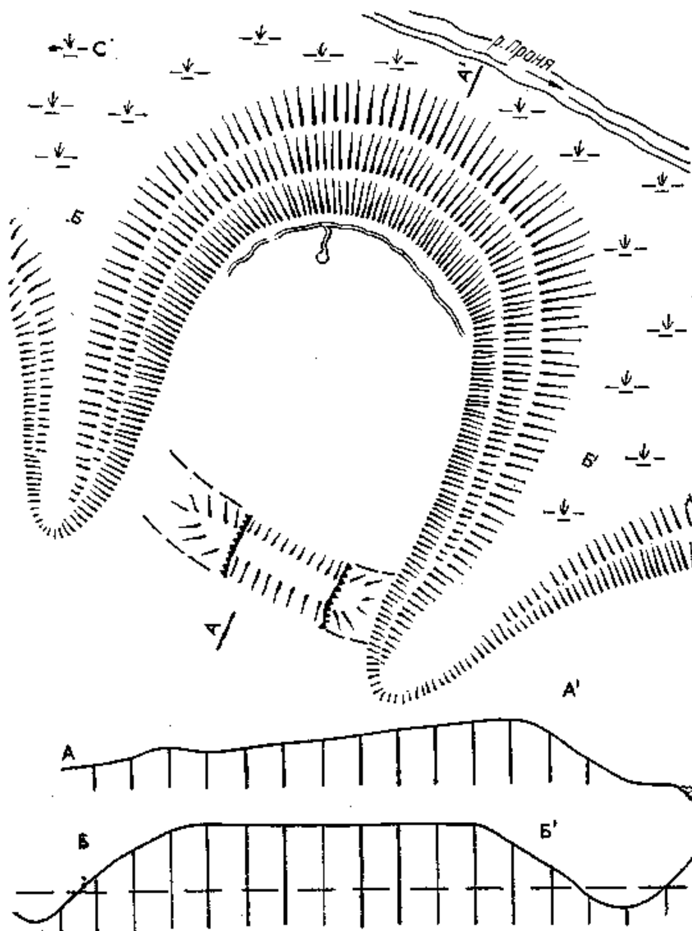

Рис. 2. План городища Царскія вароты

Им же раскопано два кургана из этой группы. Выявлено трупоположение на грунте.

4. Селец. Курганная группа из 35 курганов, расположена в ур. Тешина, в березовой роще, в 1,5 км юго-восточнее деревни. Высота курганов 0,8—3,2 м, диаметр 5—11 м.

5. Чижи. Курганы расположены на правом берегу Радомли при впадении ее в Проню [4], у деревни, в поле. Высота курганов 2,5—3 м.

6. Галузы. Курганная группа из семи курганов находится на правом берегу Прони при впадении в нее р. Катанки[5], близ деревни.

7. Прилеповка 1. Городище расположено на левом берегу Прони при впадении в нее р. Саладец, в ур. «Гарадзец», в 0,5 км воеточнее деревни. Занимает высокий береговой холм-мыс. Высота до 17 м. Размеры площадки 22Х60 м. Форма овальная, вытянута по линии север — юг. Укреплено городище подковообразным валом и рвом. Высота вала над площадкой от 3 до 5 м, ширина у основания 18 м. Вал проходит по южному краю площадки, прикрывая напольный склон городища. Склоны городища крутые. У подошвы южного склона ров шириной 20 м, глубиной 7—8 м. Площадка и склоны городища густо поросли орешником. В довоенное время на городище была крестьянская усадьба, следы которой сохранились.

8. Прилеповка 2. Курганная группа из шести курганов расположена на правом берегу р. Прони, в 0,2 км западнее деревни, вдоль дороги Путьки — Барышава. Курганы расположены группами по два кургана. Расстояние между группами до 200 м, между курганами в группе 3—20 м. Высота курганов 1,5—3 м, диаметр 6—10 м. Сохранность курганов хорошая. Насыпи сооружены из суглинка желтого цвета с вкраплениями угольков. Местное название курганов «капцы» население связывает с захоронениями шведов.

9. Барышава. Курганная группа из девяти курганов расположена на правом берегу Прони у деревни [6].

10. Староселы 1. Остатки курганной группы из одного целого и одного полуразрушенного кургана находятся на правом берегу Прони, 0,5 км юго-западнее деревни, на краю обрыва, в молодом березняке. Высота сохранившегося кургана 1 м, диаметр 10 м. В 2—3 м северо-восточнее следы еще одного кургана. По профилю полуразрушенной насыпи прослеживается материал сооружения кургана — светло-серая супесь. В ней найдены два фрагмента лепной и один фрагмент

гончарной керамики. По-видимому, курганная группа насчитывала значительно больше насыпей, которые постоянно разрушались при ежегодных разливах Прони в результате размыва коренного берега.

И. Староселы 2. Городище расположено около Прони[7], в 0,5 км от деревни. Местные названия городища «городок» и «окоп».

12. Чаусы 1. Курганная группа из 89 курганов расположена в междуречье Баси и Прони, в 2 км северо-восточнее Чаус, в 0,5 км южнее шоссе Чаусы — Чериков. Размеры могильника 60Х300 м. Могильник вытянут по линии север — юг Высота курганов 1—2,7 м., диаметр 5—12 м. Некоторые курганы имеют по верху воронкообразные углубления и вокруг небольшие ровики. Часть курганов повреждена. Состав насыпей — супесь темно-серого цвета с небольшим содержанием угольков. В 30-е годы И. А. Серов отмечал здесь до 130 курганов [8]. Памятник на протяжении ряда лет исследуется Я. Г. Риером[9].

13. Высокое 1. Городище Царскія вароты находится на правом берегу р. Прони, в 200—250 м северо-восточнее деревни, в ур. «Царскія вароты». Когда-то располагался на мысу, образованном двумя глубокими параллельными оврагами, отрезающими часть правого высокого (12—15 м) коренного берега р. Прони. Площадка имеет размеры 75Х80 м, вытянута и наклонена по стрелке мыса. По ее краю проходит траншея военного времени.

Городище имеет укрепления. Естественные укрепления — крутые склоны в 30—45°. Северо-восточный склон спускается к пойме Прони, северо-западный и восточный переходят в овраги глубиной 8—10 м. Искусственное укрепление — вал — находится на юго-западной окраине площадки городища, прикрывая его с напольной стороны. Высота вала 2 м, ширина у основания 20 м. Вал сохранился на длину до 30 м при ширине перемычки мыса в 75 м. Он распахивается. Материал сооружения — плотная красная глина. Культурный слой городища — супесь серого цвета мощностью до 60 м. На распахиваемой части площадки на фоне серого слоя земли пятна темно-серого и черного цвета, где встречаются скопления глины и керамики. Возможно, что это следы жилищ. Находки на городище представлены 27 фрагментами глиняной посуды: 3 венчика, 3 боковые стенки с орнаментом, остальные — гладкостенные. Орнамент — крупная волна, рельеф частый мелкий и редкий широкий. Керамика в основном гончарная и

может датироваться X—XI вв.[10] В. Р. Тарасенко отмечал, что крестьяне издавна здесь находили какие-то бронзовые вещи [11].

Городище Царскія вароты относится к городищам мысового типа. Время бытования его — раннефеодальный период. Городище выявлено автором во время разведки в 1978 г.

14. Высокое 2. Городище. Находится на правом берегу Прони, в 200 м северо-восточнее деревни, в ур. «Гарадок», расположено на мысу, образованном двумя параллельными оврагами, отрезающими часть правого высокого (9—11 м) коренного берега р. Прони. Размеры площадки 22Х26 м. Форма — эллипс, имеющий небольшой уклон с севера на юг и вытянутый по линии направления Прони. С напольной стороны городище укреплено дугообразным валом и рвом. Высота вала над площадкой 6 м, ширина у основания 15 м. Глубина рва 8 м. Склоны городища и площадка задернованы, поросли мелким кустарником и молодыми деревцами. Культурный слой городища имеет мощность до 66 см и представляет собой светло-серую супесь. Из находок встречается лепная керамика. В прошлом площадка городища распахивалась. По сообщениям местных жителей, на территории городища находили стремена, шпоры, каменные шлифованные молотки [12]. Городище, вероятнее всего, относится к раннему железному веку и датируется VII в. до н. э.— IV в. н. э. Местное название «гарадок». Появление его связывают с провалившимся когда-то городом.

15. Высокое 3. Курганная группа из 18 курганов находится на правом берегу Прони [13]. Курганы распахиваются.

16. Кузминичи 1. Курганная группа из 22 курганов расположена на правом берегу Прони [14], на опушке молодого сосняка, в 2 км восточнее д. Кузминичи, вдоль дороги Кузминичи — Заречье. Площадь могильника 20Х200 м, расстояние между курганами от 3—5 до 10—12 м. Высота курганов 1,1—2,7 м, диаметр от 4 до 9 м. Форма насыпей — полусфера. По верху курганов имеются воронкоподобные углубления. Сохраность большинства курганов хорошая. Материал насыпи— темно-желтый суглинок с небольшим содержанием угольков. Курганы задернованы, на некоторых из них растут сосны. В 1930 г. В. Р. Тарасенко отмечал тут до 70 курганов, которые подвергались распашке. Местное название курганов «капцы» и «уніяцкія могілкі». Появление их связывают с захоронением униатов.

17. Кузминичи 2. Селище расположено юго-западнее кур-

ганной группы в ур. «Негіна Гара». Площадь селища 0,5 кв. м. Встречаются лепная керамика со следами штриховки, лепная гладкостенная и гончарная с волнистым орнаментом, фрагменты кремневых и каменных орудий. Селище разрушается.

18. Петуховка. Курганная группа из 30 курганов находится на правом берегу Прони[15], на южной окраине деревни. Курганы частично распаханы. В 1932 г. И. А. Сербов вскрыл три кургана. Было выявлено трупоположение на грунте с двумя кострищами. Ориентировка погребений: мужское — головой на восток, женское — на запад. Захоронение в гробу. Из находок были найдены горшок с волнистым орнаментом, бронзовые украшения: крестик, бубенчик, лунницы, перстни пластинчатые ложнозерненые, бочонкообразные лимовидные бусы. Курганный могильник относится к эпохе Киевской Руси и датируется X—XI вв.

19. Скоклево. В 2 км от деревни курганы [16].

20. Ужарь (Вужар). Одиночный курган находится на правом берегу Прони, на западной окраине д. Ужарь, в 100—150 м от нее, справа от дороги Дужевка — Чаусы. Курган расположен на территории современного кладбища. Высота кургана 1,5—1,7 м, диаметр 9 м. Форма насыпи — полусфера. Поверху насыпи имеется воронкообразное углубление. Курган задернован. Материал сооружения насыпи — суглинок. Курган поврежден поздними захоронениями. Вероятно тут имелась курганная группа, которая была уничтожена при строительстве дороги или поздним кладбищем. Местное название кургана «капец».

21. Дужевка. Курганная группа из трех курганов находится на правом берегу Прони, на северной окраине д. Дужевка, в 150 м правее дороги Хоронево— Чаусы, в молодом березняке. Курганы расположены следующим образом: два рядом, третий на расстоянии около 300 ми от них на север. Высота курганов от 1,5—2 м до 3—4 м, диаметр 10—12 м. По верху курганов заметны небольшие воррнкоподобные углубления. Курганы задернованы, на некоторых из них растут молодые березки. Хорошо сохранился один курган. Два кургана повреждены склепами, сделанными в них. Материал сооружения насыпи — суглинок. В 1932 г. И. А. Сербов отмечал здесь до 12 курганов[17]. Местное название курганов «капцы».

22. Теплое (Цёплае). Курганная группа из 30 курганов находится на правом берегу Прони, с южной стороны с. Теплого [18].

В результате обследования удалось установить, что памятники археологии бассейна Прони в Чаусском районе расположены в основном на правобережье. Городища, как правило, занимают мыс или высокий береговой холм. Время существования городищ — железный век, имеются и городища, бытовавшие в раннее средневековье (Радомля, Царскія вароты). Курганы в своей массе относятся к эпохе Киевской Руси, но, видимо, есть и более ранние. Количество курганов в курганных группах невелико. В самой большой группе 89 насыпей — г. Чаусы. Высота курганов колеблется от 1 до 4 м, диаметр от 4—5 до 10—12 м. Некоторые курганы имеют по верху западины, воронкоподобные углубления, ровики вокруг. В устройстве оборонительных сооружений городищ использованы природные препятствия (овраги, река, крутые склоны холма или мыса) и искусственные сооружения (валы, рвы). В XIX в., в 30-е годы нашего столетия археологических памятников в бассейне Прони было раза в два больше. Количество памятников археологии быстро сокращается, отчасти в результате интенсификации сельскохозяйственных работ и расширения пахотных площадей, отчасти из-за расширения населенных пунктов и связанных с этим различных строительных работ (строительство дорог, мостов и т. д.). Сохранившиеся памятники в основном еще неплохой сохранности, хотя некоторые из них носят недавние следы повреждений и разрушений.

---

[1] Сведения 1873 г. о городищах и курганах.— Известия Археологической комиссии, вып. 5. Спб, 1903; Р о м а н о в Е. Р. Заметка о дополнительных археологических местонахождениях.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893; Т а р а с е н к а В. Р. Археолёгічная праца на Магілеўшчына ў 1930 годзе.— Працы, т. III, Менск, 1932; С е р б а ў І. А. Археолёгічныя обследавання ў вадазборах рэк Проні-Ухлясці ў был. Магілёўшчыне.— Працы, т. III. Менск, 1.932; Древности железного века в Междуречье Десны и Днепра.—САИ, вып. д. 1—12. М., 1962; Р и е р Я. Г. Отчет об археологической разведке в Чаусском и Славгородском р-нах Могилевской области в 1972 году.— АИИ АН БССР, д. № 392; П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974; Т к а ч е в М. А. Работы Посожского отряда.— АО.— 1976. М., 1977, с. 417; К а л я д з і н с к і Л. У. Справаздача аб археалагічнай разведцы ў Чавускім р-не Магілёўскай вобласці ў 1978 годзе.— АИИ АН БССР, д. № 575.

[2] Т к а ч е в М. А. Работа Посожского отряда.— АО.—1976, с. 417.

[3] С е р б а ў І. А. Археолёгічныя обследавання ў вадазборах рэк Проні-Ухлясці ў был. Магілёўшчыне.— Працы, т. 3, с. 240, 241.

[4] Сведения 1873 года о городищах и курганах.— Известия Археологической комиссии, вып. 5. Спб, 1903, с. 59.

[5] Там же.
[6] Там же.
[7] П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, с. 236.
[8] С е р б а ў І . А. Археолёгічныя обследаванні..., с. 240.
[9] Р ы е р Я. Г. Помнікі феадальнай вёскі.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, № 3. Мн., 1978, с. 33, 34.
[10] Определение А. Г. Митрофанова.
[11] Т а р а с е н к а В. Р. Археолёгічная праца..., с. 238.
[12] Там же.
[13] Сербаў І. А. Археолёгічныя обследавання..., с. 240.
[14] Т а р а с е н к а В. Р. Археолёгічная праца..., с. 239.
[15] С е р б а ў І. А. Археолёгічныя обследавання..., с. 240, 241.
[16] Сведения 1873 года; Древности железного века в Междуречье Десны и Днепра.
[17] С е р б а у І. А. Археолёгічныя обследавання..., с. 240.
[18] Там.же.

О. Н. *ЛЕВКО*

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ВИТЕБСКА

Многочисленные археологические материалы XIV—XVIII вв., полученные во время исследований последнего десятилетия, которые могут дать широкое представление о технологии, типологии и хронологии средневековой белорусской керамики, еще не освещены в литературе. Поэтому существенное значение приобретает разработка методики систематизации и анализа этого вида археологического материала.

Позднесредневековая керамика имеет две характерные черты: стандартизацию формообразования и многообразие технологических приемов изготовления. Исходя из этих свойств, за основу ее исследования необходимо принимать технологию производства.

Значительным вкладом в изучение техники и технологии белорусского гончарства явилась работа В. Голубовича[1]. Фиксация различных приемов формовки — кольцевого, спирального налепов, вытягивания сосуда из одного куска глины, изучение обжигательных устройств и конструкции гончарных кругов — дала богатейшую информацию о характере, уровне сельского гончарного производства западных областей Белоруссии. Сведения о керамическом производстве восточных областей Белоруссии имеются в работах А. С. Дембовецкого[2], А. А. Бобринского[3]. Технология производ-

ства и техника обработки поверхности средневековой керамики получили отражение в археологических и этнографических работах исследователей смежных территорий[4]. Приводимые ими данные позволяют в какой-то мере восполнить недостающую информацию применительно к соответственным группам керамики с территории Белоруссии. В разработке вопросов терминологии, типологии и хронологии позднеередневековой керамики видное место принадлежит исследователям московских материалов М. В. Воеводскому, М. Г. Рабиновичу, Р. Л. Розенфельдту[5]. Важна классификация московской бытовой и архитектурно-декоративной керамики по двум технологическим признакам: характеру обжига и обработке поверхности изделия. На современном уровне археологической науки большое значение приобретает физико-химическое исследование средневекового керамического материала, дающее сведения об уровне технологии производственного процесса, качественном составе сырья, температурном режиме и т. д. Имеется ряд работ как общего характера [6], так и по конкретным археологическим памятникам, в которых затрагиваются те или иные вопросы, связанные с технологией производства керамики.

Витебская позднесредневековая керамика подвергалась химической и термической обработке. Спектральный анализ основания позволил выделить постоянные группы керамики XIV—XVIII вв., различающиеся по химическому составу (табл. 1).

При сличении показателей спектрограмм выделенных групп с химическим составом сырья витебских месторождений Журжево, Журжево-II и Церковщина удалось установить местное происхождение группы 4. По количественным характеристикам она наиболее близка сырью из Церковщины (табл. 2).

Письменные источники подтверждают, что в XIX в. для кафельных заводов Витебска использовалось сырье из месторождения Церковщина [7]. В то же время ряд образцов из витебского культурного слоя, визуально отличающихся от основной массы керамики XIV—XVIII вв., имеет одинаковые количественные характеристики с керамикой из раскопок Каунаса, что позволяет расценивать этот материал как привозной (образцы 15, 20, 21).

В результате термической обработки 45 образцов из Витебска (36) и Каунаса (9) установлена атмосфера (окислительная и восстановительная) и температура обжига разных

Таблица 1

Сравнительная характеристика химического состава основания

Коллекционный № образца	Наименование изделия	Век	Содержание окислов, %						Примечания
			SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	K_2O+ $+Na_2O$	
I группа									
1-й	горшок	XIV	80	5	5	2	3	5	витебская
3-й	горшок	XV	80	5	5	2	3	5	»
4-й	горшок	XVI	80	5	5	2	3	5	»
30-й	горшок	XV	80	5	5	2	3	5	»
II группа									
43-й	кувшин	XVII	40	20	5	15	15	менее 5	каунасская
15-й	кувшин	XVI	40	20	5	15	15	менее 5	витебская
III группа									
20-й	горшок	XIV	60	10	10	10	5	около 5	витебская
39-й	горшок	XV	60	10	10	10	5	около 5	каунасская
IV группа									
6-й	сковорода	XVII	50	15	15	15	10	около 5	витебская
7-й	тарелка	XVII	50	15	15	5	10	около 5	»
9-й	тарелка	XVII	50	15	15	5	10	около 5	»
28-й	изразец	XVI	50	15	15	5	10	около 5	»
29-й	черепица	XVI	50	15	15	5	10	около 5	»
V группа									
37-й	кувшин	XV	50	10	10	20	10	около 5	каунасская
21-й	горшок	XVI	50	10	10	20	10	около 5	витебская

категорий керамических изделий из отдельных хронологических уровней.

В XIV в. витебский культурный слой характеризуется наличием керамики серого цвета, обжигавшейся в двух атмосферах: окислительной и восстановительной. Температура обжига не превышала 700—800 °С. Обнаруженная в слое

Таблица 2

Сравнительная характеристика составляющих основания витебской керамики и глины из месторождения Церковщина

Наименование образца	Содержание окислов, %				
	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO
Керамика IV группы	50	15	15	5	10
Глина из Церковщины	51—54	15—18	6—8	6—9	9—10

XIV в. импортная белоглиняная керамика обожжена при температуре 950 °С. В XV в. обжиг тонкой столовой посуды увеличивается до 900—950 °С, в то время, как при обжиге кухонных горшков применялись низкие температуры (700—800 °С). Сопоставление результатов исследования термической обработки образцов керамики XIV—XVIII вв. из Витебска с данными каунасских материалов и керамики Варшавы показало, что на территории Польши, Литвы и Белоруссии в средние века уровень температурных режимов керамики был общим.

Применяющиеся в современном керамическом производстве примеси характерны и для средневековой керамики[8]. Для изучения примесей различных видов керамических изделий брались сведения, полученные у современных гончаров Витебщины, Гродненщины. Н. И. Симаньков из г. Дубровно сообщил, что дресва («жарства») и песок средней зернистости использовались для изготовления горшков. Мелкий светло-желтый песок применялся в производстве тонкостенных кувшинов. О смешивании песка с керамической глиной в гончарных мастерских Западной Белоруссии упоминает и В. Голубович[9]. В средние века песок и дресва добавлялись в керамическую массу и на территории Польши [10]. Производство массовой продукции для- рынка вынуждало гончаров прибегать к новым технологическим приемам.

По материалам нижнего культурного слоя Витебска IX—XI вв. А. А. Бобринским установлены три способа налепа при конструировании полого тела сосуда: лоскутный, кольцевой и спиральный[11]. Из общего числа исследованной им керамики 36,3% составляют лоскутный и кольцевой налепы и 63,7%—спиральный.

Витебские материалы позднесредневекового периода позволяют предположить синхронность развития технических

приемов с западноевропейскими навыками этого времени, что несколько опережало развитие тех же приемов на территории Русского государства [12]. Если в XIV и XV вв. преобладала лепка от руки и обтачивание посуды, то уже со второй половины XVI в. преимущественным в производстве витебской керамики, по всей вероятности, становится вытягивание сосуда из одного куска глины. Наблюдения за техникой вытягивания сосуда в Городке, Дубровно Витебской области показали, что все детали (днище, стенки, венчик) последовательно вытягивались и лишь ручка крепилась к уже готовому изделию. Достаточно разнообразна техника обработки поверхности витебской керамики.

Вопрос хронологических рамок бытования той или иной группы керамики на данной территории приобретает первостепенное значение. С хронологией керамики непосредственно связаны вопросы ее типологии и статистической обработки. Все они в большей или меньшей степени затрагиваются в ряде работ советских и зарубежных исследователей[13].

Типологически бытовая керамика Витебска XIV—XVIII вв. была разделена нами на резко различающиеся по форме группы. Выделены горшки, макотры, миски, тарелки, сковородки, кувшины. В основу классификации керамического материала из раскопок Витебска XIV—XVIII вв. положена система признаков. Она подразделяется на два раздела: технологический (формовка, сырье, примеси, обжиг, техника обработки поверхности, назначение посуды) и морфологический (параметры сосуда, типология элементов сосудов, степень орнаментированности и элементы узора).

Каждый раздел признаков состоит из единиц, которые позволяют дать полную описательную характеристику предмету. Так, формовка изделий отражает все характерные конструктивные приемы (кольцевой, спиральный налепы, вытягивание из куска, обтачивание, точение, клеймо), сырье — происхождение сосуда (местное, импортное), химический состав, выделение примесей. Обжиг может быть равномерным, неравномерным, окислительным или восстановительным. Техника обработки поверхности изделия показывает приемы орнаментации (штамп, гребенка, зубчатое колесико, ногтевой орнамент, рифление, роспись, ангоб, лощение, пальцевые вдавления, художественные приемы — кайма, карниз) и введение цветных тонов. Под введением цветных тонов подразумеваются повышение износоустойчивости изделий (обваривание), придание керамике более эффектного внешнего вида

Горшки
Типы и варианты
А Б В Г Д Е
Группа 1
Группа 2

Макотры
Миски
Типы и варианты
А Б А Б В
Группа 1
Группа 2

Кувшины
Тарелки
Типы и варианты
А Б В Г А Б В

Сковородки
Типы и варианты
А Б В

Рис. 1. Типология посуды XIV—XVIII вв.

(ангобирование, роспись, полива). Параметры сосуда включают диаметры венчика, основания шейки, тулова, днища, общую высоту сосуда, высоту шейки, плечика, придонной части изделия. В керамике XIV—XVIII вв. наблюдается определенная закономерность в степени орнаментации и характере элементов узора для каждого хронологического отрезка. Нами учитывалась орнаментация венчика, шейки, плечика, придонной части.

Представленные на рис. 1 типы бытовой керамики выделены согласно изложенной системе признаков. Они разделены на группы (1 и 2) по хронологическому принципу. К группе 1 относится керамика XIV—XV вв., к группе 2 — керамика XVI—XVIII вв. Кувшины, тарелки, сковородки на группы не подразделяются, так как датируются лишь XVI—XVIII вв.

№№ пп.	Наименование	Группа	Тип	I пол. XIV в.	II пол. XIV в.	I пол. XV в.	II пол. XV в.	I пол. XVI в.	II пол. XVI в.	I пол. XVII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.
1	Горшки	первая	А	60	30	5	1						
			Б	30	40	20	15	5	1				
			В	5	15	30	20						
			Г		1	15	20						
			Д		2	10	20	2					
			Е	5	17	20	24	10	5	2	1		
		вторая	А					40	15	10	10	10	10
			Б					25	20	15	10	10	10
			В					18	30	30	25	25	30
			Г						9	12	18	25	20
			Д						10	21	25	15	10
			Е						10	10	11	15	20
2	Мактры	первая	А	60	60	40	30	3	1	1			
			Б	40	40	60	60	7	2	1			
			В				10	15	15	8	5	2	
		вторая	А					10	15	20	25	25	35
			Б					45	40	40	35	28	25
			В					20	27	30	35	45	40
3	Миски	первая	А	80	80	70	60	10	5	2	1		
			Б	20	20	30	40	20	20	15	10	5	1
		вторая	А					70	65	63	55	40	25
			Б							20	30	35	30
			В								4	20	44
4	Тарелки		А						85	60	30	15	15
			Б						13	35	30	20	10
			В						2	5	40	65	75
5	Кувшины		А					80	60	50	45	40	35
			Б					20	30	25	10	2	1
			В						7	15	35	53	63
			Г						3	10	10	5	1

Рис. 2. Процентное соотношение основных типов бытовой керамики в культурном слое

Хронология основной массы керамического материала базировалась на его распределении в слое по пластам. Четкая стратиграфия культурных напластований послужила основой для выделения отдельных хронологических срезов. Вычисление процентного соотношения типов керамики по пластам позволило проследить их распределение в слое в определенной временной последовательности (рис. 2).

К бытовой керамике относятся курительные трубки, помадные банки, лампадки, игрушки. Ввиду немногочисленности этих изделий они не подвергались типологическому анализу.

Архитектурно-декоративная керамика в витебском культурном слое представлена изразцами. Выработаны следующие признаки их учета*. Технологический раздел: форма изготовления (соединение румпы с лицевой пластиной); вид крепления изразца; обжиг; сырье и примеси; обработка лицевой поверхности; вид полив и их составляющие. Морфологический раздел: форма и размеры лицевой пластины; тип изразца; характеристика румпы; орнамент. Изразцовый материал, как и бытовая керамика, по этим признакам получает исчерпывающее описание. Характер соединения румпы с лицевой пластиной освещает конструктивные особенности изготовления изразцов. Наличие в румпах отверстий для проволоки или пальцевых вдавлений свидетельствует о двух видах их крепления. Обработка лицевой поверхности устанавливает принадлежность изразца к той или иной технологической группе (терракотовый, муравленый, полихромный, рельефный, расписной).

Существенное значение при установлении хронологии изразцов имеют их форма, размеры лицевой пластины, полива (эмаль, глазурь). Типологически изразцы включают: лицевую пластину, угловой изразец, карнизный, поясовой, перемычку, угловое навершие, балясину. Для изразцов различных хронологических отрезков характерны разные высоты румп, углы их отклонения. По орнаментальному заполнению лицевой пластины изразцы подразделяются на выполненные в реалистической и стилизованной форме (портретные, геральдические, геометрические, растительные орнаменты, элементы гротеска).

---

* Имеются в виду коробчатые изразцы XVI—XVIII вв.

[1] Hotubowicz W. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi.— Toruń, 1950.

[2] Д е м б о в е ц к и й А. С. Опыт описания Могилевской губернии, т. 2.
[3] Б о б р и н с к и й А. А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области.— СЭ, 1962, № 2.
[4] Р а б и н о в и ч М. Г. О древней Москве.— М., 1964; Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— М., 1968; Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР.— Этнография. Л., 1930, № 3—4; П о л е в о й Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.— Кишинев, 1969.
[5] В о е в о д с к и й М. В. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя.— По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.—Л., 1936; Р а б и н о в и ч М. Г. Московская керамика.—МИА, № 12, 1949, с. 57—105; Р о з е н ф е л ь д Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.
[6] К р у г О. Ю. Применение петрографии в археологии.— МИА, № 12, 1965; Г р а ж д а н к и н а Н. С. Методика химико-технологического исследования древней керамики. МИА, № 12; Б о б р и н с к и й А. А. Гончарство Восточной Европы.—М., 1978; Он же. Гончары-Пидьбляне.— СА, № 1, 1959; П о л е в о й Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.
[7] Памятная книжка Витебской губернии на 1895 г.
[8] Керамика, ее технология и сохранение.— Материалы по методологии археологической технологии, вып. VI, Л., 1926.
[9] H o ł u b o w i c z W. Garncarstwo wiejskie..., s. 135.
[10] Szkice Staromiejskie.— Warszawa, 1955.
[11] Б о б р и н с к и й А. А. Гончарство Восточной Европы, с. 161, табл. 19.
[12] Р а б и н о в и ч М. Г. О древней Москве, с. 158.
[13] Р а б и н о в и ч М. Г. Московская керамика; Г е н и н г В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, № 1, 1973; К о в а л е в с к а я В. Б. Применение статистических методов изучения массового археологического материала.— В сб.: Археология и естественные науки. М., 1965; Ш е р Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Я. Г. РИЕР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В X—XIV вв.

Среди вопросов, связанных с изучением феодализма на Руси, значительное место принадлежит аграрным отношениям, развитию феодальной деревни. «В средние века,— писал К. Маркс,—...деревня как таковая является отправной точкой истории...»[1] Сельскохозяйственное производство было основой жизни феодального общества, а крестьяне, основные производители материальных благ, составляли самое многочисленное сословие средневековья. Письменных источников

по древнерусской деревне недостаточно. Наиболее ранние письменные свидетельства о сельских поселениях указанного региона западных земель Руси находим в Уставной грамоте князя Ростислава Смоленского 1136 г., где указываются некоторые населенные пункты и волости левобережья Днепра, входившие в Смоленское княжество[2]. О Свислочской волости под 1387 г. сообщается в жалованной грамоте короля Владислава[3]. Остальные сведения о волостях и сельских поселениях изучаемой территории относятся к более позднему времени.

Решающее значение приобретают археологические материалы из поселений и курганов. При этом погребальные памятники изучены значительно полнее. В Могилевском Поднепровье их исследования имеют более чем столетнюю историю. К настоящему времени мы располагаем сведениями о 533 курганных могильниках с общим числом более 11 400 курганов. Раскопкам за все годы исследований подвергалось 417 курганов из 93 могильников. Поселения эпохи феодализма изучены слабее. Их 100, раскопкам подвергалось 8[4], остальные известны по подъемному материалу и шурфовкам. Вещевой материал памятников представлен примерно 2 800 изделиями из металлов, стекла и камня и почти 20 тыс. фрагментов, сосудов. Анализ керамического материала позволил определить даты 68 поселений. Безусловно, многие из этих дат предварительны. Но и они позволяют наметить определенные тенденции в развитии сельских поселений Могилевского Поднепровья.

Наиболее ранние поселения возникли в конце IX—X вв. Они известны на берегах Птичи, Свислочи, Друти, Днепра и Баси. Из 12 селений, появившихся в это время, 11 селищ (два из них возникли на селищах раннего железного века) и одно городище-убежище, существовавшее на более раннем родовом укрепленном поселке (Жужлянка) [5]. Большинство поселений более долговременные и просуществовали по 400—700 лет. В XI в. появились еще 26 поселений (16 селищ и 10 городищ), в XII в.— 13 (9 селищ и 4 городища), в XIII в.— также 13 (12 селищ и 1 городище), в XIV в.— 3 селища и в XVI в.—1.

В конце IX—X в. возникло 17,9% поселений, в XI—XIII вв.—73,2, в XIV—XVI вв.—всего 8,9%. При этом все поселения конца IX—X в. продолжали существовать и в XI—XIII вв. Общее число населенных пунктов XI—XIII вв. составляет 91,1% (45 селищ и 17 городищ) от всех поселений изу-

чаемого времени. В XIV—XVI вв. следы большинства поселений, существовших ранее, теряются. В XIV в. на территории Могилевского Поднепровья оставалось 46,2% сельских поселков (27 селищ и 5 городищ, из них 6% — старые селища конца IX—X в. и 31,9% —поселения XI—XIII вв.). XV—XVI вв. представлены лишь 26,9% поселений (17 селищ и 2 городища— см. рис. 1). Почти аналогична приведенной и хронология вятичских селищ, установленная в основном также по подъемному материалу[6].

Селища конца IX—XIII в. имели размеры от небольших (менее 2500 кв. м) до очень крупных (свыше 40 000 кв. м — возможно, погосты). Это разнообразие в размерах характерно и для селищ, существовавших около появившихся в XI—XIII вв. феодальных усадеб-замков (Щатково, Радомля, Старый Шклов). Однако если среди селищ, возникших в конце IX—X в., преобладали крупные, большинство поселений, появившихся в XI—XIII вв., отличается средними размерами. Селища, возникшие в XIV в. и позднее, имели обычно небольшие размеры (2000—10000 кв. м — рис. 2). Таким образом, с XI в. наблюдается постепенное сокращение площадей селищ, а в XIV и последующих веках появляются малодворные поселения.

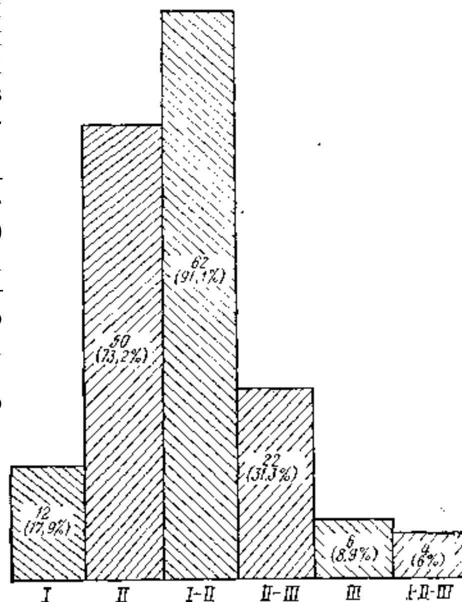

Рис. 1. Количество сельских поселений по этапам

Безусловно, приведенные данные о количестве поселений и их размерах неполны из-за недостаточной изученности этого рода памятников в исследуемом регионе. Однако имеющийся материал позволяет наметить динамику развития сельских

поселений в Могилевском Поднепровье[7]. В их развитии выделяются три этапа.

Первый этап датируется концом IX—X в. В это время происходит интенсивное перемещение сельского населения на свободные земли. Некоторые из возникших поселений оказались недолговременными. Другие, наоборот, существовали длительное время и, возможно, превратились в администра-

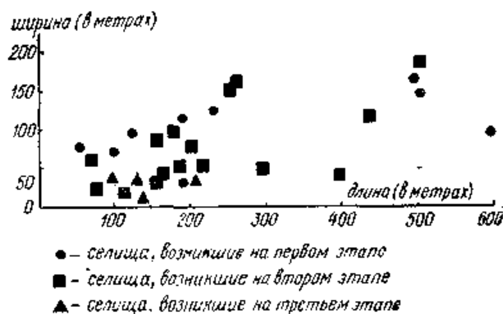

Рис. 2. Размеры селищ

тивные центры. Следовательно, первый этап характеризуется массовым формированием соседских общин. Эта эпоха известна в истории Древней Руси складыванием феодальных отношений[8]. Селища указанного времени значительны по размерам, что вызывалось необходимостью в ходе расселения осваивать под пашню лесные массивы[9].

Второй этап датируется XI—XIII вв. и отличается постепенной стабилизацией в передвижениях крестьянского населения в связи с отсутствием свободного земельного фонда. Социальная дифференциация, ранее смягчавшаяся наличием свободных земель, усиливается, что ускоряет выделение класса землевладельцев-феодалов. Появляются новые укрепленные поселки — феодальные замки. Разгорается борьба феодалов за землю друг с другом и со свободными крестьянами-общинниками. Происходит складывание феодального землевладения. При этом определенным рубежом является вторая половина XI — начало XII в.— время победы феодальных отношений на Руси [10]. С этого времени оседание бояр на землю идет ускоренными темпами[11] и создаются имения-замки. В XII в. на Руси возникает феодальный иммунитет [12]. Отмеченные процессы и обусловили вышеуказанные особенности

в развитии сельских поселений Могилевского Поднепровья на втором этапе. Крупных поселений становится меньше, преобладают селища средних размеров как наиболее рациональные в условиях экстенсивного развития земледелия [13], так как каждое поселение окружается значительными площадями пахотной земли. В условиях же крупных селищ расстояние до пашни могло оказываться значительным, что затрудняло полевые работы. Поэтому рост населения приводил к отпочковыванию новых поселков, что и явилось причиной появления значительного числа селищ в начале этапа.

Процессам феодализации сопутствовало и внедрение христианства в деревне, отраженное в изменениях погребального обряда [14]. В конце X — начале XI в. трупосожжения как совершенно несовместимые с христианской догматикой [15] сменились на изучаемой территории трупоположениями в насыпи и на материке. В XI—XII вв. в Могилевском Поднепровье появились и трупоположения в ямах. Ямные захоронения не были характерны для населения региона в предшествующую эпоху господства трупосожжений. Они являются этнической особенностью полян, которые были еще связаны с дохристианскими обрядами, и воспринялись церковью как наиболее подходящие христианской догматике [16].

Поскольку новая религия вслед за великокняжеской властью исходила из земли полян как ядра Древнерусского государства, поляне, будучи проводниками центральной власти, распространяли христианство [17]. Захоронения в ямах стали внедряться в другие древнерусские земли. Из них постепенно развились канонические христианские формы погребального обряда [18]. У дреговичей погребения в ямах наиболее распространены в южной части их территории [19]. Чаще встречаются они и в южной половине радимичского ареала [20]. Это говорит о том, что христианство в Верхнем Поднепровье распространялось не через местные племенные центры радимичей и дреговичей, а непосредственно из Среднего Поднепровья. Исчезновение курганных захоронений к началу XIII в. свидетельствовало о победе новой религии в среде крестьян, хотя многие черты язычества в той или иной форме сохранялись еще длительное время.

Наконец, с XIV в. начинается третий этап в развитии сельских поселений изучаемого региона. Крестьяне окончательно теряют собственность на землю, попадают в зависимость от феодалов. Усиливавшийся феодальный гнет приводит к уменьшению доходности крестьянских хозяйств, ибо все большая

часть продуктов отчуждается в виде феодальной ренты и прочих поборов. Оставшиеся после выплат у крестьян продукты не всегда обеспечивают потребности их хозяйств (питание, корм скоту, зерно для посевов). Уменьшение поголовья скота (оброк, недостаток кормов) отрицательно сказывается на количестве удобрений. Это приводит к снижению урожайности и вместе с уменьшением зерновых запасов усиливает опасность голода при неблагоприятных погодных условиях. В результате рост населения замедляется, сельские поселения мельчают, превращаются в малодворные[21], разбросанные в угоду интересам феодалов в различных местах их владений. Эти малодворные поселения археологически трудно различимы[22]. Поэтому на третьем этапе резко сокращается число известных нам крестьянских поселков. Появлению таких малодворных поселений могло способствовать и развитие условного земельного держания, когда крупные феодалы наделяли своих слуг на время землей для освоения пустошей и заселения их зависимыми крестьянами. Такую форму отмечал Л. В. Черепнин для северо-восточной Руси в XIV—XV вв. [23] Это время окончательного сложения боярской вотчины (сеньории) [24]. К XIV в. отмечается и отчуждение земли дворянами[25], т. е. в феодализацию включается новый слой господствующего класса. В XIV—XV вв. исчезает большинство феодальных замков изучаемого региона[26]. Несомненно, на развитие производительных сил изучаемой территории во второй половине XIII—XIV в. отрицательно сказались неоднократные набеги захватчиков на западнорусские и литовские земли [27]. Таким дбразом, наиболее благоприятным для развития деревни был период раннефеодальный до начала широкой феодализации в XII в. период Киевской Руси, когда только победивший феодальный способ производства был еще прогрессивным[28].

---

[1] М а р к с К. Критика политической экономии.— М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

[2] Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске.— Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 141—145.

[3] Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. Сост. А. Л. Хорошкевич.— М., 1977, с. 51.

[4] Среди поселений, подвергнутых раскопкам, по сохранности и возможностям изучения выделяется селище конца IX—XVI в. у г. Чаусы, работы на котором ведутся автором с 1976 г. (Риер Я. Г. Исследования у г. Чаусы Могилевской области.—АО — 1976. М., 1977, с. 414—415;

Он же. Исследования у г. Чаусы,—АО —1977. М., 1978, с. 423—424; Он же. Помнікі феадальнай вёскі.— ПГКБ, 1978, № 3, с. 33—34; Он же. Изучение феодальной деревни в Могилевском Поднепровье.— АО — 1978. М., 1979, с. 444—445; Он же. Изучение селища у г. Чаусы.— АО — 1979. М., 1980, с. 368; Он же. Феодальное поселение X—XVI зв. у г. Чаусы в Могилевском Поднепровье.— Вопросы истории, вып. 8. Мн., 1981, с. 13—19).

5 Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочи.— Белорусские древности. Мн., 1967, с. 422—431.

6 Никольская Т. Н. Сельские поселения земли вятичей.— КСИА, вып. 150, 1977, с. 6.

7 Возможность выработки хронологической классификации поселений по керамике, происходящей в основном из подъемного материала, была доказана В. В. Седовым (Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92. М., 1960, с. 14—17).

8 Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси.—История СССР, 1962, № 1, с. 62; Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— Пути развития феодализма. М., 1972, с. 145—146, 165, 187.

9 Седов В. В. Сельские поселения..., с. 24.

10 Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951, с. 26; Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси.— ВИ, 1953, № 4, с. 51—52, 62; Мавродин В. В. Советская историография..., с. 62; Зимин А. А. Холопы на Руси.—М., 1973, с. 73, 197; Свердлов М. Б. К изучению формирования феодально-зависимого крестьянства в Древней Руси («Закупы «Русской Правды»).— История СССР, 1978, № 2, с. 65 и др.

11 Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века.—ВИ, 1962, № 4, с. 54—55; Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 50—53, 157.

12 Греков Б. Д. Киевская Русь,—М., 1953, с. 155—156; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. П.— М., 1951, с. 54; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.—М.—Л., 1963, с. 282—283.

13 Седов В. В. Сельские поселения..., с. 24.

14 Хронология курганов Могилевского Поднепровья установлена на основе анализа инвентаря из 129-го погребального комплекса.

15 Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства.—Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 821; Он же. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М., 1963, с. 71.

16 Русанова И. П. Курганы пелян.—САИ, вып. EI-24. М., 1966, с. 7, 17, 26—27; Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии.— Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 204—205.

17 Русанова И. П. Курганы полян, с. 7, 17, 26—27.

1 3 Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребениях вятичей.— История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 194; Очерки по археологии Белоруссии, ч. 2.— Мн., 1972, с. 33.

19 Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, с. 107; Тимофеев Е. И. Расселение юго-за-

падной группы восточных славян.— СА, 1961, № 3, с. 67; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 86.

20 Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 138.

21 Довженок В. И. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия.— Древняя Русь и славяне, с. 82.

22 Это объясняет неудачи при поисках сельских поселений, известных по писцовым книгам (Кольчатов В. А., Розов А. А. Работы на Ижорском плато.—АО — 1976. М., 1977, с. 18).

23 Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 70—71.

24 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVII века.—М—Л., 1946, с. 4—5.

25 Свердлов М. Б. Дворяне Древней Руси.— Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 59.

26 XV в.— время прекращения существования феодальных замков и на Смоленщине (Седов В. В. Сельские поселения..., с. 50).

27 Гісторыя Беларускай ССР, т. I—Мн., 1972, с. 121—122.

28 Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., 192; Довженок В. И. Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени.— I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, IV. Wroclaw—Warszawa—Kraków, 1968.

А. А. СЕЛИЦКИЙ

ОРНАМЕНТЫ ДРЕВНИХ СМОЛЕНСКИХ ХРАМОВ

К середине XII в. Смоленск выделяется в самостоятельное княжество. Экономическая и политическая база позволила городу во второй половине XII в. стать одним из важнейших архитектурных центров Руси[1]. Его архитектура в современной научной литературе основательно освещена. Фресковая живопись до недавнего времени была известна в крайне фрагментарном виде. Однако за последние годы в результате археологических исследований, проводимых экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, возглавляемой Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом (1962—1967, 1973 гг.), получено много нового материала по фресковой росписи древних смоленских храмов. Результаты систематических исследований опубликованы Н. Н. Ворониным[2]. Отмечаются обстоятельства находки большинства фрагментов живописи, дается их цветовая характеристика. Многие фрагменты, находившиеся на реставрации в мастерских Эрмитажа, в экспозиции и фондах Смоленского краеведческого музея, не вошли в книгу. Исходя из этого, видно, что исследование смоленской живописи далеко не исчерпано. Работа Н. Н. Воронина является первоначальным этапом изучения вопроса.

В предлагаемой статье ставится задача — проследить развитие орнаментальной фресковой росписи с использованием неопубликованных материалов.

Фресковая живопись обнаружена в церкви Петра и Павла (ок. 1146 г.), а также Иоанна Богослова (ок. 1160—1162 гг.). При раскопках 1965 г. в Петропавловской церкви были найдены остатки фресковой росписи орнаментального характера. Панели стен украшал так называемый струйчатый орнамент[3], имевший место в росписи Бельчицких храмов в Полоцке и Псковско-новгородских церквей второй половины XII в., откосы окон — орнамент, состоящий из сочетания геометрического и растительного мотивов. Рисунок представлял собой круглую розетку в виде розовато-фиолетового процветшего креста. Отдаленно похожие мотивы встречаются в орнаментах, украшающих Софию Киевскую. Сведения об орнаментах Иоаннобогословской церкви скудные. Отметим, что сходный мотив фресок, украшавших откосы окон этого храм — растительный орнамент в виде извивающегося стебля и листьев продолговатой формы, встречался в росписи большого безымянного храма Бельчицкого монастыря в Полоцке, а позднее в храмах псковско-новгородских. Что касается геометрического орнамента, встречавшегося в храме и состоявшего из фигур (треугольники, круги, ромбы), заполненных цветом, то можно сказать, что такие мотивы были характерны для Смоленска и известны здесь позднее в разнообразных вариантах в украшении храмов рубежа XII—XIII вв. Важно отметить, что украшения аркосолиев, находившихся в галерее церкви, состояли из реальной драгоценной пелены, крепившейся к стене гвоздями [4]. Фресковые росписи в нишах аркосолиев не; отмечены.

К середине XII в. относятся еще несколько построек. Самой крупной из них был собор Борисоглебского монастыря на Смядыни (1145). При раскопках найдено множество кусков штукатурки со следами фресковой росписи. Рассмотрим фрагмент одного орнамента из фондов Смоленского музея [5]. Он представляет собой ленточный геометрический орнамент, несложный по форме, с чередующимся мотивом небольшой, правильной, четырехлепестковой розетки в виде равноконечного креста со скругленными концами. Мотив такого орнамента встречается в украшении почти всех Смоленских храмов (рис. 1).

Во второй половине XII в. в декоративном украшении Смоленских храмов появляются совершенно оригинальные

мотивы. Новые веяния в области живописи в первую очередь сказались в малой церкви Василия на Смядыни (1172—1193 гг.). Ее живопись приобрела совершенно иной характер. К сожалению, из всей росписи сохранились остатки украшения панелей. Однако здесь более чем где-либо ощутимы происшедшие изменения. Росписи панелей представляли собой в основном рисунок так называемых «плат», имитирующих подвешенные через определенное расстояние чуть про-

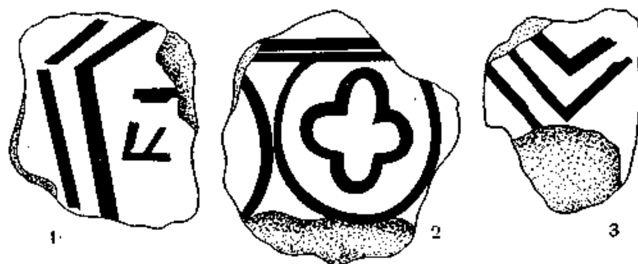

Рис. 1. Фрагменты ленточного орнамента. Церковь Борисоглебского монастыря на Смядыни.

висающие ткани, украшенные различным узором. Пример такого украшения уже встречался в Смоленске в церкви Иоанна Богослова. Подобным образом были украшены аркосолии, находящиеся в галереях церкви. Правда, там были навешены реальные дорогостоящие пелены, рисунок которых имел связь с погребальным обрядом. Впоследствии, очевидно, имитация подвешенных тканей перешла на украшение панелей. Попытаемся объяснить применение такого украшения.

Церковь Василия строилась как «храм на крови» великомученика Глеба [6]. Она не имела галерей и не предназначалась для погребений. Храм являлся как бы мавзолеем на месте смерти Глеба. Поэтому украшения панелей были выполнены как сплошные завесы на аркосолиях. Соответственно подбирался рисунок, имевший символическое значение. Сомневаясь в правильности мнения Е. Клетновой об «остроумной комбинации Надежды, Веры и Любви», очевидно, следует согласиться с ее мыслью о влиянии культа Глеба [7] на подбор росписи в храме. В данном конкретном случае следует учесть обоснованную мысль Н. В. Покровского, утверждавшего, что роспись храма обусловлена идеей посвящения и зависела от «известного воззрения на храм» [8]. Основу декорации стен жертвенника составляли кресты с закругленными

концами — крины[9]. Одним из характерных мотивов декоративного оформления церкви были также фигуры, напоминающие по форме сердце. Вероятность истоков этого мотива — восточные ткани, применявшиеся в погребальных обрядах [10]. Панели стен алтаря, алтарных проходов в диаконник и жертвенник украшал эффектный узор, соединивший в себе процветший крест и ту же сердцевидную фигуру, выполненный темно-красным цветом. Впоследствии он повторялся в различных вариациях в храме на Протоке. В дверях жертвенника украшающие плат фигуры изображены в виде эллиптических кругов с листовыми отростками со всех четырех наружных сторон.

Все эти нововведенные узоры, не встречавшиеся раньше в украшениях Смоленских храмов, были найдены в сохранившихся фресках алтарной части, включая жертвенник и диаконник. В западном углу храма, на южной стене, был отмечен довольно хорошо сохранившийся геометрический орнамент и полилития, или имитация мрамора[11]. Мотивы первого узора, содержащие треугольники и круги, были отмечены в украшении панелей Иоанна-Богословской церкви. Узор же, имитирующий мрамор, встречался в древнерусских росписях, включая храмы Бельчиц в Полоцке (начало XII в.).

Причины возникновения нового мотива, по всей вероятности, связаны с усилившимся к концу XII в. культом Глеба в Смоленске. В свою очередь усилению культа Глеба способствовала обострившаяся к этому времени философско-теологическая мысль, ярым проповедником которой явился Авраамий Смоленский. Надо сказать, что вторая половина XII в. отмечена нарастанием политической активности горожан, возрастающим прогрессом в области культуры и искусства. Что касается истоков, то их следует искать в узорах восточных и византийских тканей. Здесь же, претерпев некоторую трансформацию, обогатившись новыми элементами, они выступают как знаки-символы в качестве декоративного украшения «храма на крови».

Роспись церкви Михаила Архангела (1191—1194 гг.) до нашего времени дошла в крайне фрагментарном виде. Наиболее значительный фрагмент живописи сохранился слева от входного портала на высоте около 2,5 м [12]. Орнаментальная полоса представляла собой уже знакомый мотив равноконечных, чередующихся в цвете крестов в соединении с завитками растений. Орнамент в целом кажется богатым и довольно сложным по рисунку. Один из интереснейших фрагментов ор-

намента был открыт в проеме северного окна второго яруса, восточнее северного притвора. Привлекает внимание широкий орнамент, состоящий из чередующихся пятилепестковых цветков на ножке и трехлепестковых бутонов[13]. Простой незатейливый мотив местного цветка перенесен в монументальную живопись — явление крайне смелое. Примененный здесь трехлепестковый бутон может быть вариацией того же трилистника из Васильевской церкви. Но пятилепестковый цветок — это явление совершенно новое. Здесь очевидно стремление художника оживить орнаментальный мотив, придать ему «здешний» более понятный и близкий характер. Это начинание нашло продолжение и яркий расцвет в сочных цветастых орнаментах Воскресенской церкви (рубеж XII—XIII вв.). Роспись панелей, содержащая различные геометрические фигуры, была отмечена в Иоаннобогословской церкви. Здесь она получила богатое продолжение.

Большой интерес представляют текстильные орнаменты, найденные в галереях и украшавшие, очевидно, ниши аркосолиев. Речь идет о «надгробной пелене» из аркосолия южной стены. Такой мотив характерен не только для текстильного орнамента. Так, например, рисунок парных птиц в кругах по сторонам дерева или ветки встречается и в керамике и в предметах прикладного характера. В отделе древнерусского искусства в Эрмитаже выставлено керамическое блюдо из Тмутаракани (XI—XII вв.), украшенное аналогичным мотивом (зал 148, витрина 4). Сходным рисунком украшен колт XI—XII вв. (зал. 147). Так что тема парных птиц у ветки или дерева была знакома в искусстве Древней Руси. При внимательном осмотре ажурного узора между концентрическими кругами видно, что узор состоит из 6—7 уже знакомых составных элементов. Большинство фигур, входящих в орнамент «надгробной пелены», уже встречалось в росписи других смоленских храмов, кроме рисунка парных птиц. Но мотив этот издавна знаком в искусстве Древней Руси. Можно предположить, что рисунок орнамента, украсивший аркосолии юго-западной стены галереи, составлен на месте в Смоленске, соблюдена только прежняя традиция. При этом надо учесть проникновение в отвлеченный текстильный орнамент элементов местного происхождения. В этом узоре встречается рисунок пятилепесткового цветка на ножке, впервые появившийся в декоре Михаилоархангельской церкви. Рисунок его несколько изменен применительно к общему строю орнамента.

Особо следует отметить растительные орнаменты Воскресенской церкви. Впервые встретившиеся в украшении откосов окон Михаилоархангельского собора в Воскресенской церкви они достигают еще большего разнообразия. Знакомый пятилепестковый цветок — основной составной элемент большинства орнаментов. Очень часто присутствует мотив трехлепесткового цветка (бутона)[14]. В декоре церкви найден уже известный по росписи Михаилоархангельской церкви узор, соединяющий в себе рисунок ромба, поставленного на угол, и равноконечного креста со скругленными концами [15]. Здесь же встречались орнаменты более строгого и абстрактного толка, вроде завитков аканфа, острых листьев ландыша и др. Схожие своей строгостью рисунка мотивы встретятся в украшениях церкви на Окопном кладбище. Однако колорит росписи останется характерным для Воскресенской церкви — легкий, красочный с преимуществом контрастных цветов ярко-красной киновари, желто-лимонной, травяной зеленой и др.

В заключение можно сказать, что в орнаментальных росписях Воскресенской церкви нашли развитие начала, проявившиеся в оформлении Васильевской и Михаилоархангельской церквей. Храм на Протоке раскопан в 1962—1963 гг. Он представляет яркий образец нового типа храмов с плоскими апсидами (рубеж XII—XIII вв.). Более всего сохранилось живописи в северной апсиде-жертвеннике. Панели' внизу расписаны имитированными завесами, которые украшала знакомая по росписи Васильевской церкви композиция, состоявшая из процветшего креста с равноконечным крестиком посередине вертикальной линии. В храме на Протоке он встречается лишь второй раз и, вероятно, связан с именами князей-великомученников Бориса и Глеба. Они представлены в центре апсиды-жертвенника во главе со Спасителем на троне [16]. Относительно текстильных орнаментов можно сказать, что по мере развития смоленской живописи такие мотивы все более теряют свое первоначальное предназначение и строго определенное место — служить украшением погребальных аркосолиев. Н. Воронин отмечал, что в храме на Протоке подобные узоры украшали простенок между нишами алтаря и жертвенника, восточную плоскость юго-западного столба, где находилось, очевидно, почетное место для знатного лица [17]. Такого рода мотивы приобретают все более общий характер декоративного украшения. Мотивы, почерпнутые когда-то из украшений восточных и византийских тканей, давно начали проходить стадию переосмысливания и творче-

ской переработки [18]. К. моменту росписи храма на Протоке Смоленск обладал своими развитыми кадрами живописцев, которые способны были создавать собственные орнаментальные образцы, обновляя и пополняя их в процессе работы.

При сравнении с подобным орнаментом Воскресенской церкви видны изменения, происшедшие в рисунке, форме, стиле[19] (рис. 2). Отвлеченный и строгий текстильный орнаментальный узор преобразуется, принимая формы, более близкие и понятные в отводимой ему роли декоративного украшения особо чтимых мест[20]. Возможно, это делается с

Рис. 2. Декоративная панель. Храм на Протоке

целью сократить разрыв с местным растительным орнаментом, простонародные формы которого очевидны. В храме на Протоке создаются узоры, занимающие как бы промежуточное положение между отвлеченным текстильным орнаментом и чисто местным растительным. Примером такого узора является образец украшения «надгробной пелены» южного аркосолия западной стены[21]. В этом рисунке отдаленная символика креста соединена с простым пятилепестковым цветком. В росписях храма на Протоке отчетливо видно, какой путь развития прошел орнаментальный узор. Отвлеченный текстильный орнамент и местный как бы заменены местами. Украшение гробниц аркосолиев, бывшее монополией текстильного орнамента, заменяет узор простого пятилепесткового цветка или неузнаваемо трансформированного применительно к местному обычаю рисунка парных птиц, служащие узорами для надгробной пелены. И наоборот, в декоре стен оснований столбов помещены узоры, являвшиеся когда-то образцами узоров надгробной пелены. Одним из интереснейших явлений в декоре храма на Протоке были орнаменты растительного и совмещенного растительно-геометрического характера. Во многом схожие с орнаментом Воскресенской церкви здесь они получили дальнейшее развитие: соединение ромбов и сердцеобразных фигур, окрашенных в различные цвета, с замысловатой плетенкой линий, ромбов и кружочков, трехлепесткового цветка на ножке и треугольников[22].

Проследив путь становления и развития смоленского орнаментального мотива, можно сделать следующие выводы. В храмах конца XII в. кроме традиционных полилитий и геометрических орнаментов впервые появляется рисунок фигур-символов. Мотив явно местного происхождения. Смоленские художники стараются переосмыслить назначение и рисунок составных этого мотива и уже в Михаилоархангельском храме (1190-е годы) они появляются в новом орнаменте с несколько иным назначением. В этом же храме возникает чисто смоленский орнаментальный мотив, основой которого послужил рисунок пятилепесткового цветка. Впоследствии он явился основным элементом орнаментов растительного характера, которые в декоре Воскресенской церкви и храма на Протоке достигают наивысшего развития. Появившийся в Смоленске текстильный орнамент, вероятно, позаимствованный с восточных и византийских тканей, проходит стадию творческой переработки под влиянием местных условий и запросов. Под активным воздействием смоленских мастеров сокращается

-разрыв между текстильным орнаментом и местными мотивами. Художники находят оригинальный способ сгармонировать все орнаментальные темы в единую стройную систему декоративного украшения. Орнамент Смоленских храмов выступает как один из основных элементов декора.

---

1 Р а п п о п о р т П. А. Русская архитектура на рубеже XII—XIII вв.— В сб.: Древнерусское искусство. М., 1977, с. 12—31; В о р о н и н Н. Н., Р а п п о п о р т П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв.—Л., 1979.

2 В о р о н и н Н. Н. Смоленская живопись 12—13 вв.— М., 1977.

3 Фонды СКМ, ед. хр. СОМ 15424.

4 В о р о н и н Н. Н. Смоленская живопись 12—13 вв., с. 104—105.

5 Фонды СКМ, ед. хр. СОМ 7085.

6 Архив ЛОИА АН СССР, ед. хр. 18-в, 1888 г.

7 Там же, л. 57.

8 П о к р о в с к и й Н. В. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских.—Тр. VII АС в Ярославле, т. I. М., 1887, с. 135—136, 141.

9 Архив ЛОИА АН СССР, ед. хр. 18-в, 1888 г., л. 49—57.

10 Ш ч а к а ц і х і н. Арнаментальные роспісы Смядынскай Барысаглебскай царквы у Смаленску.— Гістарычна-археалагічны зборнік, № I. Мн., 1927, с. 78, Архив ЛОИА АН СССР, ед. хр. 18-в, л. 49 об.

11 Архив ЛОИА АН СССР, ед. хр. 18-в, л. 49 об.

12 АСНРМ в Смоленске, ед. хр. 13/5 л. 2—3.

13 АСНРМ в Смоленске, ед. хр. 13/:, л. 10—11.

14 В о р о н и н Н. Н. Смоленская живопись 12—13 вв., табл. 66, 68, 69; Архив СКМ. Отчеты экспедиции, ед. хр. 496, фотогр. 21.

15 Архив СКМ, ед. хр. 596, фотогр. 65.

16 В о р о н и н Н. Н. Смоленская живопись 12—13 вв., с. 19.

17 Там же, с. 42.

18 Там же, табл. 18—20.

18 Там же, табл. 24, 61, 62.

20 Там же, табл. 22, с. 41.

21 Там же, табл. 26, фонды СКМ, ф. 14196.

22 Там же, табл. 51; фонды СКМ, ф. 14510, ф. 14520, ф. 14196.

Т. С. СКРИПЧЕНКО

О ПРИМЕНЕНИИ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОСТАВОВ ДРЕВНИХ СТЕКОЛ

В течение долгого времени главным и почти единственным способом изучения древних и средневековых стекол был типологический анализ. Основанный на определении формы, цвета и декорировки стеклянных изделий, в которых существенную роль играет субъективное чувство «стиля», этот способ мог удовлетворить исследователя, когда археологическая находка рассматривалась как произведение искусства, архи-

тектуры или монументальной живописи, как предмет домашнего быта или торговли. В настоящее время типологический анализ не отвечает требованиям объективного исследования, на что обращалось внимание в археологической и искусствоведческой литературе. Исследования вещественно-материальной природы стекла методами физики и химии выявляют свойства стекла и химический состав, что позволяет характеризовать более точно и объективно локальные и хронологические особенности изучаемого изделия.

Химико-аналитические исследования древних стекол были начаты в конце XVIII в.[1] Первые химические анализы их, которые были вообще первыми анализами стекла, принадлежали Мартину Генриху Клапроту. В течение XIX в. отдельными учеными выполнено около 50 количественных и качественных анализов древних и средневековых стекол [2]. В 30-х годах нашего столетия большую и систематическую работу по изучению древних стекол выполнил Б. Нейман и его сотрудники, сделавшие 67 анализов и 22 определения температур размягчения. Эти исследования внесли значительный вклад в развитие археологической технологии стекла. Они по сравнению с их предшественниками расширили перечень компонентов, которые определялись в стеклах. Общепринятыми химико-аналитическими приемами они определяли количественное содержание в стекле окисей кремня, алюминия, железа, кальция, магния, свинца, серы, натрия и калия. Кроме того, количественно ими были определены красители в цветных стеклах: окиси и закиси меди, окиси и закиси железа, окиси марганца, окиси кобальта и окиси олова. В 60-е годы ряд химико-аналитических работ по изучению древних и средневековых стекол был проведен В. Гайльманом и его сотрудниками (Ф. Брюкбауэр, К. Бейерман, И. Йенеман). Они дополнили перечень определяемых компонентов за счет «примесей» и «следов», содержащихся в сотых и тысячных долях процентов, как например окисей титана, фосфора, никеля, мышьяка, а также хлора, водяных паров, углекислого газа. Было сделано 55 полных химических анализов и многочисленные определения окисей фосфора, марганца, кобальта, закиси меди, что дало ценные химико-технологические обобщения[3].

В послевоенные годы систематические исследования древних и средневековых стекол с применением различных химических, физических и физико-химических методов начали в разных странах химики и технологи. В нашей стране большую

работу по изучению древних и средневековых стекол и огнеупоров проделал М. А. Безбородов[4]. Для исследований он применял химический анализ, или, как его называют химики, мокрый анализ. Полный химический количественный анализ с его тщательно разработанной техникой остается одним из главных методов исследования стекол, раскрывающих их состав и дающих точные и реальные количественные соотношения в них компонентов. Он дает наиболее ценные и разносторонние характеристики их, позволяющие делать широкие обобщения, далеко выходящие за пределы узкоаналитических интересов. До сих пор на стекольных заводах распространенным остается именно полный химический количественный анализ стекла.

Археологи также проявили за последние годы значительный интерес к методам естественных наук и все чаще используют их при изучении стекол из археологических раскопок (Е. А. Давидович, Р. М. Джанполадян, Ю. А. Заднепровский, М. К. Каргер, З. А. Львова, Н. А. Угрелидзе, М. Ф. Фехнер, Ю. Л. Щапова, А. Л. Якобсон и др.). При исследованиях они пользуются как мокрым химическим, так и спектральным анализом. Оба эти метода имеют положительные и отрицательные стороны. Полный химический количественный анализ при всей его точности очень трудоемкий, длительный и требует больших навесок — от 3 до 5 г. Когда речь идет об инкрустациях, вставках, легковесных или небольших образцах, то этот метод неприемлем. Спектральный анализ при высокой избирательности часто искажает действительное соотношение компонентов в стеклах, кроме того, содержание отдельных элементов в стеклах выражается не в весовых долях, не в процентах, а символами. Это затрудняет исследователя в составлении представления о реальных составных стекол, в сравнении их с показателями образцов, изученных мокрым методом. Но для определения микрокомпонентов спектральный анализ себя вполне оправдал. Все большее распространение получает метод пламенной фотометрии, который применяется для определения ряда компонентов в стеклах.

Интересно попытаться применить для изучения химического состава древних стекол один из наиболее современных методов физико-химического исследования вещества — масс-спектрометрический. Этот метод позволяет быстро и точно получить качественные характеристики исследуемых образцов. Масе-спектрометрический метод, использующий основное физическое свойство вещества — массу атомов (молекул),

основан на пространственном, или временном, разделении различающихся по отношению массы к заряду и предварительно ионизированных атомов (молекул) в электрических и магнитных полях в условиях высокого вакуума (порядка 10^{-7}— 10^{-8} мм рт. ст.).

Методика исследования сводится к следующему: на навеске весом 0,4—0,5 г определяются потери при прокаливании, после этого навеска в 0,15—0,2 г исследуемого стекла помещается в молибденовый стаканчик испарителя. Испарение навески проводится в две стадии. Вначале при температуре около 850 °С проводится исследование по всем легколетучим окислам калия, натрия, свинца и косвенное определение окиси марганца. Затем определяется вес остатка, который анализируется также масс-спектрометрически при температуре около 1800 °С. Когда образец исследуется масс-спектрометрически, то получаются не абсолютные значения содержания компонентов в стекле, а соотношение интенсивностей ионных токов, регистрируемых с помощью счетчика ионов. Величины ионных токов прямо пропорциональны количеству ионов окислов исследуемого образца. Зная суммарный ионный ток при первом и втором испарениях, а также потерю в весе образца при испарении в обоих случаях, можно легко рассчитать процентное содержание компонентов в стекле. Масс-спектрометрически были изучены два фрагмента стеклянных браслетов Свислочского городища (табл. 1) [5]: уширенный фиолетовый (коллекционный номер 1-126) и гладкий красно-коричневый № 929). Результаты анализов изложены в табл. 1 [к].

Таблица 1

Химические соединения	Первое испарение		Второе испарение	
	№ 1125	№ 929	№ 1125	№ 929
Окись свинца	29,98	39,00		
Окись натрия	2,08	2,96		
Окись калия	16,17	19,22		
Окись марганца	1,00	1,00		
Окись кремния			769,86	509,50
Окись титана			1,0	1,0
Окись алюминия			13,28	13,80
Окись железа			3,86	16,20
Окись кальция			45,14	29,80
Окись магния			14,29	11,40

После пересчета данные анализа 'можно представить в общепринятом виде, т. е. содержание компонентов в стекле выразить в процентах (табл. 2). Таким образом, масс-спектрометрический метод позволяет создать реальное представление о составе стекла и дает возможность сравнить количественные характеристики с ранее изученными образцами. Этот

Таблица 2

Химический состав свислочских стеклянных браслетов, изученных

Содержание компонентов в стекле, %	№ 1125	№ 929
Кремнезем	53,89	50,95
Окись титана	0,07	0,10
Глинозем	0,93	1,38
Окись и закись железа	0,27	1,62
Окись свинца	24,88	26,13
Окись кальция	3,16	2,98
Окись магния	около 1,00	1,14
Окись натрия	1,73	1,98
Окись калия	13,42	12,88
Итого:	99,35	100,0

метод позволяет получать качественные характеристики исследуемых стеклянных образцов быстро и точно. Что касается количественных характеристик, то они имеют небольшие отклонения по точности определения, которые, однако, не мешают делать заключения о составах древних стекол. Масс-спектрометрический метод — один из перспективных современных методов, который можно с успехом применять и для изучения составов древних стекол.

---

[1] Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол.—Мн., 1969, с. 33.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси.—Мн., 1956; Он же. Химия и технология древних и средневековых стекол.—Мн., 1969.

[5] Образцы взяты из коллекции браслетов Свислочского городища, расположенного у одноименной деревни Осиповичского р-на Могилевской области БССР.

[6] Анализы выполнены на кафедре общей и неорганической химии Белорусского технологического института им. С. М. Кирова А. Г. Наливайко.

В. Е. СОБОЛЬ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИНСКА XII—XVIII вв.

К прошлому Минска обращалось не одно поколение исследователей. Первые работы по истории города относятся к середине XIX в. В 1854 г. в журнале «Современник» были опубликованы путевые заметки белорусского путешественника и этнографа П. М. Шпилевского «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю». В них изложено впечатление от посещения Минска. Особенно интересно в записках дано топографическое описание города. Рисуя раскинувшуюся панораму Минска, автор выделяет в ней Татарское и Раковское предместья, Троицкую гору и Высокий рынок, объясняет происхождение их названия. Знание документального материала позволило П. М. Шпилевскому сделать вывод о том, что Нижний рынок (современная площадь 8 Марта) является историческим центром древнего города. На это, по его мнению, указывают «старинные окопы или остатки валов», оставшиеся от древнего замка, которые необоснованно относятся к X в.[1]

Почти одновременно с этой публикацией появляется работа Вл. Сырокомли. В своей хронике Минска, изданной на польском языке в «Теке Виленской», он на основе документальных источников дает картину развития города с момента первого упоминания в летописи в 1067 г. до конца XVIII в. Вл. Сырокомля — сторонник торговой теории происхождения Минска. Он считал, что город берет свое начало от слова «менять», возникнув как торговый пункт славян[2]. Рост города прослеживается на основании увеличения взымаемого с него мыта. Оставаясь до конца XV в. маленьким городом, Минск, по мнению автора, в последующее время стал быстро развиваться. Экономический подъем города Вл. Сырокомля связывал прежде всего с получением Минском в 1499 г. права на самоуправление. При этом ведущая роль ремесла и торговли в этом процессе осталась исследователем не замеченной. Работа Вл. Сырокомли также содержит ряд сведений по топографии и топонимике феодального Минска. Некоторые сведения о религиозной борьбе и политической истории средневекового города содержатся в работах А. Снитко[3], А. И. Слупского[4], А. И. Смородского[5], Р. Г. Игнатьева[6].

После победы Великого Октября началось углубленное изучение истории Минска, характеризующееся марксистко-

ленинским подходом к изучению исторического процесса. Уже в 1925 г. при Институте белорусской культуры была создана комиссия по изучению древнего Минска. Ее члены проводили сбор документальных источников по истории феодального Минска, вели наблюдения за земляными работами в исторической зоне города. В результате проделанной работы в 1931 г. из печати вышел 3-й том «Беларускага архіва», основная масса документов которого относится к истории Минска XV—XVIII вв. Составителем и редактором его был белорусский историк и археограф Д. И. Довгялло. Одновременно появляются отдельные статьи по истории города, с которых, собственно, «советская историография и начала разработку истории белорусского феодального города»[7]. Одной из первых таких работ была статья В. Д. Дружчица[8], посвященная истории Минска конца XV — начала XVI в. На основе документальных источников в ней показана политическая история города, развитие добывающих промыслов и земледелия. Делается вывод, что Минск в XV в. еще не утратил сельскохозяйственного характера и мало отличался по занятиям населения от деревни. Отмечается выгодное положение города, лежащего на торговом пути с востока на запад, а также то, что с получением права на самоуправление произошло оживление ремесленной и торговой деятельности.

Заметной работой по архитектуре Минска XVII—XVIII вв. была статья Н. Щекотихина. В ней автор приходит к заключению, что минская архитектура не внесла принципиально нового в общебелорусское строительство. Исследователь считает, что вплоть до середины XVII в. город был застроен только деревянными постройками[9].

Наиболее значительной в довоенные годы публикацией по истории феодального Минска явились очерки Д. И. Довгялло под названием «Стары Менск». Они написаны на основе новых архивных материалов. Исследование охватывает период с XII по XVIII в. В нем дано описание минского замка, помещен его план, на котором хорошо видна планировка и застройка. По своему внешнему виду минский замок не отличался от замков Полоцка, Витебска, Могилева. Он имел такой же земляной вал, поверх которого шел «паркан» с башнями. Далее наряду с изложением политической истории города дана картина развития ремесла, организации его в цехи, роста торговли. Важные сведения в очерках есть и по исторической топографии города, его планировке и застройке. Однако уже в то время исследователь признавал, что, пока оста-

ется неразработанной археология Минска, невозможно точно, без гипотез нарисовать историю города [10]. При проведении земляных работ на Немиге и площади Нижнего рынка в 1926 г. Довгялло вел наблюдение за ходом работ, фиксировал находки. В траншее на площади выявлено пять настилов деревянных мостовых, залегающих один над другим. Ширину их установить не удалось из-за узости траншеи. Последний из настилов залегал на глубине 3,5 м от дневной поверхности[11]. Среди собранных находок наиболее интересны: подковы, замки, чугунное ядро, изразцы зеленого цвета с геометрическим орнаментом. Судя по этим материалам, слой датируется XVI—XVII вв. Тщательный анализ результатов наблюдения приводит автора к заключению, что площадь Нижнего рынка в древнее время была покрыта водой. Наблюдения за земляными работами в довоенные годы были основным видом археологических работ по изучению древностей Минска.

В послевоенные годы начались активные археологические раскопки древнего Минска. Перед археологами ставилась задача исследования истории Минска от его основания до XVIII в. с использованием не только археологических материалов, но и исторических сведений и данных геологии [12]. За 12 лет раскопок, с 1945 по 1951 г. и с 1957 по 1961 г., экспедициями В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульского на Замчище вскрыто 1760 кв. м, что составляет приблизительно 1/15 часть его площади. Исследовалась при этом только восточная часть памятника и преимущественно его древнерусские слои. Напластования же XIV—XVIII вв. остались вне поля зрения археологов. К сожалению, не были проведены раскопки в западной части Замчища, и поэтому нельзя с полной уверенностью говорить о том, что территория детинца древнего Минска была такой же, какой она показана на исторических планах города конца XVIII в. Наблюдения за прокладкой траншеи на Замчище возле магазина «Алеся» в 1976 г. и данные геологического бурения, проведенного здесь же, позволяют думать, что площадь детинца летописного Минска была иной, чем предполагают исследователи[13]. Однако окончательное выяснение этого вопроса возможно с проведением специальных археологических исследований. В результате раскопок предыдущих лет вскрыты древние улицы, выявлена планировка и застройка раскопанной части детинца, открыто до 130 жилых и хозяйственных построек, большинство которых составляют деревянные одноэтажные срубы. Разнообразные находки свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла

и торговли в древнем городе. В 1949 г. обнаружен фундамент храма, сооружение которого В, Р. Тарасенко датирует началом XII в.[14], Э. М. Загорульский— концом XI в. [15] Основные итоги археологического изучения Минска изложены в ряде работ[16].

Изучением фауны Замчища занималась В. В. Щеглова. Анализ остеологического материала показал, что основным занятием жителей древнего Минска было скотоводство и свиноводство. Охота же в жизни горожан играла незначительную роль[17]. Земледелию древнего Минска посвящена статья Т. Н. Коробушкиной. В ней автор приходит к выводу, что основной хлебной культурой, выращиваемой горожанами, была озимая рожь [18]. Обувь XI—XIV вв. изучалась К. П. Шутом. По мнению исследователя, минские ремесленники знали изготовление пяти основных типов обуви: поршней, башмаков, туфель, сапог, полусапог. Местные особенности в технологии обувного дела привели к появлению в Минске в XIII в. нового по конструкции типа обуви — туфель [19]. Однако не по всем вопросам древнейшей истории Минска у исследователей существует единство взглядов. До сих пор не установилась единая точка зрения на происхождение названия города. П. М. Шпилевский связывал название «Минск» с мифическим богатырем Менеском, якобы основавшим город[20]. Другие исследователи вслед за В. Сырокомлей считали, что город возник как торговое поселение[21]. По их мнению, название «Минск» вытекает из глагола «менять» (отсюда «Менск»). Третьи пришли к заключению, что свое имя Минск берет от названия реки Менки, находящейся за пределами современного города. На эту связь названия города с именем реки указывали М. С. Осмоловский[22], В, А. Жучкевич[23]. Последняя точка зрения наиболее аргументирована. Она тесно связана с вопросом о первоначальном местонахождении древнего Минска. Ученые обратили внимание на противоречивое сообщение русской летописи, повествующей о походе сыновей Ярослава Мудрого в Полоцкую землю, о захвате ими Минска и разгроме на р. Немиге войск полоцкого князя Всеслава [24]. Если бы Минск действительно находился на Немиге, то Ярославичам после его взятия не надо было бы идти к реке, так как они уже находились на ней. В 30-е годы академик А. Н. Ясинский выдвинул гипотезу, что первоначально Минск возник на реке Менке, от которой и получил свое название, а затем был перенесен на берега Свислочи. По мнению А. Лявданского и А. Кавалени, перенос города на бере-

га Свислочи и Немиги произошел не ранее XII в. Об этом говорят исследования оборонительных укреплений Замчища, проведенные авторами в 1935 г.[25] Менка, сейчас небольшая речушка, находится в 16 км юго-западнее Замчища у д. Городище Щемыслицкого сельсовета Минского района. Здесь до настоящего времени сохранился уникальный археологический комплекс, состоящий из городища и селищ эпохи Киевской Руси. Точку зрения А. Н. Ясинского разделяют и другие ученые[26]. Э. М. Загорульский же считает, что поиски древнего Минска за пределами современного города не увенчаются успехом. Древний город, по его мнению, возник на берегах Свислочи[27].

Проблема местонахождения древнего Минска может быть решена только с помощью археологического изучения обоих памятников и сопоставления результатов проведенных исследований. Что касается поселения у д. Городище, то здесь в последние годы ведутся большие археологические раскопки. Результаты исследований публикуются [28]. Необходима более полная публикация материалов из раскопок Минского замчища 1957—1961 гг. и дендрохронологических данных.

Не выясненным до конца остается вопрос о существовании в древнем Минске посада. Все археологи, занимавшиеся раскопками города, не ставят под сомнение его существование. Однако незначительный объем археологических работ, проведенных за пределами детинца, позволил высказаться на этот счет лишь предположительно. Так Э. М. Загорульский считает, что «посад древнего Минска, очевидно, распространялся на территорию к юго-востоку от Замчища, занимая район улиц Торговой, Старо-Мясницкой, Ново-Мясницкой (в районе пл. 8 Марта, ныне не существуют) и, возможно, Немиги» [29]. Несколько ранее такую же точку зрения высказал и В. Р. Тарасенко, отметивший, что остатки посада деревянного города Менеска были выявлены в семи шурфах, заложенных при раскопках к западу и к югу от Замчища [30]. Присоединяясь к мнению исследователей, Г. В. Штыхов высказал предположение о существовании посада и в ур. «Николка», к северовостоку от Замчища [31].

Проведенные в последние годы археологические раскопки и наблюдения за земляными работами за пределами Замчища позволили добавить несколько новых штрихов к решению этой проблемы. В районе улиц Коммунально-Набережной, Горького, Старовиленской и Я. Купалы при раскопках и наблюдении за земляными работами в 1976 г. найдена керамика

XII—XIII вв.[32] Ввиду сильной перемешанности культурного слоя стратиграфически не удалось выделить прослойки эпохи Киевской Руси, но находки древнерусской керамики в предматериковых пластах позволяют говорить о том, что район Троицкой горы, прилегающей к левому берегу Свислочи, был в какой-то мере заселен в XII—XIII вв., а не в XIV—XV вв., как считалось ранее[33]. Находки XIV—XVIII вв. говорят о том, что жизнь продолжалась и в последующее время. В 1978 г. впервые были проведены археологические работы в районе Верхнего рынка (пл. Свободы и прилегающие к ней улицы). В раскопках на пл. Свободы и по Музыкальному переулку и в шурфах по улицам Герцена и Бакунина найдена домонгольская керамика, что позволяет говорить о заселенности этой части города с XII—XIII вв. Несомненно, дальнейшие исследования дополнят наши представления о топографии древнего и средневекового Минска. До последнего времени мало внимания уделялось археологическому изучению Минска XIV—XVIII вв. Почти полное отсутствие документальных источников по периоду XIV—XV вв. не дает возможности судить ни о территории города этого времени, ни о его материальной культуре. Восполнить образовавшийся пробел могут только археологические раскопки. Одной из главных задач ведущихся исследований является выяснение исторической топографии Минска XIV—XVIII вв. на основании археологических раскопок, данных геологии и письменных источников. Изучение массового археологического материала дает возможность судить об уровне технологии ремесленного производства в городе в то или иное время, ассортименте выпускаемой минскими ремесленниками продукции, о бытовых занятиях горожан и торговых связях города с округой и другими территориями.

В послевоенные годы советские историки добились значительных успехов в изучении истории феодального Минска. Это нашло свое отражение в отдельных статьях и книгах по истории Минска. Большим событием был выход в свет в 1957 г. «Истории Минска», где развитие феодального города освещено на основании последних работ белорусских археологов и историков. Спустя 10 лет, к 900-летию Минска, вышло второе издание этой книги на белорусском языке. Главы, посвященные истории древнерусского и средневекового города, дополнены новыми данными, полученными в результате археологических раскопок и изучения документальных источников. В написании их принимали участие археологи: В. Р.

Тарасенко, Т. Н. Коробушкина, историки С. А. Щербаков, А. П. Грицкевич, Е. М. Карпачев, З.Ю. Копысский, В. С. Поссе и др.

На основе углубленного исследования истории Минска составлено новое представление о его экономическом положении. Ученые считают, что «развитие городов как ремесленных и торговых центров продолжалось и в первой половине XVII в., а их экономический упадок, который произошел после, почти полностью был преодолен в конце XVIII в.[37] Развитие планировочной структуры и застройки Минска в позднефеодальную эпоху проследил Ю. А. Егоров. По его мнению, архитектурный облик города до конца XVI в. определяли замок, церкви, монастыри[38]. Историко-археологическое изучение Минска продолжается. Минский археологический отряд Института истории АН БССР проводит научные раскопки в городе, ведет наблюдение за культурным слоем при строительных работах. Источниковедческая база изучения истории средневекового города обогащается новыми данными.

---

1 Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.— Современник, т. XLVIII, 1854, с. 1, 12.

2 Syrokomla Wl. Mińsk.—Teka Wileńska. Wilno, 1957, t. l, s. 202.

3 Снитко А. Минск в XVII веке.— Минская старина, 1909, вып. I.

4 Слупский А. И. История Минска.— Северо-Западный календарь на 1893 год. Мн., 1892.

5 Смородский А. Н. Столетие Минской губернии.— Мн., 1893.

6 Игнатьев Р. Г. Археологическое обозрение церквей Минска.— МГВ за 1877 г., № 34—36, 41—46, 50; 1878, № 4, 5.

7 Копысский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI —первой половине XVII в. Мн., 1966, с. 10.

8 Дружчыц В. Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст.— Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэту у Менску, № 12. Мн., 1926.

9 Шчакаціхін М. Помнікі старадаўняй архітэктуры XVII—XVIII ст. у Менску.— Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн., 6, т. I, сшытак I. Менск, 1928, с. 1, 5.

10 Даўгяла З. Стары Менск (нарысы з гісторыі і эканамічнага жыцдя места).—Наш край, № 1 (28), 1928, с. 9, 10.

11 Даугяла З. Стары Менск.— Звязда, № 207, 1926, с. 3.

12 Нікольскі Н. М. Раскопкі на месцы старажытиага Мінска.— Вес:II АН БССР, 1947, вып. 1, с. 52.

13 Загорульский Э. М. К вопросу о территории древнего Минска.— Материалы конференции молодых ученых Академии наук БССР. Мн., 1958, с. 18.

14 Тарасенко В. Р, Раскопки на Минском замчище.— КСИА. Киев, 1955, № 4, с. 19.

15 Загорульский Э. М. Древний Минск.— Мн.,— 1963, с. 42.

16 Тарасенко В. Р. Да гісторыі горада Мінска.— Весці АН БССР, 1948, № 6; Он же. Вынікі раскопак Мінскага Замчышча у 1945 —

1949 гг.—Весці АН БССР, 1950, № 4; Он же. Раскопки Минского Замчишча в 1950 г.— КСИИМК, АН СССР, 1950, № 35; Он же. Из мателиалов раскопок Минского Замчища.— КСИИМК АН СССР, 1955, № 57; Он же. Древний Минск.— Материалы по археологии БССР. Мн., 1957; Загорульский Э. М. К вопросу о территории древнего Минска.— Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Мн., 1958; Он же. Археология Белоруссии.— Мн., 1965; Он же. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска.— Весці АН БССР, 1960, № 4; Он же. Мінскі замак, 1970, № 2; Он же. Древний Минск. Мн., 1963.

[17] Щеглова В. В. К вопросу о фауне Минского Замчища.— Белорусские древности. Мн., 1967, с. 421.

[18] Коробушкина Т. Н. Материалы по земледелию XI—XIII вв. из раскопок Минска.— Белорусские древности. Мн., 1967, с. 403.

[19] Шут К. П. Обувь древнего Минска.— Материалы IX конференции молодых ученых. Вопросы истории. Мн., 1965, с. 80.

[20] Шпилевский П. Путешествие по Полесью..., с. 2.

[21] Загорульский Э. М. Древний Минск, с. 13.

[22] Осмоловский М. С. Минск. Градостроительство столицы Советской Белоруссии.— Мн., 1952.

[23] Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии.— Мн., 1974, с. 233.

[24] Повесть временных лет, ч. I.— М.—Л., 1950, с. III.

[25] Ляўданскі А., Каваленя А. Дзе знаходзіўся першапачаткова Менск?—Звязда, 1935, № 119.

[26] Штыхаў Г. Аб паходжанні Мінска.— Полымя, № 5, 1967, с. 181; Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX—XIII вв.—М., 1966, с. 148.

[27] Загорульский Э. М. Археология Белоруссии, с. 180.,

[28] Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли — IX—XIII вв.—Мн., 1978, с. 63—72.

[29] Загорульский Э. М. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным.— Труды Института-истории АН БССР, вып. 2, Мн., 1958, с. 7.

[30] Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 251.

[31] Штыхаў Г. В. Ажываюць сівыя стагоддзі.— Мн., 1974, с. 157.

[32] Соболь В. Е., Штыхов Г. В. Раскопки в Минске и его окрестности. АО — 1976. М., 1977, с. 416.

[33] Гісторыя Мінска.—Мн., 1967, с. 20.

[34] Карпачоў Е. Эканамічнае развіццё Мінска у XVIII ст. (да пытання аб эканамічным развіцці гарадоў Беларусі).— Весці АН БССР, 1962, №2.

[35] Копысский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—XVII вв.—М., 1966.

[36] Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв.—Мн., 1963.

[37] Сб. Навука БССР за 50 год.—Мн., 1968, с. 58.

[38] Егоров Ю. А. К вопросу о градостроительной истории Минска в XVII, XVIII и первой половине XIX в.—Известия АН БССР, № 3, 1955, с. 18.

О. А. ТРУСОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЛОЦКОЙ СОФИИ

Самым древним памятником монументального зодчества в Белоруссии является Полоцкая София, построенная в сере^ дине XI в. До наших дней храм дошел в перестроенном виде и представляет собой большой пятинефный объем, созданный в стиле «виленского барокко». В конце XIX в. многие исследователи пытались отыскать следы первоначальной постройки. Поскольку храм был оштукатурен снаружи и изнутри, древнюю кладку решили искать в подвалах собора. Первая попытка обнаружить ее не увенчалась успехом, так как ход в подземелье был заложен[1]. К концу XIX в. собор пришел в запустение, штукатурка местами обвалилась, и А. М. Павлинову удалось обнаружить древнюю кладку XI в., выполненную из плинфы и булыжных камней (рис. 1). А. М. Павлинов сравнивает размеры кирпича Полоцкой Софии с кирпичом Софии Новгородской и отмечает их сходство[2]. Он отмечает, что западные апсиды более поздние, чем восточные, и построены для симметрии[3]. Наблюдения А. М. Павлинова в общем были правильными. Летом 1909 г. Софию осматривал П.П. Покрышкин. Он обнаружил под полом остатки первоначальных столбов и стен храма XI—XII вв., сделал зондажи на стенах здания и пришел к выводу, что восточные апсиды сохранились полностью, а также цела отчасти и первоначальная западная стена собора. Было высказано предположение, что в западных частях храма могут быть открыты останки башен, вероятно, стоявших на юго- и северо-западных углах первоначального храма [4].

В 1913 г. под руководством П. П. Покрышкина и под наблюдением И. П. Суханова производился капитальный ремонт Софийского собора [5]. Выяснилось, что древних частей сохранилось больше, чем их было обнаружено в 1909 г. Сохранились фундаменты древнего храма, а также его западные и восточные стены, которые вошли в состав нового здания. К. Шероцкий, описывая наблюдения П. П. Покрышкина, подверг критике высказывания А. М. Павлинова о том, что западные апсиды Софии более поздние. Он утверждал, что они почти до самого верха сложены из булыжника и кирпичей на розовом известковом растворе с кирпичным щебнем[6]. Точка зрения К. Шероцкого положила начало многолетней дискуссии ученых о времени сооружения западных апсид Со-

фийского собора, а следовательно, о первоначальном плане здания. Сторонники наличия древних западных апсид писали о романском влиянии на архитектуру Полоцкой Софии, что было опровергнуто в результате исследований последних лет. Далее К. Шероцкий сообщает, что обнаружены восьмигранный столб напротив главной апсиды, пилястры, сохранившиеся на западных и восточных фасадах, а также остатки первоначального входа в храм, расположенного в южной стене. Ширина входа одна сажень и пять вершков. Дается подробное описание кладки стен собора, которая позднее получила название «кладки со скрытым рядом». Он также отмечает, что древний пол Софии, выложенный продолговатыми шестиугольными плитками на известковом растворе, находился на глубине 1,5 аршина от современного пола. К сожалению, П. П. Покрышкин не опубликовал результаты своих наблюдений и раскопок, произведенных в 1909—1913 гг. Видимо, по этим материалам К. Шероцкий предложил свою рскон-

Рис. 1. Кладка Софии XI в.

струкцию плана Софийского собора. Несмотря на неточности, которые подробно разобрал И. М. Хозеров [7], К. Шероцкий впервые правильно показал на своем плане дополнительное членение — виму, на что обратил внимание Н. Брунов[8].

Летом 1926 г. Полоцкую Софию изучали И. М. Хозеров и М. Щекотихин. Хозеров пришел к выводу, что западные апсиды Софии хотя в основном и сложены из плинф, но не на древнем растворе — цемянке, а па новом, в котором отсутствовал кирпичный бой. Толщина швов кладки этой пристройки значительно меньше, чем у восточных апсид[9]. Хозеров считал, что западные апсиды были сооружены не ранее XV в.[10] Исследователь изучил наружную кладку стены, к которой были пристроены псевдоапсиды, и установил, что это западный фасад Софии XI в., выполненный в характерной для этого времени технике. Хозеров сделал подробный анализ внешнего декора древних апсид собора[11]. Важной заслугой Хозерова была предложенная им реконструкция плана Софийского собора [12]. На этом плане устранены неточности, допущенные К. Шероцким, обозначены места семи предполагаемых куполов и показаны две пары столбов в главном трансепте, на которые упиралась аркада хор [13]. План, предложенный И. М. Хозеровым, представлял собой квадрат со стороной примерно 27 м. Это гораздо точнее, чем план К. Шероцкого, где в основе собора лежит квадрат со стороной 23,43 м. Но масштаб, приложенный к плану И. М. Хозерова, ошибочно дан в метрах (нужно в саженях). Исходя из метрической системы мер, размеры плана Полоцкой Софии без апсид составляют 12,7X12,7 м. Некоторые позднейшие исследователи без всякой проверки приняли на веру план И. М. Хозерова[14]. Ошибкой И. М. Хозерова, а также М. Щскотихина было принятие восьмигранного столба, на который опиралась главная аркада хор, за основание крестильной чащи [!5].

Обследовав Полоцкую Софию, М. Щекотихин подтвердил выводы И. М. Хозерова о позднем характере западных апсид [16]. Он же произвел обмеры подземных частей храма и предложил план реконструкции Софии[17]. Несмотря на то что план М. Щекотихина в деталях менее подробен, чем план Хозерова (отсутствуют боковые проходы, некоторые внешние лопатки и т. д.), основные размеры Полоцкой Софии даны довольно точно и составляют по внешнему обмеру 26,5X X25,5 м, что очень близко к действительности. Сам. М. Щекотихин приводит размеры 21X22 м[18]. Общий план Софии, приведенный им, в настоящее время является самым точным.

В 1929 г. Софию посетила экспедиция Первого Московского государственного университета под руководством профессора А. И. Некрасова. Ученые осмотрели собор и обнаружили остатки фресок на древних столбах храма, которые находились под полом [19].

В августе 1946 г. в Полоцке работала объединенная экспедиция Института теории и истории Академии архитектуры и Управления по делам архитектуры при Совете Министров БССР под руководством профессора Н. И. Брукова. В ее состав входили А, Монгайт, И. Хозеров, Е. Ащепков. Были продолжены исследования Софии. И. М. Хозеров снова подтвердил свой вывод о более позднем времени строительства западных апсид Полоцкой Софии[20]. В 1947 г. исследования были продолжены. Под руководством Е. А. Ащепкова было сделано несколько шурфов возле здания собора. Е. А. Ащепков в отличие от И. М. Хозерова пришел к противоположному мнению н утверждал, что западные апсиды изначальны[21]. Обмерный чертеж Полоцкой Софии (в который вошли западные апсиды как первоначальные), выполненный под руководством Е. А. Ащепкова, был опубликован К. Н. Афанасьевым [22]. Внешние размеры храма у Е. А. Ащепкова без учета апсид составляют 30Х30 м, что значительно отличается от реальных данных[23].

В результате исследований 1946—1947 гг. было установлено, что первоначальный уровень древней поверхности собора у восточной стены был на 2,4 м ниже уровня современной дневной поверхности. Была исследована структура фундаментов и глубина их залегания, которая достигла 96 см[24].

В июле 1967 г. М. К. Картером проведены небольшие раскопки под полом Полоцкой Софии[25]. В результате расчищены остатки фундаментов и стен с богатыми фресковыми росписями[26].

С 1975 г. по настоящее время изучением Полоцкой Софии занимается ленинградский исследователь В. А. Булкин. В 1975 г. основные раскопки шли в восточной и южной частях здания. Установлено, что в основании собора лежит единый и одновременный фундаментный каркас. Глубина залегания ленточного фундамента между прсдалтарными столбами в центральном нефе 0,8 м, его ширина 1,7 м. В южной стене храма раскрыты следы дверного проема XI в. Найдены фрагменты фресок, плинфы со знаками на торце, сплавившийся свинец[27].

В 1976 г. работы велись как внутри здания, так и снаружи. Возле западных и восточных апсид было заложено два рас-

копа[28]. Факт позднего происхождения западных апсид был установлен окончательно. Апсиды и их фундаменты оказались сложенными из плинфы вторичного использования и на позднем растворе. Перевязь между апсидами и фундаментом западной стены отсутствовала [29]. Сохранились отпечатки круглых столбов в трансепте на примыкающих поздних кладках[30].

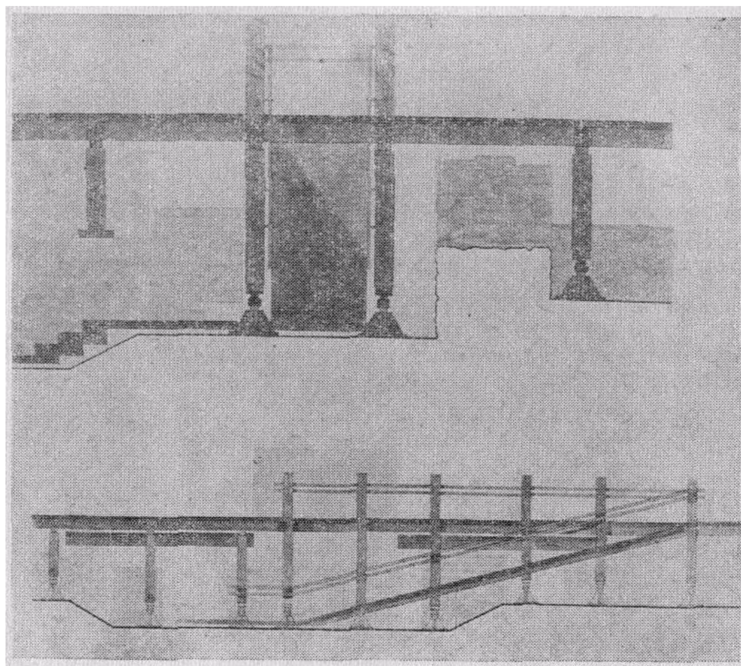

Рис. 2. Предложение по консервации руин Софии XI в. (автор В. Г. Слюнченко)

Возле восточной стены собора обнаружены остатки постройки домонгольского времени, но более поздней, чем собор. Она примыкает к северной части восточного фасада. Установлено, что восточная стена была оформлена поясом двухступенчатых ниш в нижней части, полуколонками на апсидах, а также живописной разработкой поверхности под полосатую кладку[31]. В 1977 г. изучение Софии было продолжено. Перед южным порталом собора вскрыты остатки притвора (7,8Х5 м), сложенные из плинфы, на цемянке, со скрытым рядом. Фунда-

мент —из валунов, глубина залегания 0,6—0,8 м. Стены притвора приложены к лопаткам основного объема без перевязи. К юго-восточному углу притвора примыкает кладка из плинфы толщиной 3,8—4,5 см, но также домонгольская [32]. Снаружи у юго-западного угла храма раскрыты остатки постройки из плинфы. Толщина ее стен равна 1 — 1,2 м. Южная

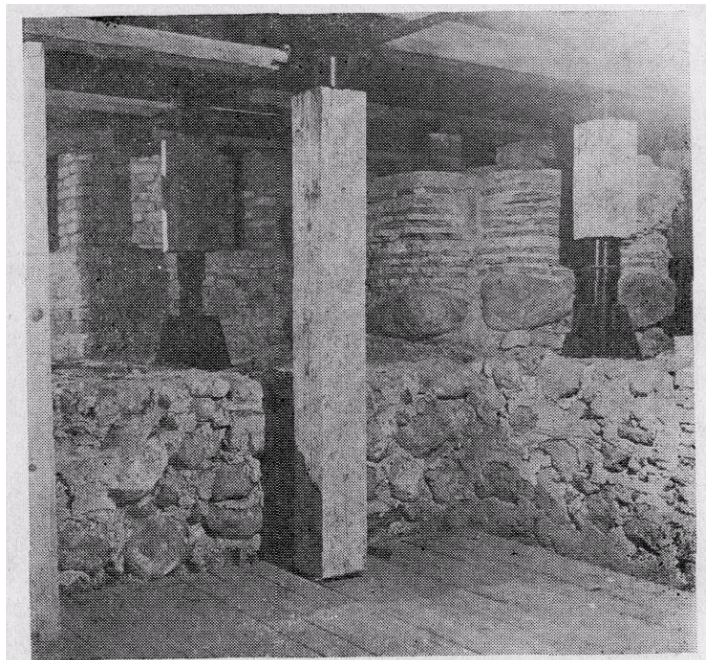

Рис. 3. Руины Софии XI в. в процессе реставрации

стена этой постройки примыкает к крайней южной лопатке западной стены собора п имеет протяжение 4,8 м. Западная стена прослежена до места, где она разрушена при постройке поздних апсид. Ее фундамент сложен из мелких валунов на известковом растворе без цемянки и имеет глубину 0,7 м. Внутри постройки обнаружен плохо сохранившийся фундамент круглого столба. Открытое сооружение, видимо, является остатками западной галереи собора с башней, размещенной в ее южном конце[33]. Интересна находка надписи, процарапанной на камне, который вложен в кладку южного

портала [34]. Другая надпись XI в., обнаруженная на плинфе, которую нашли при реставрационных работах, приводится Г. В. Штыховым [35].

В 1978 г. завершено изучение лестничной башни, а также найдены остатки предположительно другой лестничной башни собора XI в. В плане это сооружение близко к квадрату — 7,4Х7,1 м. Частично раскрыта постройка XII—XIII вв., которая примыкала к храму XI в. с северо-востока. В северной стене Софийского собора изучен древний входной проем шириной 2 м. Наиболее важным открытием является обнаружение сложного архитектурного комплекса XII—XIII вв. в раскопе с юго-восточной стороны Софии. Это остатки усыпальницы, к которой с юга примыкала церковь с прямоугольной апсидой[36].

Исследования Полоцкой Софии продолжаются. Одновременно с археологическими изысканиями проводится реставрация Софийского собора. В СНРПМ Министерства культуры БССР разработан проект (автор — архитектор В. Г. Слюнченко), предусматривающий музейное экспонирование остатков храма XI в. (рис. 2,3). В результате многолетних исследований полоцкого Софийского собора установлено время его сооружения (середина XI в.), предложены планы первоначального объема храма, установлены размеры здания. Эти сведения легли в основу проекта реставрации и приспособления Полоцкой Софии.

---

1 Сементовский А. М. Полоцкая софийская церковь.— В кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1978 год. Витебск, 1978, с. 61.

2 Павлинов А. М. Древние храмы Витебска н Полоцка.— В кн.: Тр. **IX** АС, т. I. М, 1895, с. 9.

3 Там же.

4 Зорин Н. Минувшее и настоящее г. Полоцка.— Полоцк, 1910, с. 28.

5 Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке.— В кн.: Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества, т. X, ч. II, 1915, с. 79, 83, 84, рис. 22; Кайгородов Н. Полоцк и его цркoвпо-исторические древности.— Светильник, 1914, № 2, с. 33.

6 Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке, с. 80. Интересно, что тот же К. Шероцкий на 81-й стр. пишет: «Западные апсиды отделены от остального храма перегородками с проходами, причем в среднем из них были следы для косяков дверей». Значит, определенное время, а может быть, и всегда западные апсиды не использовались по своему прямому назначению.

7 Хозераў І. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду.— У кн.: Запіскі аддзелу гуманітарных иавук, кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва, т. I. Мн., 1928, с. 111—112.

8 Брунов Н. Беларуская архітэктура XI—XII ст.—У кн.: Зборнік ар-

тыкулаў. Этнаграфія. Антраполёгія. Псыхолёгія, псыхотэхніка і навуковая арганізацыя працы. Псторыя мастацтва. Менск, 1928, с. 274.
9 Х о з е р а ў І. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду, с. 110.
10 ЦГАОР БССР, ф. 903, оп. 3, д. 36, л. 34 —К сожалению, большинство своих материалов по изучению полоцкой архитектуры И. М. Хо^еров не опубликовал, так как документация погибла во время Великой Отечественной войны.
11 Х о з е р а ў І. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду, с. 112, 116.
12 Там же, рис. 4.
13 Исследованиями последних лет доказано, что в главном трансепте находилась только одна пара столбов, которые в плане были круглыми, а не восьмигранными, как считал И. М. Хозеров.
14 Е г о р о в Ю. Градостроительство Белоруссии.— М., 1954, с. 15; Полоцк. Исторический очерк.— Мн., 1962, с. 75.
15 Х о з е р а ў І. М. Полацкае будаўніцтва .старадауняга перыяду, с. 117.
Ш ч а к а ц і х і н М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва.— Мн., 1928, с. 105.
18 Ш ч а к а ц і х і н М. Нарысы з гісторыі беларускага, мастацтва, с. 105.
17 Там жа, табл. 19.
18 Там же, с. 107.— Автор, очевидно, имел в виду размеры по внутреннему обмеру.
1 9 М я л е ш к а С. Экспедыцыя па вывучэнню помнікаў старасветчыны г. Полацка.— Наш край, 1929, № 8—9, с. 87.
20 Савецкі селянін, 1946, 27 кастрыч.
21 Ш т ы х о в Г. В. Древнеполоцкое каменное зодчество.— Белорусские древности. Мн., 1967, с. 264.
22 А ф а н а с ь е в К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими.— М., 1961, с. 46.
23 Обмеры произведены ленинградскими археологами.
2 4 Ш т ы х о в Г. В. Древнеполоцкое каменное зодчество, с. 266—267.
25 Сцяг камунізма, 1967, 23 ліп.
26 Літаратура і мастацтва, 1968, 9 студз.
27 Б у л к и н В. А. Архитектурно-археологические работы в Полоцком Софийском соборе.—АО —1975. М., 1976, с. 417.
28 Т р у с а ў А. А. Археалагічныя пошукі ў Полацку.— ПГКБ, 1976, № 4, с. 41.
29 Б у л к и н В. А., Р а п п о п о р т П. А., Ш т е н д е р Г. М. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке.— АО — 1976. М., 1977, с. 400.
30 Там же. Имеется в виду кладка середины XVIII в.
31 Там же, с. 401.
32 Булкин В. А., Раппопорт П. А., Ш о л о х о в а Е, В. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке.— АО — 1977, М., 1978, с. 410.
33 Там же, с. 411.
34 Там же, с. 410.
35 Ш т ы х о в Г. В. Города Полоцкой земли. Мн., 1978, с. 138.
36 Б у л к и н В. А., Б у л к и н Вас. А., С м и р н о в В. Н., Р а т н е р И. Е. Работы в Полоцке.— АО—1978. М., 1979, с. 430.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА АН СССР — Архив Института археологии АН СССР
АИИ АН БССР — Архив Института истории АН БССР
АО — Археологические открытия
АСНРМ — Архив Специальных научно-реставрационных мастерских
Бюлецень ІБК — Бюлецень Інстытута Беларускай культуры
ВИ — Вопросы истории
ИЭМ — Историко-этнографический музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГВ — Минские губернские ведомости
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
Працы, т. 1 — Запіскі аддзела гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры, кн. 5. Працы кафедры археалогіі т. 1. Мн., 1928
Працы, т. 2 — Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай акадэміі навук, кн. II. Працы археалагічнай камісіі, т. 2. Мн., 1930
Працы, т. 3 — Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук, т. 3. Мн., 1932
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СОМ — Смоленский областной музей
СЭ — Советская этнография
ТДКАБ — Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии
Тр. VII АС — Труды VII археологического съезда
Тр. IX АС — Труды IX археологического съезда
Тр. X АС — Труды X археологического съезда
Тр. XI АС — Труды XI археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
LTSR MADA -- Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, A serija. Vilnius
KHKM -- Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНОСТИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

Редактор *А. К. Хоревская*
Художник *В. В. Тихоновец*
Художестзенный редактор *В. Ф. Гринкевич*
Технический редактор *В. И. Крученок*
Корректор И. А. *Альперович*

ИБ № 1414

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 27.10.81. Подписано в печать 26.02.82. АТ 05541. Формат 60Х84 1/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 29,35 тыс. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 2700 экз. Зак. № .1987.

Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». 220600. Минск, Ленинский проспект, 68.